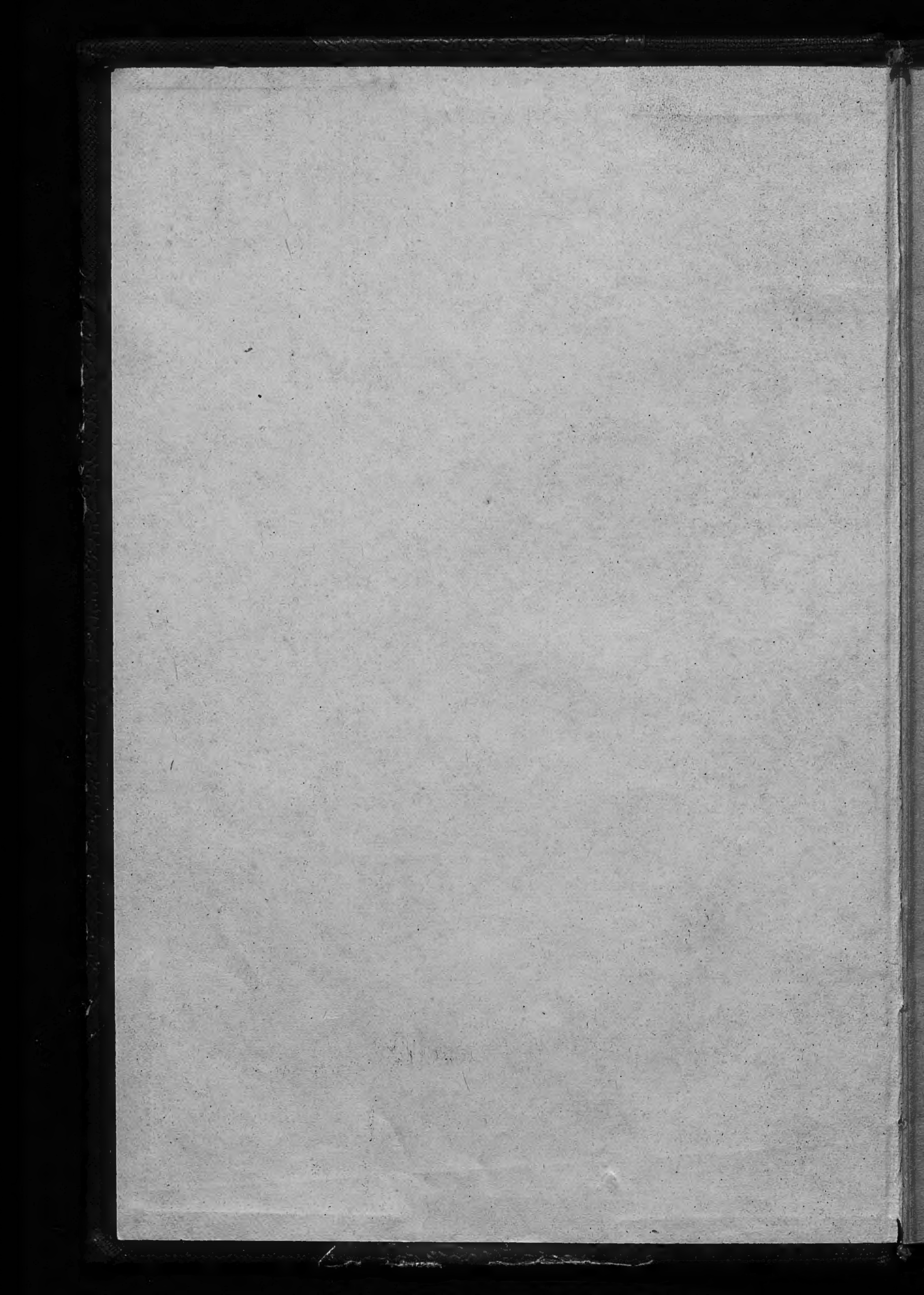

ВКП
САМАРСК
Губ.Ком
КРАСНАЯ БЫЛЬ
СБОРНИК
2

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (Б.)

КРАСНАЯ БЫЛЬ

СБОРНИКИ ИСТОРИЧ. МАТЕРИАЛОВ САМАР. ГУБ. БЮРО ИСТПАРТА

КНИГА ВТОРАЯ

МАРТ

1923.

САМАРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большев.)

САМАРА.
1923.

Замеченные опечатки.

Стр.	Напечатано.	Следует.	Стр. свер.	Стр. снизу.
5	Исторя	История	1	—
—	Борбы	Борьбы	3	—
—	Комунистический	Коммунистический	5	—
9	Жугулевском	Жигулевском	—	7
11	Жигулева	Жигулевском	—	14
50	В Самаре	В Саратове	—	7
53	Туп	Туп	6	—
55	Днева	Киева	—	23
57	экспортом	экспромтом	16	—
85	Васякин	Васянин	—	12
87	июньским	июльским	—	22
96	А. Галактионов	М. Галактионов	14	—
114	заводили	наводили	—	3
121	чехо сковацкими	чехо-словацкими	1	—
131	отрправленная	отправленная	7	—
137	расоряжение	распоряжение	8	—
138	помощи красноармейцев.	помощи семьям красноармейцев.	9	—
141	Советсукю	Советскую	3	—
149	1905 г.	1915 г.	—	18
157	групой	группой	—	—

Приложение.

Стр.	Напечатано.	Следует.	Стр. свер.	Стр. снизу.
45	пэртим Андроинпова	партии Андроникова		

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большев.)

КРАСНАЯ БЫЛЬ

СБОРНИК
САМАРСКОГО ГУБЕРНСКОГО БЮРО ИСТПАРТА.

МАРТ—№ 2.

САМАРА.
1923.

Отпеч. в 1-й типографии
„Самгубполиграфпрома“.
ул. Заводск. и Троицк. 62/20
в количестве 1000 экземп.
(Самара).

От Самарского Губернского Бюро Истпарта.

Дорогие товарищи! В процессе работы Истпарт все больше и больше приходит к заключению, что исторические материалы и печатные, и рукописные ему больше чем необходимы. Сплошь да рядом, из-за отсутствия их, задерживается работа, остаются неясными те или иные детали, из-за чего нельзя восстановить полной картины исторического прошлого.

Истпарт уже несколько раз обращался к товарищам, с просьбой помочь в его деле. Обстановка работы складывается так, что приходится еще раз обратиться все с тем же призывом.

Товарищи! Помогите Истпарту собрать необходимый исторический материал. Несите к нам ненужные вам (правда, м. б. дорогие по воспоминаниям) старые газеты, листовки, прокламации и т. п. Выполните свой гражданский долг. Испарт вам будет очень благодарен. В случае особой ценности материала Истпарт согласен, если того потребует принесший материал, возвратить его по использовании, или, в крайнем случае, ОПЛАТИТЬ его по договору с обладателем материала.

Отв. секретарь Истпарта ПАНОВ.

Вместо предисловия.

Настоящий номер «Красной Были» выпускается в честь 25-летнего юбилея партии.

После того, как мы видели общий под'ем пролетарских и трудовых масс в связи с юбилеем партии, в день ее 25-летия, хочется возможно полнее осветить в изданиях Истпарта прошлое революционной Самары.

В историю Самарской организации включены страничка из жизни крупных революционных деятелей, начиная с **В. И. Ленина, Кржижановского** и кончая целым рядом других виднейших деятелей революции, играющих теперь значительную роль в общереспубликанском масштабе. В настоящее время необходимо всем, как партийной массе, так и сочувствующим партии, рассказать, как стала наша партия, в лице организации Р.С.-Д.Р.П., вождем революции.

Для обще-партийной истории нужно осветить **место**, которое занимала и занимает рабочая **Самара**, как сплоченное дисциплинированное единение членов РКП, один из наиболее прочных столбов, на коих покоится все здание РКП.

История Самарской организации говорит за то, что она есть неиссякаемый резервуар партийных сил. Но это привело к тому, что в настоящее время в Самаре осталось очень мало старых работников, помнящих Самарское прошлое, а тех, кто участвовал в первых партийных ячейках и совсем нет. Это создает большие трудности для работы Истпарта. Немало тормозит работу длительность обработки документов Жандармского Управления; а повседневная, захватывающая все время, советская и другая работа мешает современникам описать эпоху чехо-учредиловщины.

Все эти обстоятельства отражаются на наших сборниках, которые, благодаря этому, имеют большие пробелы, но в дальнейшей работе они будут все более и более совершенствоваться.

ГУББЮРО ИСТПАРТА.

„История всего предшествующего общества, есть история борбы классов“

(К. Маркс и Ф. Энгельс „Комунистический манифест“).

ИЗ ВРЕМЕН ПОДПОЛЬЯ.

Старые годы.

(Из воспоминаний)

Мое революционное крещение произошло в 1902 г. Работал я тогда на Лебедевском металлургическом заводе в качестве ученика. Познакомился я с одним эс-эром по прозванию «Скиталец» *) фамилия которого, как я узнал после, была Петров; он был корреспондентом в газете и пел в церковном хору. «Скиталец» стал поручать мне раскидку листовок. Поручения я исполнял аккуратно, а поэтому он скоро меня ввел в группу подпольных работников, куда входили «Прапор.» (меньшевик) Мещеряков,(токарь, с.-д.) Мальков,(слесарь, с.-д.. после провокатор), Протопопов Демьян (интел. с.-д. поднадзорный) конторщик службы движения: «Ваня» (ученик тех. ж. д. училища откуда был выключен, работал всегда на гектографе). На собраниях указанной группы обсуждались разные вопросы, как напр. безземелье крестьян, высокая аренда помещичьих и удельных земель, о тяге из деревень в города, где и без того, с ростом безработицы уменьшается заработная плата. При обсуждении вопросов о жизни крестьян и рабочих, читались маленькие лекции по вопросам политико-экономическим, например: «На что содержится государство, кому нужна охранка, полиция и армия?» Мы задавались целью создать связи с рабочими фабрик. Главным звеном связи с заводской молодежью был я.

К весне 1902 г. был организован целый ряд рабочих кружков. Так, Мальков Павел организовал кружок Журавлевских рабочих, куда вошло товарищей до 30; Свечной завод через Мухина (поднадзорный из Иваново-Вознесенска),дал кружок в 11 чел.. Лебедевский завод, через литейщика Веселова, от 7 до 13 чел. На Жугулевском заводе работал Артамонов Иван, слесарь, пытался завести связь, но неудачно: хотя рабочие Жигулевского завода были угнетены, больше чем где либо и недовольства было достаточно, но не было революционной решительности, ввиду того, что рабочие в большинстве были в фабричной жизни новички, при том политика фон Вакано была очень тонкая. Так, например, рабочих, прослуживших летний

*) По делам жандармского упр. „Скиталец“ (1903) называется „Модным писателем“.

сезон, награждали месячным жалованьем за безпорочность. От мастерской магазина Дрездена был кружок портных человек 9—10, но фамилий их мы не знали т. к. тогда была конспирация. От заводов Шерстнева и Молчанова был кружок, созданный модельщиком Павлов Горбачевым.

Во главе организации стояло тогда «Бюро Восточного района» и Губернский Комитет партии, куда входили по одному представителю от кружка. «Бюро восточного района» популярностью среди масс не пользовалось. Мало того, его совсем не знали. Т. н. В. П. Арцубушева знали только самые активные работники. На общие совещания комитета собирались через пикеты, разставленные до места сходки из надежных проверенных товарищей. Летом в 1902 г. работа кружков пилавяло, зимой оживлялась притоком товарищей, из. рабочих печатников, в среде которых были способные пропагандисты и технические работники по созданию печатных листовок на гектографах.

В 1903 г. с весны был целый ряд заседаний комитета. Перед Пасхой была забастовка пекарей крупных булочных: Крюгера, Иргизова, Кольцева, Ткачева и других. К 1-му маю 1903 г. Комитет решил созвать рабочих и отпраздновать день «Первого мая»—пролетарский праздник. Сходка была назначена за Постниковым оврагом, за Самаркой и на каменоломне. Оттиснули листовки с требованиями, как экономическими, так и политическими.

О сходке на первое мая узнала охранка. Еще с вечера под первое мая начались массовые аресты. Арестовано было много пекарей, портных, печатников, учеников технического училища и студентов, среди которых были сынки местных купцов, например: Романова, Козаченкова, Субботина, Журавлева. Между прочим был арестован и «Скиталец».

Утром первого мая город был оцеплен, пропуска за город, кроме буржуазии, никому не было. Пытавшихся пройти через цепь, хлестали плетьми, а за протест арестовывали и уводили в участки откуда направляли в тюрьму.

Участки были переполнены, полиция и казаки были пьяны, и жестокость доходила до глупостей: так арестовывали и били плетьми рабочих, одетых в красные рубашки. Но как ни была крепка застава и зорок глаз полиции, все же часть рабочих собралась в указанных пунктах за Постниковым оврагом.

Первым выступил с речью т. Воинов рабочий литейщик, старый член партии с.-д., вторым — «Прапор» (интелигент. правит. губернатор. канцелярии). В конце речи тов. «Прапора», собравшиеся сообщили, что близко казаки. Все разбежались. На обратном пути рабочих обыскивали. На этом собрании было много дам из среды интелигенции, поэтому после, среди обывательщины, прошел слух, что «студенты» и «жиды» му-

тят народ, хотят создать барщину; а среди фабричных рабочих родилась злоба на власть, которая помешала праздновать день «Первого мая».

В течение лета было много толков о жизни рабочих и о царстве свободного труда, социализме.

Летом этого 1903 г. был созван Поволжский с'езд, на котором по ряду вопросов произошли разногласия между Павлом Уфимским, (рабочий большевик, бежавший из Уфы от преследования генер. губернатора Линда) и „Николаем Босым", с одной стороны (приезж. из ЦК—С. Д.) и „Прапором" Александром «Разум», с другой. С этого с'езда среди работников подполья стало заметно расхождение. Зимой появляются течения: меньшевиков и большевиков. Производственный пролетариат стоял на точке зрения большевиков, а служилый—меньшевиков.

Так прошел 1903 г.

В 1904 г. был выпущен ряд листовок, как например: об авантюре братьев Безобразовых в Корее. и т. п.: на собраниях начал обсуждатся вопрос о возникавшей войне с Японией. В политические кружки вошло много новой публики; как например: механик Зингера Алексей Иванович, «Соломон» (Лепский) учительница Надежда (7-го приходского училища), еврейка Цива (после ставшая женой Разумова), Лазарь Сергеев или Сергей Лазарев, Матов, Василий Алексеевич Ильин, его брат Леонид и сестра Мария, Василий Петрович Арцыбушев—«Самарский Маркс». (В. Арцыбушев вероятно был и раньше, но узнал я его только в 1904 г.), Сын Арцыбушева Борис, владелец дач. Чернышев (после издавший газету «Говор» и «Прибой», где поместил из Исая пророка: «горе земле поморской, народу содомскому, князья и цари ваши законопреступники, сообщники воров и т. д.», за что сидел в тюрьме).

С весны 1904 г. начались маленькие забастовки. Так, бастовали грузчики Поволжья против подрядчиков, пытались провести забастовку, протеста против Японской войны на заводах Жигулева, Журавлева, Лебедева и др., к которым примкнули печатники, но вышло очень неорганизовано, кустарно: было за Волгой 2—3 митинга и только.

В 1905 году еще прибыли силы, из местных рабочих ж. д. Так вступил в организацию кузнец Рябов Василий, (после оказавшийся провокатором,) Евдокимов Савелий, (тоже после стал провокатором), Степницкий—(провокатор), приезжий печатник Петров (впоследствии был выслан), печатник «Середа» (член ЦК), печатник Комаров Степан, литейщик Аркадий Васильев, ученик из типографии Виктор Васильев, Соловов Иван Алексеевич, (после быв. запасной редактор «Волжского Слова», изменивший свое направление, продавшись буржуазии) и еще много вошло публики, которая ныне не стоит в рядах революционного пролетариата.

Весной 1905 года был целый ряд кружковых занятий. Больше всего собирались в доме Шумилина (на углу Уральской и Торговой) в моей квартире и квартире Соловова, проживавшего в том же доме, и в доме Хальзова Михаила, ныне умершего, а также у бедного рабочего Зюмина Ивана, в землянке. Так же происходили собрания на чердаке против Чаковской бани на Волге и у фотографа Маслова. До всеобщей забастовки в Самару прибыл с Урала «Слеза» (Пошевский, приехавший из ЦК), сильный пропагандист, который своими доводами множество эс-еров разубедил. Тогда из эсеров перешел в с.-д. Иван Яковлевич Сергеев, (застрелившийся в 1922 г., ввиду безнадежного состояния здоровья).

С первых дней октябрьской революции, в Самаре создался «Комитет общественного порядка», под председательством эс-эра купца Батюшкова. В этот комитет входили: полковник Фон-Гольбен, повереный К. Глядков (эс-эр) и Клафтон, (правитель канцелярии тюремной инспекции). Комитет этот создался сам по себе, никто его не организовал,—просто в одно прекрасное время об'явили себя «Комитетом общественного порядка»— и только. В связи с этим создались стачечные комитеты,-железнодорожный и городской. Председателем городского стачечного комитета был «Варенга» (с.-д., студент Юридического факультета, кажется, Петроградского Университета), председателем железнодорожного был Осеев, (инженер эсэр, зав. элеватором). Эти два комитета на одном из митингов в Пушк. Нар. доме выделили из себя „Совет Рабочих Депутатов", председателем которого был Ф. Казанский (юрист): помощником его был «Михаил-техник», металлист (кончивший впоследствии самосожжением в Томских ратах'. „Совет Рабочих Депутатов» имел связь по прямому проводу с Москвой и др. городами: он занимался вербовкой красных боевых дружин и просветительной работой вообще. В день взятия Народного дома было поручение от Сов. рабочих депутатов» арестовать губернатора Засятку и об'явить единой властью власть «Совета Рабочих Депутатов», а кроме того взять приступом тюрьму и освободить политических заключенных. Вообще же целью боевых дружин было предотвращение черносотенных погромов, которые затевались с помощью пристава 1-й части Кроткевича и полицмейстера Критского.

Членов «Совета Рабочих Депутатов» всего было пять. Кроме указанных раньше туда входили: Леонид Ильин (меньш. студент), Петр Кузьмин и Жан (еврей). Начальником всех красных дружин был Ильин.

Мною был организован отряд, под названием «Забайкальцы» В этот отряд входили следующие товарищи: Фролов Прокофий. (рабочий Жигулевского завода), Зыков Михаил (ныне работает в газете «Коммуна») Александр Коростелев, (токарь Лебедевского завода, ныне член ВЦИК и ЦКК). Георгий Коро-

стелев (слесарь Лебедевского завода ныне член СНХ, г. Москвы), Жарков Иван, Князев Иван, Жарков Павел и брат мой Павел Логинов, (грузчик, погиб в первом рабочем полку на Уральском фронте). Функции дружины были следующие: 1) охрана агитаторов от погромов, 2) охрана квартир активных работников, 3) снятие рабочих, ставших на работу, 4) изыскания средств вооружения, и 5) городские патрули).

Наш десяток «Забайкальцев» ходил на эксы оружия в склад артиллерийских казарм, где достал 62 револьвера и в железнодорожный баталион, где взял 500 винтовок, 6 ящиков пироксилину и 12000 патрон оружейных и револьверных. Принимали участие в этом эксе Логинов, Любецкий Иван, техник «Михаил», Казанский Федор, учительница Надежда, Ермолай Галкин, столяр Иван, и Мосталев Алексей или, как ему была кличка, «Конычник», а также Мальков Павел. Винтовки и патроны распределели по селам Царевщина и Пискалы, а частью вооружили городскую дружину. Занятия дружины были в мастерской магазина Дрезден. Дружинники знакомились с веденнем партизанских войн и боев, постройкой баррикад, боевой ориентацией, владением оружием.

Был организован и красный крест со всеми перевязочными материалами. По всему городу разставили базы отрядов, между которыми была налажена связь. Слухи о погромах в то время носились по городу во всю, а также были случаи почина погромов.

Так, например, на Троицком базаре торгаши напали на проходивших дружинников из десятка «классики». Дружинники организовались, но в бой не вступали, ввиду своей малочисленности, а также потому, что не было приказа вступать в бой без распоряжения на то штаба. После отступления отряда «класиков» через базар шел дружинник отряда «столяров» Карл Свобода; на которого напали раз'яренные торгаши и избили его до неузнаваемости. С приходом сильных отрядов дружины, торгашей разогнали, а дружинника Карла отнесли на носилках в больницу. Среди грузчиков велась погромная агитация приставом 1-й части Кроткевичем, но неудачно, потому что единовременно среди них была сильная работа наших товарищей. У грузчиков работали: я, Евдокимов Савва, Варенга. Особенно последний приносил много пользы своими сильными зажигательными речами, в которых он в корень разбивал погромщиков. Ко всему прочему, грузчикам выдавались деньги из сумм стачечного комитета, от 50 к. до 1 р. на едока. Вначале деньги выдавал поверенный Глядков, а после того, как кто то из пролетариев, под видом грузчиков, хотел погромить квартиру Глядкова. (погром был предотвращен) деньги на поддержку у грузчиков, стали выдаваться из кассы Жигулевского завода. Попытки к погрому были в других частях города. Например, на уг. Симбирской и Садовой, была со-

организована пьяная толпа уличных хулиганов и религиозных соревнователей, во главе которой были хозяин колесного предприятия Шуранов и торгаш краденными вещами Шустов, которые пользовались авторитетом среди верующих, легковых извозчиков и воров.

Банда погромщиков напала на проходивших мимо товарищей: Павла Уфимского, В. П. Арцыбушева, Варенгу, и Гришу столяра, которых отбили подоспевшие из штаба в доме Гринберга дружинники. При виде дружинников хулиганы разбежались, оставшиеся в толпе некоторые погромщики, старались натравить ее на дружинников. К месту погрома прибыли полицмейстер Критский и пристав Кроткевич с отрядом солдат. Они под'ехали близко к дружине. Из среды последних выступили товарищи и от имени Стачечного комитета заявили, что все погромы—есть дело рук полиции, а посему «кровь павших будет Вам отомщена». Во время этого об'яснения к нам подошел отряд «винтовочников», на сторону полиции пристав 3-й части Горенев, с отрядом пеших и конных полицейских, которые встали стеной между нами и погромщиками. Погром на этот раз не удался. Раненых, за исключением немного покарябанного Арцыбушева с нашей стороны, и одного раненого в руку со стороны погромщиков, не было. По улице на это же число, ночью были подготовлены погромы в двух местах: во первых, квартиры Арцыбушева и во вторых, библиотеки имени Гоголя, где происходили рабочие собрания. Охрана этих двух мест и всех районов была поручена Штабом мне, с моим десятком — «Забайкальцев». У квартиры Арцыбушева разогнали бандитов еще с вечера, а у библиотеки бандиты напали на моего дружинника Андрюна. К счастью я подоспел к нему на помощь и в борьбе в упор ранил одного из нападавших бандитов (Ваську сапожника, не раз судившегося за зарезание в драке). На помощь к бандитам подошли казаки, но мы во время скрылись.

В воздухе в то время вообще пахло погромом. Полицией выпускались погромные воззвания, а со стороны Стачечного комитета, в свою очередь, были воззвания с просьбой не делать погромов, ибо они есть дело врагов трудового народа. В периоде всего стачечного движения было много провокации, с вызовом погрома, но описывать все это очень длинно.

Так, во время мирного шествия манифестов по Панской и Дворянской улице, провокатором была поднята стрельба, в которой убили слесаря Карасева и было несколько человек ранено.

В том же 1905 г. жандармы с казаками, на углу Ильинской и Москательной, напали на пятерых дружинников. Дружинники завязали с ними перестрелку. С подходом нового отряда дружинников, жандармы и казаки разбежались.

В первые дни забастовки пришлось снимать с работы рабочих Жигулевского завода. Администрация этого завода подготовила для встречи снимавших рабочих, - кипяток и револьверы. Но дружный натиск со стороны революционной массы и ворота для нас отворились. Вызванный отряд казаков, с Критским во главе, в силу своей малочисленности, не мог вступить с нами в бой. Дело обошлось переговорами. Уполномоченный от Стачечного комитета был Аркадий Петров, брат—Скитальца, а начальником вооруженных сил—я.

Подобный случай был еще в Депо станции ж. д., где созвано было общее собрание всех рабочих и служащих. С докладом выступил Осеев, инженер с элеватора, призывавший рабочих к созыву «Учредительного Собрания». После него выступил «Разум»,который прочитал требование учеников технической школы, заканчивающееся возгласом: — «Долой самодержавного царя, да здравствует Демократическая республика!» После произнесения этих слов требования, среди собравшихся поднялся шум, настаивали на выдаче докладчика. Только благодаря находившейся там части дружинников «Забайкальцев», докладчики вышли невредимыми. Провокатор Кроткевич распространял по городу слухи, что тому, кто выдаст Варенгу заплатят 6,000 рублей; такую сумму он предлагал мне лично, во время собрания грузчиков на Хлебной Бирже. Я доложил об этом Штабу.

Из Пушкинского дома я с отрядом ходил в «Самарскую газету», для напечатания полностью манифеста (17 октября). После ходил с отрядом в газету «Самарский Курьер» (либеральная газета, частно-предпринимательская) для печатания воззвания к гарнизону и рабочим. Вскоре после этого произошло падение Народного дома и разоружение красной гвардии. Произошло это при ниже следующих обстоятельствах. Шел из Манжурии с тыла отряд «крестиков», которых подпоили и повели против Народного дома, дополнив их отряды полицией и казаками. Во главе этого отряда был знаменитый генерал Баранов (нач. карат. экспед. в Сибири). Против дома поставили 6-ти дюймовые орудия, так же на ул. Льва Толстого. Так подготовлялись к осаде Народного дома. Народный дом был переполнен; кроме рабочих там находилось много дам, с детьми, что особенно помешало обороне, ибо дружинники не знали, что делать, вступать ли в бой или отливать падающих в обморок дам.

Дружина была раскидана по всему городу. Начальник всех вооруженных сил, Леонид Ильин, будучи слабым боевиком, растерялся. В приготовленных бомбах, данных нашей дружине, оказалась провокация. Бомбы не были пригодны и при метании не взрывались. Когда бросали их под генерала Баранова и полковника Сергеева, то Баранов брал их в руки

и передавал другим, поглядеть — чем вооружены засевшие в Народном доме.

Когда было решено сдать Народный дом, был приказ от полиции выходить поодиночке. Всех выходивших тщательно обыскивали и некоторых били. Отшедший от Народного дома думал, что избавился от экзекуции, но его встречали на улице и били. На утро после сдачи народного дома, нам пришлось собраться на даче. По городу начались аресты и преследования, вплоть до увольнения с завода.

В 1906 г. зимой много было попыток провести массовые сходки, но почти все они кончались неудачно, ибо со стороны полиции был строгий надзор. Приставом Кроткевичем были в то время арестованы слесаря Жигулевского завода, — Мальков и Скорополетов, которых казаки пороли плетьми. Во время этой экзекуции Кроткевич говорил: «бейте, да только до смерти не убивайте».

Полицейский надзор в 6 году был настолько строг, что для свидания и переговоров с рядовыми членами организации были условные встречи на Дворянской улице, а летом на Набережной и у Струковского сада. Устраивались митинги за Волгой и за Самаркой. Однажды, такой митинг за Волгой был оцеплен Финляндским полком. К счастью при обыске ничего особенного не нашли. В то же воскресенье приехавших из-за Волги рабочих, на углу Дворянской и Алексеевской, встретил отряд полицейских с саблями на голо. Со стороны рабочих посыпались на полицейских камни и те позорно бежали.

Руководивший отрядом пристав 2-й части забежал в кино, находившееся на катке, но на пороге получил несколько ударов палкой по голове и свалился без чувств (бил палкой мещанин Тырин Владимир, по профессии сапожник, в 1918—19 г. он служил в ЧК и был убит в с. Грачевке Бузулукского уезда).

В 1906 г. было сорганизовано «Общество неимущих мещан», которое существовало до 1919 г. Это общество было агитационной базой. Каждое воскресенье там устраивались собрания, где обсуждались различные вопросы. Так помню, в «Обществе неимущих мещан» происходили выборы на Всероссийскую партийную конференцию (между прочим, выбран был В. П. Арцыбушев, который был арестован по дороге). В «Обществе неимущих мещан» родился союз строителей, который живет и поныне. В квартире этого общества, в течение ряда лет устраивались лекции, которые читал как я, так и др. товарищи, например т. Кравченко. Из «Общества неимущих мещан» вышли: Чертыков, Турмаев, Куликов Алексей Иванович и много других работников. Это общество играло большую роль во время выборов во 2-ю Государственную Думу в 7 году.

Как сейчас помню, как это происходило. В чайной Мочалова, на углу Самарской и Торговой был предвыборный штаб, где выдавались бланки, заполненные кандидатами. Происходило много споров по поводу выборов. Некоторые партии пытались войти с нами в блок. Но большевики были против этого. По всем куриям большинство голосов было подано за наших кандидатов. По рабочей курии прошел тов. Рубан, который в думе изменил наказу выборщиков и сел во фракцию трудовиков. Так прошел 1907 г.

М. Логинов.

Воспоминания рабочего о партийной работе.

Заря пробуждения.

1903 год, конец марта. Рабочие Жигулевского завода утром стекались со всех сторон к заводу на работу, которая начиналась в 5 часов утра и производилась до 7 часов вечера. Хозяин завода Вакано держал своих рабочих в ежевых рукавицах. Опаздывать было нельзя ни на минуту, штрафы царили во всю. Рабочие приходили на работу чуть свет утром, и, так как до первого звонка на завод никого не пускали, собирались у ворот завода и переговаривали о своих делах. В это утро к рабочим подошел один из товарищей. Илья Жирнов, неся в руках большую кипу газет. Рабочие, в том числе и я, окружили его со всех сторон. Посыпались вопросы: «Что это? Где ты достал столько газет?» Товарищ Жирнов улыбаясь говорил, что газеты набрал по дороге. Рабочие на перебой разобрали листки газеты, которая называлась «Искра», и издавалась Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

Ударил заводский звонок. Рабочие утонули в здании завода, и разошлись по своим отделениям. Во время перерыва для завтрака, жадно принялись читать «Искру».

«Ага! это про нашего брата, за нас заступаются!» — раздавались возгласы.

Администрация завода, как только узрела газету в руках рабочих, так сейчас же дала знать в полицию. Скоро на завод прибыл наряд полиции во главе с жандармским ротмистром. Рабочих, читавших газету, всех переписали и на другой день стали вызывать, каждого по очереди, в жандармское отделение на допрос.

Жандармский полковник вежливо спрашивал первым долгом: «Где вы взяли газету «Искра» и кто Вам приносит на завод такие газеты?» Но жандармскому полковнику так и не удалось узнать где рабочие взяли «Искру», так как все мы, как один, говорили, что газеты были найдены по дороге в завод.

После такого неожиданного для меня явления, я стал призадумываться. Явилось непреодолимое желание достать еще таких газет почитать.

В то время я работал на Жигулевском заводе в подвальном отделении, смежном с бродильным отделением. В этих двух отделениях рабочих было человек 50, а всего на заводе в то время работало до 600 человек. Вскоре к нам в подвальное отделение пришли из слесарного отделения слесаря для ремонта, товарищ Яков Малышев и Радаев. Они стали над нами шутить, говоря хорошо ли мы побывали у жандармского полковника в гостях. Я стал спрашивать т. Малышева, что за интерес полиции нас переписывать за то, что мы читали газету. Товарищ Малышев стал разъяснять мне, что эта газета запрещенная, что начальству и нашему хозяину она противна, потому что эта газета — «Искра» защищает интересы наши, рабочие. С этих пор я познакомился с товарищами Малышевым и Радаевым, которые частенько стали мне давать брошюрки и прокламации, снабдили меня революционными песенками, которые, я, в свою очередь, раздавал своим товарищам рабочим, с которыми работал вместе. Металлисты того времени, нас, черно-рабочих называли серыми; когда о чем-либо металлисты совещались на работе и если к ним в это время подходили черно-рабочие, то этот разговор сейчас же прекращали, говоря: «это серые—при них нельзя».

Берут в работу.

В 1904 г. летом, тов. Яков Малышев и Иван Артамонов пригласили меня поехать на Коровий остров на лодке, прокатиться. К назначенному времени мы пошли на Самарку к лодкам. Здесь нас дожидались товарищ Радаев и т.т. Новиков и Иван Никитин. Когда мы приехали на Коровий остров и выбрали место для чаепитья, то оказалось, что там собралось уже порядочное количество рабочих, которые тоже расположились в разных местах в лесу. После нас приехало еще несколько лодок.

Кого то ждали. Вдруг товарищ Малышев сообщает, что приехали товарищи Соломон (Ленский) и Борис. Вокруг приехавших стали группироваться рабочие. Подошли и мы. Скоро открыли собрание и товарищ Соломон стал говорить о грандиозной работе Р. С.-Д. Р. П. и рабочем движении в России. После собрания всем роздали листовки и рабочие стали расходиться по домам, садясь на лодки и запевая марсельезу.

Так я был первый раз на собрании рабочих. После этого собрания, я почувствовал глубокое стремление к знанию, стал ближе стремиться к товарищам Якову Малышеву, Радаеву и Ивану Артамонову. Впоследствии эти товарищи не один раз брали меня на партийные собрания.

Работа Р. С.-Д. Р. П. в 1904—5 годах.

В 1904—5 годах Самарская организация Р. С.-Д. Р. П. делилась на два района: механический и городской район. В механический район входили следующие заводы и фабрики: Журавлевский завод, Жигулевский завод, городской водопровод, мельницы Красикова, Ромашева и Шадрина, 4 лесопильных завода, Лебедева, Шерстнева, механический литейный завод Зуева, чугунно-литейный завод Молчанова, спичечная фабрика и свечной завод. В городской район входили все типографии, булочные, кондитерские, сапожные, портняжные мастерские и торгово - промышленные служащие — приказчики.

Партийная работа в механическом районе велась пропагандистами, путем кружковщины среди рабочих. В конце 1904 года и в начале 1905 года в механическом районе вел работу тов. Владимир и А. Мастаев.

Наш кружок — Жигулевского завода, организовали тов. Яков Малышев и Радаев. Кружек разделялся на две группы: в первую группу входили тов. Новиков, Малышев, Радаев, Иван Никитин, а во вторую Иван Артомонов, Егор Кастелев и Проня Фролов. Кружок собирался в квартире т. Артамонова—Сокольничья ул. № 276. В нашем кружке работу вел тов. Владимир. Разбирали программу Р. С.-Д. Р. П. разоблачали зубатовщину, агенты которой организовали рабочие общества, после разоблачалась организация попа Гапона, последствием которой явился расстрел питерских рабочих Николаем Кровавым, 9-го января; также много говорилось о японско-русской войне того времени. Находившееся в Самаре юго-вост. бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. регулярно выпускало листовки по текущему моменту, в которых открывалось настоящее лицо текущих событий. Так, помню, были выпущены листовки по поводу 9 января, русско-японской войны, и роста революционного движения в России. Среди рабочих литература распространялась следующим образом: обыкновенно тов. Малышев приносил листовку на завод в условный пункт, который был в уборной; отсюда члены кружка разбирали листовку и распространяли ее по заводу. Часто ко мне на квартиру Михаил Логинов (Мишка Булка) приносил листовку для распространения среди солдат (на Жигулевском заводе размещалось несколько рот солдат).

В конце 1904 г. и начале 1905 года в Самаре партийная работа Р. С.-Д. Р. П. велась продуктивно. В зимнее время для кружков и собраний использовывались конспиративные квартиры. У домовладельцев снимались квартиры только на день или на два, а потом менялись. Нередко, после таких квартирантов, домовладельцев полиция таскала в участки. На ряду с этим для кружковых собраний использовывались квартиры самих рабочих. Наши большие партий-

ные районные собрания представителей с заводов,происходили обыкновенно на Полевой улице, против земской больницы, в Пушкинской библиотеке, или на Ильинской улице в доме № 103.

Так, в начале февраля 5 г. после убийства князя Сергея, было собрание на Ильинской № 103. Заранее Малышев сообщил мне об этом и предложил взять с собой на собрание несколько беспартийных рабочих. Я пригласил, работавшего со мной, т. Грыловского. Когда мы пришли, в комнате, было уже много рабочих. Были и железно-дорожники, были и журавлевцы, и лебедевцы, и из других заводов. Расставили наши патрули на улице и, в назначенное время, открылось собрание. К сожалению, не помню фамилии тов. докладчиков, но помню, что говорилось о росте революционного движения в России, после растрела 9 января и убийства князя Сергея: были высказаны лозунги: «Долой царское самодержавие» и «да здравствует Учредительное собрание и демократическая республика!» При таких возгласах, мой безпартийный товарищ, ни разу не бывший раньше на таких собраниях, не дождавшись конца собрания, ушел домой.

На этом собрании было решено проводить забастовки протеста против растрела питерских рабочих царским самодержавием 9 января. В то время к такому выступлению массы были мало подготовлены, но все таки на другой день было решено провести забастовку протеста и на Жигулевском заводе.

Первая попытка устроить забастовку.

Не помню какого числа, после завтрачного перерыва, т. е. в 9 час. утра, пришла к нам небольшая группа рабочих Журавлевского завода и других заводов снимать с работы Жигулевских рабочих. Наш кружок был на готове. Когда часть из группы, пришедших снимать с работы, вошли во двор завода, мы вышли их встречать и, вместе с ними, пошли по отделениям завода и стали предлагать рабочим бросить работу в знак протеста против расстрела питерских рабочих. Когда говорили: «Товарищи, нужно забастовать», то последнее слово—«забастовать» рабочие жигулевского завода не понимали и стояли неподвижно, а те кто знал значение слова, и того хуже, — попрятались.

В это время администрация узнала в чем дело и приказала сторожам запереть ворота завода. Узнав намерение администрации и видя непреодолимую темноту рабочих, которые оставались неподвижными, мы решили, чтобы не попасться в западню, скорее выйти из завода. Когда подошли к воротам, они были уже заперты. С трудом взяли у сторожа ключи, ворота отперли и дали возможность выйти зашедшим товарищам. Но на улице, по направлению к заводу, уже мчались

верховые казаки, которые избивали нагайками, показавшихся на дороге, рабочих. Из нашего кружка были избиты Иван Никитин и Радаев, которые были арестованы и, истекающие кровью, повезены в тюрьму. Так, первая попытка снять с работы жигулевцев кончилась неудачно.

Начало стачек и забастовок 5 го года.

Еще в марте 1905 года по всей Самаре на заводах начались стачки на экономической почве. Наш кружок Жигулевского завода, тоже решил выработать экономические требования. В то время у нас на заводе был 12 часовой рабочий день и за сверхурочную и праздничную работу не платили. Ко всему прочему царили штрафы. Таким образом почва для стачек и забастовок была хорошая. Рабочие были измучены в конец.

В начале марта, в квартире т. Новикова, Ильинская ул. № 101, собрались все члены кружка, в присутствии т. Владимира. На этом то собрании и были выработаны требования для пред'явления их Вакано.

Требования были следующие: 1) 8-ми часовой рабочий день, 2) вежливое обращение, 3) отмена штрафов и обысков у ворот во время выхода, по окончании работы, 4) выдача всем рабочим подвального, бродильного, моечного и разливочного отделения кожанной обуви. Когда эти требования были распространены среди жигулевцев, кружком был назначен день для подачи их Вакано. В назначенный день, после завтрачного перерыва, все как один, рабочие вышли на двор завода пред'являть Вакано требования. Срок для ответа дали три дня. Конечно Вакано, видя перед собой не тех рабов, которых до 1905 года потешал елкой, как детей, почти полностью согласился на требования рабочих: сбавил на 2 часа рабочий день, отменил обыски при выходе у ворот, выдал кожанную обувь и многое др.

После этой стачки условия работы на Жугулевском заводе улучшились, зато наш кружок начал убавляться постепенно на нет. Так, т.т. Яков Малышев, Радаев, Иван Никитин, Новиков Иван — все были уволены. Зоркий глаз администрации дал себя почувствовать. Уцелела только часть кружка, состоявшая из Ивана Артамонова, Егора Коростелева, Ивана Князева, Алексея Демидова—плотника и Прони Фролова—чернорабочаго. Вместо уволенных товарищей поступил тов. Маликов (слесарь) и Мальков, которые примкнули к нашему составу кружка. Кружок выбрал Егора Коростелева представителем Р. С.-Д. Р. П., для организационной связи. Т. Коростелев вел непосредственную связь с организацией партии и проводил в кружке директивы и постановления Р. С.-Д. Р. П. Он же доставлял нам нелегальную литературу для распространения среди рабочих.

В 1905 году Самарская организация Р. С.-Д. Р. П. проделала колоссальную работу среди Самарского пролетариата, результаты которой вылились в знаменитое празднование пролетарского праздника 1-го мая, и во всеобщую забастовку в октябрьские дни.

1-го мая 1905 года.

В 1905 году 1-е мая было в воскресенье. Еще накануне были оповещены все кружки Р. С.-Д. Р. П. при фабриках и заводах, что 1 мая будет устроена массовка за Постниковым оврагом, на берегу Волги. В 10 ч. утра рабочие Самары по два, по три человека потянулись по направлению к Постникову оврагу. К 12-ти час. дня собралось рабочих больше тысячи человек. Открылся митинг. Оратор поздравлял рабочих Самары с Пролетарским праздником 1-го мая. Он говорил, что Волга-матушка на своих берегах никогда раньше не видела такого собрания, со времен удальцев Стеньки Разина. «Сарынь на кичку!»—раздавался раньше клич по Волге и при таком кличе в то время помещики - дворяне падали в обморок. Сейчас раздается клич по всему земному шару: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и при этом кличе трепещет капитал всего мира и содрагаются царские троны. Говорил оратор про японско-русскую войну и про генерала Куропаткина, который ездил на войну с иконами и хотел японцев закидать шапками.

В разгаре митинга, один товарищ принес новости из Самары: что конка забастовала — вожатые побросали среди города вагоны. Это известие рабочие встретили с большим энтузиазмом. После митинга кем-то внесено было предложение, чтобы участники митинга после обеда, вечером пришли гулять в Струковский сад, а то там гуляет буржуазия каждый день. После этого предложения митинг стал расходиться, спускаясь с крутого берега Волги по направлению в поле.

Когда были на митинге, казалось, что публики не особенно много. Но когда вышли из лесу, то оказалось, что участников около двух тысяч человек. Рабочие, проходя мимо солдатских лагерей, радостно приветствовали солдат, и когда, ближе к городу, в поле выстроилась конная и пешая полиция, наши стройные ряды прошли мимо нея столь бодро, что полиция стояла, разводя руками, разинувши рот, не зная, что делать, кого забирать.

Вечером рабочие пришли гулять в Струковский сад; буржуазия расхаживалась по главной аллее сада, а другая часть буржуазии сидела в курзале за столами, распивая пиво, шампанское. Рабочие подошли к оркестру и стали говорить оркестрантам: «сыграйте марсельезу». Они, конечно отказались. Тогда из среды рабочих кто-то затянул марсельезу, которую дружно подтянули собравшиеся. Стоявшая недалеко по-

лиция, стала давать свистки.—из среды рабочей публики ответили выстрелами из наганов. Полиция и гуляющая буржуазия в панике бросились бежать, а в курзале перепуганная буржуазия запуталась в стульях и столах, которые валялись вверх ногами. Рабочие, смотря на эту картину, улыбались и веселые расходились по домам.

Когда гулявшая обывательщина и буржуазия хлынула из Струковского сада навстречу им уже летели верховые казаки, которые начали избивать всех, кто бежал из Струковского сада, не разбирая ничего. Так и буржуям попало от казаков в наш праздник.

После этого праздника еще больше оживилась партийная работа Р. С.-Д. Р. П. Среди недели, в будни после работы, по вечерам за Волгой и за Самаркой то и дело происходили собрания кружков и деловые собрания представителей. Участились и ночные массовки, на которых делались доклады о развитии рабочего движения и о текущих событиях, которые были в то время интересны в связи с русско-японской войной. А по воскресеньям, каждый раз были большие митинги за Волгой, куда приходили рабочие не только Самары, но и крестьяне из деревни. Эти массовые митинги безусловно воспитывали массы. Тысячи крестьян и рабочих, жадно ловящих каждое слово производили потрясающее впечатление. Летний период 1905 года был подготовкой к экзамену, который пролетариат готовился сдать в октябрьские дни.

Октябрь 1905 года.

Наступили октябрьские дни 1905 года. Первым делом объявляется всеобщая железно-дорожная забастовка 13-го октября, которую дружно поддержали организации кружков на фабриках и заводах. Не помню какого числа, накануне всеобщей забастовки, было партийное собрание за Волгой, на котором разрабатывалось, как начать снимать рабочих с работы на заводах. Выяснилось, что всех труднее будет снять с работы Жигулевский завод. Было постановлено, что, в первую очередь надо снять с работы небольшие заводы, а потом, собравшись в Струковском саду, большой группой направиться к Жигулевскому заводу. Наш кружок Жигулевского завода вышел на работу и с утра стал подготовлять рабочих к забастовке. Проработали до завтрака; прошел завтрак, опять приступаем к работе, но стоим на чеку, ждем с нетерпением когда нас придут снимать с работы. Проходят томительные минуты, которые кажутся часами. Не один раз члены кружка обежали все отделения завода, ставя в известность тов. рабочих о предстоящей забастовке. Ежеминутно мы выходили на двор завода смотреть, не пришли ли товарищи снимать с работы.

Наконец, в половине десятого, из Струковского сада вышли рабочие и направились к нашему заводу. Когда они стали подходить к заводским воротам, дворовый приказчик Ратьков приказал сторожам запереть ворота. Ворота были тут же заперты. Администрация дала приказ по заводу никого из отделений не пускать на двор. В это время рабочие других заводов подошли к зданию завода. Они стали требовать отпереть ворота, — администрация отказалась это сделать. Тогда со стороны рабочих раздались возгласы: «товарищи, ломай ворота!» Но ворота Жигулевского завода были железные. Рабочие первым делом оборвали телефонные провода, потом начали ломать ворота.

Застучали железные рейки разбираемых ворот. Но администрация не дремала: загремел тревожный пожарный заводский звонок (на заводе в то время существовала пожарная дружина). На его звуки выбежали пожарные дружинники и под руководством приказчика Ратькова и сына Вакано — Лютера, начали растаскивать по двору пожарные рукава. Посреди двора был водопроводный кран. брызнула вода с большой силой напора в рабочих, но с их стороны в ответ на это раздались выстрелы из револьверов. Пули засвистали по двору. Сын Вакано бросил из рук брандсбой и вместе с пожарной дружиной, бросился в панике бежать. Сам Вакано, наблюдая эту картину из своего терема, вынужден был выйти на двор. Подняв руки в верху, он пошел по направлению к воротам. Рабочие прекратили стрельбу. Ворота были отперты и рабочие дружной лавиной хлынули на двор завода.

Навстречу им, как из плена, вырвались Жигулевские рабочие. Все дружно стали выходить из отделений, с приветствием вливаясь в общую среду рабочих других заводов. Только небольшая часть рабочих попряталась, но это не имело никакого значения на случай возобновления работы. Руководитель движения — товарищ Варенга, залез на ворота и произнес агитационную речь на тему о текущих событиях, о всеобщей железно-дорожной забастовке. В это время появляется полицеймейстер с нарядом полиции, который начал уговаривать рабочих чтобы они не делали никаких эксцессов. Рабочие изявили на это согласие.

Так Жигулевский завод был снят с работы. Рабочие разделились на две группы: одна часть пошла снимать с работы рабочих с лесопильных заводов, а другая пошла на Журавлевский завод и в город, снимать рабочих с остальных заводов и фабрик. Когда были сняты рабочие с Журавлевского завода, то тысячная масса рабочих, под руководством тов. Варинги, двинулась по Дворянской улице, по направлению к памятнику. Дворянская улица вся была запружена рабочими. Т. Варинга взошел на подножье памятника и оттуда произнес знаменитую речь по адресу памятника Александра вто-

рого, в которой говорил о его лживом освобождении крестьян. Со стороны полиции была попытка арестовать тов. Варингу, но она была бессильна в это время, видя перед собой бушующее море рабочих. После остановки у памятника рабочие двинулись по Заводской улице, затем свернули на Троицкую и пошли по направлению к ул. Льва Толстого. Дойдя до улицы Льва Толстого, демонстрация направилась к вокзалу, снимать с работы винный завод. По дороге почти все мастеровые, приказчики из магазинов были сняты с работы. Обыватели, стоявшие у ворот, спрашивали у своих знакомых рабочих: «Что вас забастовщиков выгнали с завода?»— Но рабочие обывателям отвечали: «никто нас не выгонял, мы сами бросили работу и вышли на улицу».

Когда все вышли на вокзальную площадь, то было предложено пойти на митинг за мужской монастырь. И, вот, несколько тысяч рабочих двинулись по направлению к мужскому монастырю. Когда шли мимо тюрьмы с пением революционных песен, то заключенные приветствовали шествие рабочих, а рабочие, в свою очередь, приветствовали заключенных. За мужским монастырем, на возвышенном месте, между двух оврагов открылся митинг. Тогда в том месте, где происходил митинг, было совершенно незастроенное поле, а теперь там выстроился целый поселок. Митинг был очень большой, рабочих было не менее десяти тысяч. Ораторы призывали рабочих к вооруженному восстанию против царского самодержавия. Во время митинга собирали среди рабочих деньги на вооружение боевой дружины Р. С.-Д. Р. П.

После митинга было предложено рабочим идти на Дворянскую ул. на демонстрацию. Рабочие с митинга с красными знаменами, на которых был лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», двинулись в город. Революционные песни воодушевляли рабочих, которые шли смело вперед. Демонстранты с поля пошли по Садовой улице. При виде такой грандиозной демонстрации обыватели недоумевали откуда это взялось такое шествие, но невольно сами примыкали к нему. Т. о., когда вторично вышли на Дворянскую ул., то всех демонстрантов она не вмещала, они запрудили и всю Панскую улицу.

Остановились против телеграфа. Телеграф охранялся большим нарядом полиции. Служащие телеграфа еще не были сняты с работы. Несмотря на требования демонстрировавших рабочих прекратить работу, телеграфисты бросить работу сами не решались. Тогда один рабочий Журавлевской мельницы, тов. Карасев, полез на телеграфный столб обрывать телеграфные провода. В это время казаки открыли стрельбу. Пуля сразила тов. Карасева, он свалился со столба. Во время стрельбы много было ранено. Как только послышались стоны и крики началась паника, некоторые бросились бежать и демонстранты стали расходиться.

После—октябрьские дни, манифест 17-го октября.

Октябрьское рабочее движение вынудило царское самодержавие прибегнуть к провокаторскому манифесту 17 октября, дарующему «незыблемые основы свободы». Это была последняя попытка Николая Кровавого обескровить рабочее движение в России. Дарование «свободы» послужило уроком пролетариату. Вскоре начались репрессии за свободу слова, печати и неприкосновенность личности. Жандармы работали во всю. Опять начались обыски и аресты по-всюду. Одним из первых был арестован кружок Самарской Ташкентской ж. д. Руководители всеобщей ж. д. забастовки, во главе с инженером Соколовым, царским самодержавием были преданы военно-полевому суду, т. е. смертному приговору. Против этого варварского приговора в Самаре была об'явлена всеобщая забастовка протеста, которая прошла удачно, несмотря на усиленные отряды казаков, которые безпрерывно раз'езжали по городу, и разгоняли всякие уличные собрания, избивая и арестовывая рабочих. Снятые с работы, рабочие направлялись все в Пушкинский Народный дом, где происходили непрерывные митинги.

Последние дни.

В октябрьские, ноябрьские и декабрьские дни была организована партийная дружина (боевая), которая несла посты по охране Совета Рабочих Депутатов, партийных, конспиративных квартир и Пушкинского Народного Дома. Я состоял в боевой дружине, в десятке с названием «Забайкальцы». Руководителем нашего десятка был т. Михаил Логинов, рабочий—грузчик. В нашем десятке были рабочие Жигулевского завода: Иван Князев, Алексей Демидов и братья Коростелевы Георгий и Александр. Инструктором боевой дружины был тов. Леонид Ильин, который учил нас как вести вооруженную борьбу на улице, как строить баррикады и какие правила должен знать каждый из нас во время боев. В декабре месяце комитетом Р.С.Д.П.Р. Самарской организации был решен вопрос об аресте самарского губернатора, но постановление об аресте губернатора почему то замедлилось, а в это время был взят Пушкинский Народный Дом жандармерией. Вслед за этим произошел и разгром организации Р.С.Д.Р.П.

1906-й год.

В начале 1906-го года организовался союз металлистов г. Самары, который помещался в обществе приказчиков на Вознесенской улице. Организаторами союза металлистов были т.т. Алексей Иванович Бронин, Братья Коростелевы Александр и Георгий, Яков Малышев, т. Кондалов—кузнец старичек. Вес-

ной 1906 года, союз металлистов перешел на другую квартиру, в рабочий район на Уральскую улицу № 162. Союз металлистов об'единял все металлургические производства, чугунно-литейные заводы, мукомольные мельницы, лесопильные заводы, Жигулевский пивоваренный завод, спичечную фабрику, Свечной завод и винный завод. В то время союз металлистов был штабом об'единения рабочих, в котором велась партийная работа Р.С.Д.Р.П. Председателем союза металлистов был т. Алексей Иванович Бронин, секретарем—Любецкий (поднадзорный) и т. Леонид Алексеевич Ильин. Эти товарищи вели партийную работу в механическом районе. Они проводили кружки. Деловые организационные собрания происходили в квартире т. Леонида Ильина, (Симбирская улица № 40). В то время кружковую партийную работу в механическом районе вел т. Николай «Разум» и т. Николай «Босая Голова» (партийная кличка), которые пользовались большой популярностью среди рабочих. В партийном Комитете были тогда товарищи «Прапор», «Слеза» и т. «Антон». Эти товарищи вносили в рабочую среду большое оживление.

Если 1905 год был годом революционным, то 1906 год не уступает своей революционностью 1905-му году. Кружки и собрания, массовки и митинги также устраивались за Волгой и в Монастырском поселке и на Аннаевских дачах, в которых в то время был большой кустарник,скрывавший в себе собрания рабочих. По воскресеньям, за Волгой устраивались открытые митинги, куда на лодках и на пароме приезжали рабочие. Паром обыкновенно не вмещал в себя всей массы рабочих и делал лишние рейсы или сцепляли по два парома сразу. На митингах выступали ораторы т. т. Бронин, «Прапор» «Слеза», «Николай Разум» и другие. Тут же продавалась партийная литература и распространялись партийные листовки. К вечеру, когда оканчивались митинги, рабочие из леса выходили на берег Волги массой тысяч до 2-х и больше и пели революционные песни как напр. «Дубинушку», и особенно часто, «Варшавянку», которая чутко раздавалась по Волге. Волга в то время покрывалась вся лодками.

В период 1906—1908 г. г. были организованы условные явочные партийные биржи. Эти биржи летом были в Струковском саду, на набережной аллее, а зимой на Садовой улице между Симбирской и Ярмарочной ул. Сюда приходили члены партии увидаться с товарищем по партии и узнать, по поручению организации, о собраниях или где взять литературу для распространения среди рабочих.

В 1906 году, в конце лета, на митинге за Волгой было решено устроить демонстрацию в Струковском саду. Рабочие прямо с парома и лодок направились в Струковский сад с революционными песнями и с красным знаменем. Когда рабочие зашли на главную аллею, раздались полицейские свистки и кто-то с провокаторской целью закричал, что сейчас будут

стрелять. Среди демонстрантов произошло минутное замешательство, но потом с кличем—«товарищи вперед», все рабочие двинулись дальше, смяв полицию, которая позорно разбежалась. Когда демонстранты дошли до курзала и повернули на верхнюю аллею по направлению к Дворянской улице, навстречу им уже мчались верховые казаки отряд человек в 8. Демонстранты встретили казаков камнями; когда камни полетели в казаков, появился околодочный надзиратель, пытаясь первого попавшегося рабочего арестовать. Но рабочие отбили товарища. Получив здоровую оплеуху, околодочный бросился бежать по Дворянской, а за ним и казаки повернули лошадей. Околодочный хотел скрыться в биоскопе, но не поспел забежать в здание, и был настигнут у самых дверей биоскопа т. Владимиром Дыриным, который кизелевой палкой ударил его несколько раз по голове. Околодочный свалился. После этого нашей группе было предложено уйти с Дворянской улицы, чтобы не быть арестованными.

Активное участие в этой демонстрации принимали т. т. Михаил Логинов, Алексей Куликов, Е. И. Курмаев, Владимир Дырин, Иван Тезиков и некоторые другие товарищи. С Дворянской улицы демонстранты направились на угол Алексеевской и Саратовской, где был открыт летучий митинг, на котором выступал т. «Антон»; была вынесена резолюция бороться против царского произвола. После этой демонстрации через небольшой промежуток, кажется недели через две за Волгой в воскресенье опять был созван митинг. Невдалеке от митинга была разложена разная партийная литература; там была, между прочим, только что выпущенная листовка. В средине митинга принесли сообщение, что в Самаре в Струковском саду собирается полиция и казаки, вероятно для разгона митинга. Это сообщение оправдалось. Вскоре в бинокль можно было видеть, что на паром и казенные пароходы грузятся казаки и полиция. Тогда было решено, чтобы рабочие не выходили из леса на берег, дабы этим не обнаружить место, где происходил митинг. Меж тем подошел пароход с жандармерией. Не дойдя несколько сажен до берега он направился вверх по Волге и таким образом прошел мимо места, где был митинг. В это время паром с казаками стал приваливать к берегу. Когда казаки сели на лошадей и направились в лес—митинг стал расходиться. В то время за Волгой кроме рабочих было много гуляющей обывательщины, которая сидя в траве пила чай. Полиция первых же попавших стала обыскивать; казаки разсыпались по лесу, напали на то место, где была разложена литература и разбросана листовка и бросились подбирать их. Этим воспользовались рабочие и стали входить на паром, другая часть рабочих посела на лодки. Скоро переехали Волгу, но к мосткам не приставали, ибо там ожидала полиция. Пришлось на лодках пристать где попало.

Когда пристал к Самарскому берегу паром, то вся гулявшая в Струковском саду рабочая публика вышла на берег Волги. Рабочих сходивших с парома, стоящие на местах «некто в гороховом пальто», пристально осматривали, а собравшаяся публика на берегу Волги освистывала полицию, посылая по ее адресу реплики разного содержания. В это время было арестовано несколько человек, но совершенно посторонних.

Два течения.

В 1906 году в Самарской организации Р.С.-Д.Р.П. резко существовали два течения: меньшевики и большевики. Меньшевики были против партийной работы в союзе, а большевики напротив использовывали профессиональные союзы для партийной работы.

Весной 1906 года царское самодержавие созвало первую Государственную Думу, встал вопрос о выборах депутатов в Думу; большевики бойкотировали выборы, а меньшевики были за них. После работы по вечерам рабочие приходили в союз металлистов отдохнуть и почитать газету. В это-то время и велась агитация за и против выборов в Государственную Думу.

Нередко в союзе происходили нелегальные партийные собрания.

Обыкновенно, для того, чтобы рабочие, некрепкие в проведении партийной линии, не впали в ошибку т. Александр Коростелев заранее информировал. что мол так, и так,—будет тогда то партийное собрание, меньшевики будут говорить то-то, а мы должны держаться такой то линии.

В 1906 году принимали активное участие в работе, как в профессиональной, так и партийной следующие товарищи: с Журавлевского завода Яков и Николай Малышевы, т. Хохряков, т. Жаров, С. Панцырев; от завода Лебедева т. Яшин, В. Елисеев; от Винного завода: т. Александр Коростелев—токарь по металлу: от Жигулевского завода: Егор Коростелев, Александр Гундобин и П. Фролов, от Ромашовской мельницы: т. Никитин, от Шадрина мельницы: т. Кандалов; от Шерстневского завода: Василий Козлов и Петр модельщик: от Зуева завода: т. Тезиков (убит чехами); от Молчанова: т. Андрон—литейщик, он же был сторожем в союзе металлистов; от Свечного завода т. Чекалов, Осокин и Андрей Воинов.

В одной квартире с союзом металлистов помещалось «Общество неимущих мещан» города Самары, организаторами которого были товарищи: Ефим Павлович Курмаев (печник), Г. И. Беляев (печатник), Максим Головчанский (столяр). Михаил Логинов (грузчик), А. И. Куликов (драньщик)—эта группа товарищей в то время вела революционную деятельность в механическом районе).

1907-й год.

Вначале 1907 года, перед выборами во вторую государственную Думу, был решен вопрос о принятии участия в выборах всей партией Р.С.Д.Р.П. С этой целью, чтобы шире развернуть предвыборную кампанию, было предложено «Обществу неимущих мещан» подыскать другую квартиру (каковая и была найдена). Предвыборной кампанией руководил товарищ «Антон» (интелигент поднадзорный). Подготовленные партийные собрания по выборам во вторую Государственную Думу происходили нелегально. В механическом районе: они устраивались в союзе металлистов и в «Обществе неимущих мещан», а также в квартире тов. Логинова (Уральская ул. № 169). Царским Правительством по выборам в Государственную Думу был издан 3-х системный закон: в губернии на местах избираются выборщики, эти выборщики должны с'ехаться на уездный С'езд, на уездном С'езде избираются выборщики на губернский С'езд, а уже на губернском С'езде избираются депутаты в Государственную Думу. По вопросу в выборах в Самарской организации РСДРП были два течения. Меньшевики отстаивали блок с кадетами, выставляя вместе с ними списки на выборы пропорционально, а большевитское течение было против соглашения с кадетами и отстаивало самостоятельные выборы. Вследствие этого на партийных собраниях велась большая полемика между меньшевиками и большевиками. В механическом районе проходила точка зрения большевиков.

Самарская организация РСДРП выставляла своих выборщиков по городу Самаре под именем прогрессистов. По первому участку был выставлен тов. Александр Князев—типограф, по второму—тов. Таранов—печатник, по третьему участку Ефим Павлович Курмаев.

Во время предвыборных работ, открытых собраний полиция не разрешала, на открытых митингах говорить нашим ораторам не давала. Во время распространения среди населения кандидатских бюллетеней, распространявшие арестовывались жандармами. В результате выборной кампании от Самарской губернии прошел С. Д. Рубан, который впоследствии изменил наказу выборщиков.

В 1907 году, в начале апреля, Самарская организация Р.С.Д.Р.П. проводила предвыборныя собрания по подготовке партийного с'езда для выбора депутатов на Лондонский с'езд. В механическом районе было созвано собрание в «Обществе неимущих мещан», на Сокольничьей ул., куда собрались представители рабочих от кружков, от фабрик и заводов. На повестке дня стоял доклад о предстоящем партийном Лондонском с'езде и выборах на таковой. Доклад делал товарищ Александр Коростелев. Во время доклада вбегает рабочий (не помню фамилии), который стоял на дежурстве и сооб-

щает. что большой наряд полиции подходит к помещению. В то же самое время полиция появилась в корридорах помещения и все собрание было арестовано (всего 15 челов.). На собрании были т. т. Александр Коростелев. Ив. Тезиков. Павел Логинов—грузчик. Петр модельщик (Шеретнева завода) остальных товарищей фамилии позабыл. Жандармский ротмистр всех нас переписал и стал препровождать по два, по три человека в третью часть полиции. На третий день жандармский полковник—Бобров всех по очереди допросил и после допроса выпустил.

На ряду с этим арестом в «Обществе неимущих мещан». по городу происходили массовые аресты. и обыски. Был арестован товарищ «Николай Разум». Новичихин. и другие товарищи.

После этого партийная работа ослабла. Полиция стала чаще посещать союз металлистов производила обыски в союзе, и кого там заставала в это время—всех задерживала и провожала в участок. В связи с этим и на заводах партийная работа слабела. Для оживления ее товарищ «Николай Босая голова» (интеллигент) нередко надевал на себя рабочий костюм. подводился и поступал на заводы работать, стараясь попасть туда. где не было совсем связи или была слишком слабая.

В 1907 году в конце лета, на Жигулевском заводе предполагалась экономическая забастовка. На собрании кружка. в присутствии тов. «Николая Босая голова». было решено выпустить листовку к рабочим Жигулевского завода, где описать жизнь рабочих этого завода. Листовка была отпечатана и распространена среди рабочих по заводу. Вечером. после работы устроили подготовительное собрание рабочих в дровах. на берегу Волги. Собрание проводил товарищ Георгий Коростелев. На собрании было постановлено начать забастовку. На другой день не удалось провести забастовку; стали подготовлять устройство на следующ. день. Дошло до ушей администрации, что было собрание рабочих в дровах на Волге. которое проводил товарищ Коростелев. Администрация не замедлила уволить Егора Коростелева и забастовка была сорвана.

Осенью 1907 года в союзе металлистов была попытка организовать школу грамоты, но полиция таковую не разрешила. Тогда решили открыть школу явочным порядком Преподавались уроки грамоты, арифметики, и письма и ставились лекции о происхождении вселенной с световыми картинами. Эта школа на первый раз внесла в среду рабочих большое оживление и интерес к знанию. Но жандармерия узнала о незаконной школе и немедля арестовала преподавателя. Был сделан набег и на союз, все перерыли. забрали списки членов союза и вызывали на допрос сторожа союза тов. Андронова.

После таких действий полиции союз ослабел. В денежных средствах тоже была заминка и мы вынуждены были переменить квартиру.

В конце осени 7 года союз металлистов перешел в союз приказчиков (Угол. Соборной и Льва Толстого). На новой квартире в союзе металлистов партийная работа не прекращалась, а наоборот оживилась. Так-же как и раньше проводились партийные собрания под видом заседаний правления. Во главе правления были товарищи Александр Коростелев, Бр. Малышевы, тов. Калов и В. Федоров.

После 1905—7 годов интеллигенция в большинстве случаев ушла из рабочих рядов и техническую часть партийной работы стали выполнять сами рабочие. Из среды рабочих механического района выдвинулись товарищи: Александр Коростелев, Георгий Коростелев, бр. Малышевы и Максим Головчанский.

Наиболее активными в конце 1907 года и в начале 8 года в механическом районе были товарищи Александр Коростелев, тов. «Лева» и т. «Всеволод». Под их руководством собирались кружки и собрания. Кружок Жигулевского завода собирался у товарища Гундобина (Александровская 35). В состав этого кружка входили т. т. Александр Гундобин, Алексей Скачков, Павел Маликов, Николай Иванович Долгополов и я. Работу кружка вел тов. «Всеволод». Так как полиция строго следила за собраниями рабочих, то они устраивались, ввиде гостей, за столом, на котором стояла выпивка и закуска.

В начале 1908 года была оборудована подпольная типография. Части станка делали рабочие Журавлевского завода товарищи Яков Иванович Малышев и Александр Коростелев. Типограф товарищ Василий Зубков экспроприировал из трех типографий шрифты для станка. После сформирования типографии в механическом районе, партийная работа оживилась. Была выпущена газета «Борьба» и несколько листовок.

Готовились к 1 мая.

В 1908 году 28 апреля была созвана Партийная городская конференция в квартире тов. Герасимовой на Вознесенской улице. На повестке дня стояло: 1) Доклад о Поволжской конференции РСДРП, 2) доклад Самарского Комитета и 3) о праздновании 1-го мая.

По первым двум вопросам доклад делал тов. «Хуторянин». После доклада т. «Хуторянина» стали делать доклады представители заводов (рабочие) о праздновании 1-го мая. В это время кто-то сильно застучал в сенную дверь. Оказалось что жандармы окружили квартиру. Мы дверь не отпирали до тех пор пока не уничтожили всего, что могло быть подозрительно.

Наконец, ворвались жандармы с револьверами в руках и мы все, конечно, были арестованы, в количестве 27 человек. Были арест. следующие товарищи: от Журавлевского завода

тов. Бурухин. от типографов—тов. Зубков. от столяров тов.—Головчанский. от булочников тов.—Агапов и Монахов, от портных тов. Герасимов и Александров, от Жигулевского завода т. Гундобин Скачков. и я. от Свечного завода тов. Чекалов, от мещан Алексей Куликов. от ж. д. Савва Евдокимов и тов. Хуторянин. Остальных товарищей фамилии не помню. Всех арестованных препроводили в первую часть полиции. На другой день—утром т. Хуторянину удалось бежать во время выноса «параши». Это бегство тов. Хуторянина Савва Евдокимов называл провокацией. После допроса нас всех перевели в тюрьму и в тюрьме опять Савва Евдокимов заявлял. что Хуторянин провокатор. По делу провала конференции в тюрьме была создана партийная комиссия по выяснению провала конференции. Через неделю приводят в тюрьму т. Хуторянина. арестованного на дороге бегства. В связи с провалом конференции начались массовые аресты. Была разгромлена и партийная типография, в которой был арестован тов. Брюк и др.

Всего было арестовано по городу больше 50 человек. Много товарищей было сослано в ссылку: так. т. «Всеволод». Александр Коростелев, Петр Шмелев. тов. В. Зубков. Мария Герасимовна, тов. Чекалов и много других. Преданы были суду т. Хуторянин, Брюк и другие. которые были приговорены царским самодержавием к 8 годам каторжных работ.

После разгрома Поволжской конференции в Самарской организации, уцелевшие товарищи раз'ехались по другим городам. Самара осталась без организации.

В 1909 году в начале апреля приехал из Оренбурга в Самару тов. Егор Коростелев, который и собрал оставшуюся от разгрома жандармерии публику. В числе их были Александр Буянов, Василий Рябов (кузнец), Леонид Ильин, Мария Трейман, Степан Комаров, Попов, и другие. Эти товарищи и явились организаторами 2-го потребительного о-ва рабочих и работниц г. Самары. Организовалось это общество так: при заводах создались комиссии рабочих по созданию общества потребителей. Была всюду распространена кооперативная литература и листовки по кооперации. Полиция не разрешала собираться организаторам с комиссиями рабочих для выработки устава. Обществу потребителей пришлось собираться нелегально для легального общества и вырабатывать устав. Все лето до осени 1909 г. провели в выработке устава. Много перенесли с ним мытарств.

В конце 1909 года устав был выработан. нужно было лишь собрать общее собрание рабочих Самары для заслушания его. Опять полиция не разрешала собрания. чуя крамолу. Так рабочим и не удалось заслушать устава. Устав был подан на утверждение в начале 1910 года губернатору. Губернатор продержал устав 3 месяца, после чего отослал его на утверждение министерства внутренних дел. Учредители общества не раз хо-

дили в канцелярию справляться о разрешении устава. Получали всегда один и тот же ответ, что устав еще не разрешен. И только через год учредители общества потребителей получили от губернатора уведомление, что министерство внутренних дел утвердило устав. С 1909 по 11 год царское правительство не разрешало рабочих кооперативов, думая этим ослабить рабочую самодеятельность.

Вокруг 2-го о-ва потребителей рабочих в 1910 и 11 году создалась партийная организация РСДРП (б), в составе товарищей Александра Буянова, Исака Зеленского, Василия Рябова, Петра Шмелева, Николая Кучменко, Петра Воеводина, Алексея Левина, Егорова. К ним примкнул кружок рабочих Жигулевского завода в который входили т.т. Александр Гундобин, Алексей Скачков, Зот Ходаков, и я.

В состав правления 2-го потребительного общества входили:

Буянов, Воеводин, Ильин, Еремеев, Рябов. Приказчиками были тов. Шмелев и Кучменко. Связь с другими заводами на первое время ограничивалась посылкой туда газеты «Звезда» и книгами партийной библиотечки, хранившейся у меня. Этот материал распространялся среди рабочих г. Самары на партийных кружковых собраниях и на митингах за Волгой. В то время одним из насущных вопросов был вопрос, поднятый меньшевиками о ликвидации подпольной организации РСДРП. Наша организация действия меньшевиков осуждала и разоблачала их ликвидаторство.

В 1911 году осенью комитетом было поручено т. Зоту Ходакову и мне найти конспиративную квартиру для организации. Подходящую нашли на окраине города (на Соборной улице между Оренбургской и Полевой дом № 235). Между тем «2-е о-во потребителей рабочих» в 1911 году в апреле месяце открыло торговлю на Торговой ул., между Садовой и Сокольничьей. Рабочие относились с большим интересом к своему кооперативу. Главным приказчиком кооператива был литейщик завода Лебедева тов. Аркадий Яшин. В конце лета 11 года лавка кооператива была перевезена на угол Симбирской и Садовой, правление было переизбрано. Новый состав был следующий: А. Буянов, А. Левин, Егоров и я. Обыкновенно после заседания правления в присутствии рабочих представителей рабочих завода открывались полулегальные собрания.

Осенью 1911 года (не помню в какое время) обсуждался вопрос о помощи голодающим, потому что 1911 г. был годом голодным). Этот вопрос был поставлен на заседании правления. Наше правление высказалось против помощи голодающим и вынесло резолюцию такого содержания: «в России крестьяне, в своем большинстве, работают на помещиков и дворян, у которых хлеб гниет в амбарах. Пусть царское правительство от-

крост эти амбары с хлебом и даст хлеб голодающим крестьянам». Эта резолюция была одобрена редакцией Петроградской газеты «Звезда».

В конце 1911 года, в связи с подготовкой заграничной конференции РСДРП, партийныя собрания перенеслись в новую квартиру, на Соборную улицу, где заслушивались доклады о предстоящей конференции и проводились партийные кружки рабочих.

В 1912 году в начале января стала заметна усиленная слежка шпиков. В силу этого товарищи Николай Кучменко, Петр Воеводин и Петр Шмелев из Самары выехали, а я был кооптирован в состав Самарского Комитета, в который входили т. т. Буянов и Исаак Зеленский.

В 1912 году, после заграничной конференции нашей партии 9 февраля, предполагалась заслушать по этому поводу доклад. Доклад должен был быть сделан ехавшим с Урала тов. Леонидом Уральцем, который и перед с'ездом делал у нас доклады. Назначили собрание на Казанской улице, между Предтеченской и Панской, в квартире одной учительницы Евгении Николаевны. Когда мы с товарищем А. Буяновым подходили туда, нам навстречу попались наши товарищи Зеленский, Левин, Леонид, Евгения Николаевна, (хозяйка квартиры) и другие. Проходя мимо нас, они сообщили нам, что квартира обнаружена шпиками. Тогда я с товарищем Буяновым зашли в один двор, переменились верхней одеждой и стали отвлекать слежку шпиков, которые шли по пятам наших товарищей.

Так нам и не удалось заслушать доклад о заграничной конференции.

На другой день, как обычно, вечером собрались все в правлении кооператива обменяться мнениями о случившихся событиях, и обычным порядком распределить по заводам Петроградскую газету «Звезда», выписывавшуюся нами для этой цели и аккуратно поступавшую в правление кооператива. Получались даже все конфискованные №№

Я, как всегда, взял 30 номеров для Жигулевского завода и ушел домой. В то время я проживал на Оренбургской ул. № 70.

В 2 часа ночи я проснулся от сильного стука в окна и сенную дверь. Слышу грубые голоса и ругань. Догадался, что пришла полиция, соображаю, что делать. Лишнего ничего близко не держал. Библиотечка хранилась в курятнике, замаскированно.

Вспомнил про «Звезду». Беру со стола, свертываю в трубку, сую в рукав пальто, и вешаю его в соседнюю комнату к родителям.

Когда отпер двери, ввалился наряд полиции и жандармов и начал тут же производить обыск, в присутствии понятых. Все перерыли, ничего предосудительного не нашли. После

обыска меня не арестовали. Утром прихожу на завод на работу, увиделся с товарищем Гундобиным и сообщил о случившемся.

Товарищ Гундобин рассказал, что и у него тоже были гости. Узнал от т. Ал. Скачкова, что жена т. Ходакова утром была у него и говорила, что Ходаков арестован.

10 февраля жандармерией были произведены массовые обыски и аресты. Конспиративная квартира была разгромлена. Были арестованы т.т. А. Буянов. Исаак Зеленский, Левин, Зот Ходаков. Были арестованы по дороге, хотевшие уехать т.т. Шмелев. и Кучменко. После этого провала среди уцелевших товарищей возникло глубокое недоверие ко всем товарищам. Ни один не доверял другому. Через недолгое время выходит из тюрьмы тов. Ходаков. который рассказал нам. что в тюрьме арестованные товарищи пришли к глубокому убеждению. что провал произошел вследствии усиленной слежки шпиков. что это не провокаторское дело. но мы, оставшиеся на воле. приходили к убеждению. что провокация на лицо, только определенно не знали на кого указать. Естественно что после провала партийная работа затормозилась: арестованных товарищей как А. Буянова. Н. Кучменко, И. Зеленского, А. Левина, Петра Шмелева через некоторое время выслали в Нарымский край.

В 1913 году получаю я из Нарыма не первое письмо от т. Буянова, в котором т. Буянов пишет: «т. Проня, что это значит? — я несколько раз Васе Рябову посылал письма, а от него ни одной строчки не получал». Спросили Рябова, он об'яснил. что письма в ссылку не писал, боясь провалиться; с этих пор для нас Рябов стал подозрительным.

В 1914 году в январе в Самаре выходит рабочий журнал «Заря Поволжья», в котором работали т. .т. Комаров, Кукушкин, Досов, Белов и другие. В то время я был одиночкой, служил сторожем в строительной конторе элеватора, но не терял связь с рабочими Жигулевского завода. Держал я связь главным образом со следующими товарищами: с Павлом Андреевым, Алексеем Малаховым. Михаилом Куртовым и Ал. Скачковым, с которыми вел товарищеские беседы в гостинницах на Воскресенской площади.

С выходом «Зари Поволжья» мною было написано ряд заметок про рабочую жизнь Жигулевского завода. В конце заметок подписывалось обыкновенно: — продолжение следует». И это очень заинтересовывало рабочих.

В своих заметках я старался разоблачать политику завода Вакано, который считался образцовым. Особенно Вакано хотелось узнать корреспондента. За указание его администрацией предлагалось денежное вознаграждение.

«Заря Поволжья» будила Самарский пролетариат и пролетариат других городов. В марте забастовали рабочие Жигу-

левского завода, не стерпев сильной эксплоатации. Эта забастовка в то время имела большое значение для классового сознания рабочих. — «Вот—говорили они — значит пришло время, что и рабочие Жигулевского завода сами забастовали, а то раньше приходилось с большим трудом снимать их с работы.

Как раз к этому времени в Самаре было организовано «Общество разумных развлечений», председателем которого был тов. Кравченко. В этом обществе широко было поставлено дело распространения разного рода брошюр и газет, особенно петроградской «Правды». Находилось оно на углу Соборной и Панской. В нем часто устраивались семейные вечера и концерты, экскурсии, так ездили на пароходе в Царевщину. Это вносило в рабочие массы большое оживление.

В 1914 году незадолго перед империалистической войной пришел из ссылки А. Буянов и стал работать в журнале «Заря Поволжья» (ряд редакторов которого не раз сидели в тюрьме).

В том же году в июле месяце в Самару приезжал депутат Госуд. Думы тов. Муранов. Его приезд совпал с однодневной забастовкой протеста против расстрела питерских рабочих Путиловского завода. Эта забастовка охватила все фабрики и заводы г. Самары. Рабочие всех концов Самары потянулись на Дворянскую улицу и заполнили ее от памятника до Струковского сада. Полиция пешая и конная гарцовала по улицам. Стражники были вооружены винтовками и шашками. Рабочие спокойно расходились и местами устраивали митинги. Эта забастовка протеста против царизма наглядно показывала рост революции и близкий конец царского самодержавия.

С началом войны в Самаре усилились аресты и репрессии. Произошел разгром «Зари Поволжья» и закрытие «Общества разумных развлечений». Товарищ А. Буянов опять был арестован и посажен в тюрьму, а после сослан в ссылку.

Сначала казалось, что империалистическая война все поглотила. Мобилизованные обманутые рабочие и крестьяне, которых царское самодержавие гнало на братоубийственную войну в угоду капитала, шли безропотно.

Но вот наступает 1915—16 г. Рабочие стали оправляться от ударов, нанесенных империалистической войной. Начинают получаться из-за границы выходящие там брошюры и газеты. Эта литература среди Самарских рабочих была в ходу. Она разоблачала в корне меньшевиков и империалистическую войну. В 1916 году летом я поступил работать на элеватор чему был очень рад так как снова влился в рабочую среду. Здесь я начал нащупывать почву для проведения пролетарской мысли.

Оглядываясь назад на пройденные этапы партийной работы, уясняешь себе, что партия пролетариата завоевала свою

диктатуру жестокой борьбой. Для закрепления этой диктатуры пролетирату понадобилось приложить безпредельную энергию. Для того что-бы партийная тактика в будущем проводилась твердо, необходимо дать это понять широким массам пролетариата.

Примечание (о провокаторах).

Савва Евдокимов служащ. Самарск. Златоустовской железной дороги, как мы узнали после долгое время провоцировал Самарскую организацию. 1908 г. 29/IV С. Евдокимов провалил партийную конференц. По кличке охранки Савва Евдокимова назывался Змеев.

Василий Рябов—кузнец тоже провокатор до 1905 года работал на железной дороге, г. Самары. В партии он работал долгое время и имел большое доверие. На него поступала нелегальная партийная литература. В его ведении была явочная квартира. Среди рабочих он имел большую популярность. Часто в его квартире устраивались партийные совещания. Рябов, как выяснилось, проваливал ряд годов Самарскую организацию Р. С.-Д. Р. П. (б). В 1910 году он провалил Оренбургскую организацию. В 1911—12 г. по милости Рябова были высланы: А. Буянов, Исак Зеленский, Шмелев, Кучменко, Левин и много других. В 1914 году, по слухам, Рябов провалил рабочих Трубочного завода. Во время приезда в Самару члена Госуд. Думы тов. Муранова. Рябов работал на Трубочном заводе и провалил ряд партийных организаций. Через него пошли в ссылку т. т. Теплов, Дерябина и много других. В 1917 г. после царского самодержавия приходят ряд товарищей из ссылки и узнают, что Рябов оказался провокатор и сидит в тюрьме. Когда пришел из ссылки тов. Буянов и узнал, что Рябов провокатор, то он написал ему записку такого содержания: «Иуда предатель, на, возьми твои деньги назад себе, 40 рублей которые ты вложил мне на сапоги, ты эти 40 руб. получил из сыскного отделения за которые предавал сам знаешь кого. Возьми эти 40 р. вместе с моим кровавым плевком. Шлю я тебе кровавый плевок в твою рожу носи ты его до смерти». Рябов, получив такую записку, в ту же ночь залез давиться, но во время был извлечен из петли надзирателем. После октябрьской революции Рябова судили в Революционном Трибунале, присудили на вечное поселение, но по дороге в тюрьму он, при попытке бежать, был застрелен конвоем.

П. Фролов.

Из прошлого.

До 1904 года я не имел никакого понятия о партиях. Служил я все время на Свечном заводе, где большинство рабочих были старики, так что до нас не доходили никакие революционные речи. Сначала жили мы, молодежь, при заводе в общежитии, но вскоре нас оттуда разогнали, потому что мы стали вечерами «клубничать» — петь, шуметь, разговаривать слишком громко.

В 1904 году 18 октября, познакомился я с двумя братьями Коростелевыми Александром и Георгием. В этот же день они меня позвали к себе вечером на квартиру, в гости. Когда я пришел, у них уже сидели трое товарищей с заводов, простые рабочие. Начали беседовать на тему о духовенстве; я стал прислушиваться. Особенно красноречиво говорил Александр Коростелев, — мне понравилось слушать. Побеседовали до двух часов ночи. Когда стали расходиться по домам Георгий Коростелев меня спросил: «Ну что, как нравится это тебе?» Я ему ответил: «Да, даже очень хорошо, ежели бы это сбылось все, о чем говорили». Коростелевы стали меня уговаривать, что все так и будет, что мы свергнем с себя иго попов и царя. С этого вечера стал я все чаще и чаще ходить к Коростелевым, а потом вместе с ними на кружки и собрания.

Когда товарищи меня хорошо узнали и уверились, что я не выдам, то ввели меня в Самарскую организацию Р. С.-Д. Р. П. Вскоре после этого братья Коростелевы вручили мне талонную чековую книжку, проштемпелеванную круглою печатью по середине и сказали, что партия дает мне большую задачу — быть сборщиком денег по фабрикам и заводам в пользу политических и ссыльных. К моему району, где я должен был собирать деньги, относились: Свечной завод, Спичечная фабрика «Волга» и 3 литейных завода: Молчановский, Шерстневский и Зуевский. Все эти заводы я обходил два раза в месяц, т. е. 15 и 1, когда рабочие получали жалованье. Эту работу я продолжал делать долгое время. Сначала я делал ее неумело: каждому давшему денег отрывал талончик из книжечки, и т. о. мог очень легко быть замеченным, но потом я

стал более опытным. Моя партийная работа в 4-м году заключалась только в этой работе сборщика, да в посещении кружков, которые собирались на квартирах рабочих.

С весны 5-го года начали устраивать собрания по районам. Наш район собирался за Молоканским садом, около мужского монастыря, в оврагах. Приходили по несколько человек представителей с каждого завода (избирался один представитель на 10—13 человек). На эти собрания приходили к нам товарищи из юго-восточного бюро партии и с нами беседовали.

Во время октябрьской забастовки в 1905 году в Самаре была большая демонстрация. Когда мы, демонстранты, стали выходить на Советскую улицу с Почтовой, казаки растянулись поперек ея, около Гос. банка. Только мы появились, сразу же казаки дали в нас залп. Но только после второго залпа дрогнула толпа, раздались стоны и все бросились бежать кто куда попало, произошла паника.

Во время этой перестрелки погиб наш тов. Карасев. Объявили на следующий день его похороны. Собралось много рабочих и мы похоронили дорогого товарища, с красными знаменами и пением революционных песен. Полиция шла по тротуарам до самого кладбища, но ничего нам не сделала.

В 1905 же году был издан манифест царский, фальшивый. В этом манифесте об'являлась свобода слова и собраний. Мы рабочие выбрали под митинги и собрания Пушкинский дом, потому, что осенью под открытым небом, в поле митинги устраивать было невозможно, т.к. шли дожди, а кроме всего прочего, хотелось иметь свой собственный рабочий угол, чтобы можно было там собираться. Днем и ночью шли в Пушкинском «Народном доме» митинги и собрания. Перебывало народу в нем видимо—невидимо. Собирались без различия, все партии: и наша, и меньшевитская ,и эсеровская. Были организованы партийные боевые дружины; в одной из них состоял и я.

В декабре месяце, не припомню в каких числах, 7-го, 8-го или 9-го декабря, об'явили нам, всем дружинникам, чтобы мы явились в Пушкинский дом, где будет собрание. Собралось публики видимо невидимо старой и малой. Нашу дружину стали расставлять на караул; кого по корридорам, кого на балконе. Меня оставили на посту внутри здания. Неуспело еще хорошенько открыться собрание, как вдруг являются артиллеристы и приносят в мешках револьверы штук 125. Тов. Варенга стал их расспрашивать, как у них дело и что слышно; они сказали, что все артиллеристы согласны с нами и не пойдут убивать своего брата-рабочего, а так же что вынуты все замки от пушек и пулеметов.

Вообще, как оказалось после, все войска были на стороне рабочих, кроме Березинского полка, в котором большинство было из мусульман. На стороне правительства было также казачество и Мокшанский полк, присланный чуть ли не из

Казани. Несмотря на это наши товарищи решили. в этот вечер. во чтобы то ни стало. арестовать Самарского губернатора. Нашей дружине об'явили: «у кого нет оружия. получай!» И вновь открыли запись желающих в дружину. На открывшемся собрании ораторы призывали всех вооружаться. Особенно горячий был призыв к женщинам.—вооружаться кто чем может. ухватами. кочергами, вилами. Об аресте губернатора говорилось громко.

В 9 час. вечера дружинники, стоявшие на балконе. сообщили. что дом окружают казаки и Мокшанский и Березинский полки. Публика сразу взволновалась и кинулась к выходу. Но двери тут же закрыли и публику загнали обратно во внутрь. Несколько солдат Березинского полка, с винтовками на перевес. стояли у дверей — ругались грубыми словами говоря: «Что дождались? Мы. вас всех тут переколем!» Руководителем их был. как узнали после, полковник Баранов. которому была дана власть поступать как он хочет. Председатель нашего собрания начал всех успокаивать. говоря: что ничего нам не будет. что всех нас отпустят. Мы. дружинники стали собирать маленьких детей. которые попали на наше собрание и ставили их к сторонке, а кроме того начали баррикадировать табуретками, стульями и столами двери. Дружинники стоявшие на балконе стали вести переговоры с полковником Барановым. Баранов пред'явил ультиматум.— сдаться через 10 минут. в противном случае начнется стрельба. Меж тем прибыла пожарная команда и расставила лестницы вокруг здания. Стали кричать. что привезли керосину. обольют дом и сожгут. вместе со всеми находящимися в нем рабочими.

Затрещал барабан. председатель собрания закричал громко: «отойдите от окон. как бы не полетели стекла». Дали залпом выстрел. я посмотрел на окна. стекла не полетели и я понял. что это нагоняют панику. Трещит второй раз барабан, и слышится второй залп. Публика начала кричать, что нужно сдаваться. но наши товарищи закричали: «нет не сдадимся» и запели революционную песню. «Вставай подымайся рабочий народ». Третий раз барабан затрещал. и третий раз залп. Сверху пришли дружинники и сообщили, что они сдались, потому. что попало на собрание много малых детей. которых нужно спасти, а так же есть опасность как бы не облили дом керосином и не зажгли так-как пожарные расставили лестницы. Тогда об'явили. что бы все товарищи у кого есть оружие, портили его и ломали. Тут же начали ломать оружие и бросать его в глубокий клозет.

Полковник Баранов приказал публике выходить во все двери. Народ хлынул к дверям. Сначала пошли холко. Я. узнав что не разувают. начал насыпать в голенищи патроны от револьверов. но потом публика пошла очень медленно и я

допытавшись, что стали разувать, высыпал патроны за батареи паровых труб, и пошел ко дверям. Гляжу: стоят Березинские солдаты с винтовками, а под ногами у них сидят полицейские, обшаривают голенищи и нижние карманы у каждого. Дошло до меня. Сидящий внизу крючек полез ко мне в карман и ущупал там портмоне. А впереди публики уже не много. Я уцепился за карман и не даю крючку портмоне. Жандарм закричал «ну скорее!» Я отвечаю: «полицейский лезет в карман», — тогда тот меня так сунул, что я чуть чуть устоял на ногах. Подошел к жандарму. Кричит: «подыми руки!» Я подымаю. Обшаривает и находит, во внутреннем кармане, маленький перочинный ножичек. «Это что?», я ему отвечаю: «для подтачивания карандаша». «Не полагается, ну иди!» — и кладет мой пролетарский ножичек к себе в карман. И так мне жалко было этот ножичек, не потому что он был хорош, а потому что попал жандарму в карман. С крыльца дома направился было я к Дворянской улице, но меня не пустили, а велели идти к вокзалу, сквозь строй казаков. Слушаю впереди хлопают плетьми; жутко стало; дохожу до казака; за мной шли барышни, он с ними заговорился, и я прошел мимо.—никто меня не ударил.

Всю ночь я не спал, очень мне было обидно. На второй день хотел посмотреть на Пушкинский дом, но к нему и близко не пускали стоявшие там солдаты.

В начале лета 6-го года наш район решил открыть нечто в роде союза, только под другим названием, потому что союзы тогда не позволялись. Наши представители пошли к Губернатору с ходатайством, чтобы он разрешил нам открыть «Механическое общество». Губернатор разрешил. Спервоначалу записались в общество 9 человек: два брата Коростелевы, Куликов, Кумаев, Фролов, Логинов, Кулаков, А. Воинов и Панцырев.

Сняли мы комнату на Уральской улице, между Симбирской и Александровской членский взнос установили в 30 коп. Так под видом «Механического общества» начали мы организовываться для борьбы за социализм. Общество выросло и сорганизовалось скоро. На одном из собраний мы постановили поделать лавки, чтобы можно было садиться. Лавки мы окрасили красной краской и принесли два портрета — Карла Маркса и Ф. Энгельса. Вскоре мы решили, что нужно еще организовать «Общество неимущих мещан», организатором наметили т. Курмаева и т. Куликова, сняли квартиру для него на Крестьянской улице между Торговой и Оренбургской.

Когда в 7-м году были выборы во 2-ю Гос. Думу, от группы рабочих прошел тов. Рубан. В 10 час. вечера собрались мы все провожать товарища Рубана на вокзал. Сначала все сошлись у квартиры нашего общества. Здесь тов. Рубан сказал: «нужно остерегаться чтобы вас всех и меня сегодня

не арестовали». Мы все как один закричали: «Нет, не дадим накладывать цепей на своего выборного». В 11 часов ночи мы двинулись на вокзал с пением революционных песен. На вокзале нас уже ждала жандармерия и 50 конных стражников. Тов. Рубан стал говорить прощальную речь. Тогда жандармерия заявила нам, что бы мы отошли от своего выборного, под страхом ареста, но мы все закричали: «Нет не можем уйти от своего представителя». Тогда начальник стражников скомандовал: «приготовься». В ответ на это товарищ Рубан закричал: «т. т. никто не расходись, не бойтесь, я с вами и вас никто не тронет и меня тоже. Они не имеют права наложить на меня ареста, потому что я ответственное лицо — член 2-й Государственной Думы» и начал прощаться. Часть товарищей прошли посадить провожаемого в вагон, а остальные разошлись по домам.

В эту же ночь налетела жандармерия на наше бедное «Механическое общество». Замок у шкафа сшибли, Маркса и Энгельса утащили, словом, разорили черные вороны наше гнездо до основания.

Негде нам теперь было приютиться.

Стали собираться в моей квартире маленькими кружками представители с заводов. Трудно было работать в это время после 5-го года. На мою долю пала расклейка прокламаций на стенах и заборах. Массовки стали устраивать за Волгой. Один раз жандармерия нас проследила и разогнала с митинга. Об этом узнало мое начальство со Свечного завода. Еще и раньше оно смотрело на меня косо и с постоянной службы меня перевело на сдельную, что было невыгодно, а теперь и совсем отказали со службы. Стал я перебиваться кое-как по заводам, работая поденно. Трудное было время. День сыт пока работаешь, а два-три дня «царя смотришь» — голодаешь, (это так говорили нам, работавшим поденно, если не было работы «идите царя смотреть» — значить к памятнику Александра II на Советской ул., где собирались все кому некуда было девать свои силы, приложить руки, и у кого не было чем наполнить желудок). Ко всему прочему стала беспокоить нас, политически неблагонадежных, полиция. Я перебирался с одной квартиры на другую. На Самарской улице шпики все-таки меня настигли и сделали обыск. Искали оружия, но не нашли, за то все брошюрки, даже свободно продававшиеся раньше в магазинах, отобрали (у меня их было больше 150 экземпляров). Составили протокол и два дня городовые сидели в моей комнате, все чего то ждали и не дождались. Меж тем жить становилось все труднее и труднее. Наконец, я решился проехать в Актюбинск, к своему брату.

Это было в 1912 году. Набрал я свою корзинку брошюр и прокламаций и поехал по Ташкентской жел. дор. Приехал в г. Бузулук — там наклеил прокламации на заборах и вит-

ринах. поехал дальше: сделал то же в с. Сорочинском и в Оренбурге и везде, где мы были по дороге к Актюбинску. Осталось прокламаций и брошюр немного. Стал я последние разбрасывать уже в Актюбинске, меня заметили и схватили около одной гостиницы. Так как было дело вечером, то я незаметно бросил последние 7 штук из своего кармана, но все же меня заключили в тюрьму, где я просидел две с половиною недели. Меня освободили, но взяли подписку о невыезде. Так как мне негде было работать и в Актюбинске после того, как я побыл в заключении, то я решил ехать обратно в Самару. Долго я думал о подписке, данной мною жандармскому управлению и решил, что нужно написать письмо о том, что я уезжаю, с указанием куда. Так я и сделал. Садясь на поезд, я отдал открытку городовому, в которой сообщил жандармскому полковнику, что я уезжаю в Самару. Только после, уже будучи в Самаре, я сообразил, что мог бы ничего подобного не делать, и что меня могут скоро арестовать. Тогда я перешел на другую квартиру. А в эту же ночь на мою старую квартиру нагрянули с обыском. В Самаре я стал опять поденно работать у Жигуля и на электрической станции, а потом на Трубочном заводе — сдельно, где работал с 15 по 17 год.

В 17 году, я ушел в Красную гвардию. С Красной гвардией я участвовал в боях под Оренбургом и потом, когда на Самару наступали чехи я стоял около железнодорожного моста. . . . .

Помню последние дни. Нашими руководителями были т. т. Маслеников и Слепченко. Утром 8 июня поступило распоряжение, что все наши войска должны отступить из Самары. Четверть четвертого утра подошел чешский броневик к мосту. Некоторые товарищи спали, измученные усталостью и волнением. Кто-то закричал: «т. т. спасайтесь». Услышав это сонные повскакали и в безпорядке, как попало, начали отступать: за ними все. Произошла паника. Я ударился с одним товарищем на берег Волги за Анаевскую дачу. Только прибежали на пристань, глядим, последний буксирный пароход отвалил. Уж мы и кричали и платками и фуражками махали и выстрелов несколько дали, но пароход так и ушел вверх по Волге. Пришлось нам побросать оружие и разбрестись врозь, по знакомым. Дней 7—8 я скрывался в парниках у одного знакомого молочника, а после вернулся в Самару и работал до прихода Красных войск в ночную смену на электрической станции.

А. Воинов.

Транспортно-техническое Бюро Ц. К. (больш.)

Восточный район (Самара).

I.

После организации Смоленского Бюро и провала в Каменец-Подольске (на границе), я был направлен в Поволжье.

План был такой. Бакинская типография Ц. К. работала уже во всю. И предполагалось, что она будет давать ежемесячно десятки пудов литературы. Отправлять такие значительные грузы только по железной дороге представлялось (да и действительно так было) затруднительным и рискованным. Война с Японией внесла к тому же в ж. д. транспорт свой специфический привкус (перевозка войск, воинских грузов). И для обычного товарного грузооборота создавались некоторые затруднения. Нужно было воспользоваться навигацией и использовать водный транспорт. Волга являлась в это время великолепной магистралью, с оживленнейшим грузовым движением и целым рядом пристаней, от которых внутрь России растекались и жел. дор. пути.

В Самаре застал Л. Я. Карпова, который уже собирался оттуда уезжать в Киев. Вместо него должен был приехать И. Ф. Дубровинский. Была там из группы транспортников еще Ирина. Но дело у нее подвигалось медленно, хотя перспективы уже учитывались. Сейчас же после моего приезда, уехала она в Баку под предлогом налаживания более тесных связей с типографией и больше в Самаре не появлялась и не давала о себе никаких известий.

Еще до меня в ЦК дан был адрес для организации пункта и направления транспорта на Пензу. Пришлось ехать туда и подготовлять приемочный аппарат, хотя это и расходилось несколько с моими планами.

В Пензе оказался только один единственный свой человек — А. И. Смирнов, заведующий Отделом образования в местной земской Управе, марксист, лингвист переводчик нескольких книжек Маркса и о Марксе под псевдонимом Тихова. Надежный и милый человек и хороший товарищ, но настолько нерешительный, робкий и нервный, так что разсчиты-

вать на его активную помощь было трудно. Потом это вполне подтвердилось.

Пришлось самостоятельно по билетикам искать себе квартиру, самостоятельно пытаться завязать кое какие знакомства, для дальнейшего делового их использования. Но я не хотел бы, чтобы эта характеристика А. И. Смирнова была понята дурно. Его готовность помочь была вне сомнений. И он искренно и усиленно это пытался сделать. Но природная мягкость и скромность связывала ему руки. Интеллигентская развинченность и деликатность мешала активности в использовании других. Он постоянно мучился этим и сам, и как горьковский интеллигент постоянно пытался выдергивать из своего сердца «занозы», чтобы установить интеллектуальное и душевное равновесие.

— Нельзя смотреть на людей как на об'ект для своих экспериментов. Все таки человек представляет ценность сам по себе. И подходить к нему с заранее обдуманным планом использования его для чего то, ему может быть несвойственного — значит сознательно его унижать. Это не укладывается в моей голове.

— А подбор кружка ремесленников для пропаганды, которую вы считаете нужным вести — это в вашей голове укладывается? Ведь это тоже обдуманный план использования. Какая разница между этим ремесленником и секретарем управы, которого необходимо использовать только в квартирном отношении?

— Ну, это софизм...

— Попробуйте в жизни найти грань между софизмом и здравой логикой.

Мы с ним долго и по душам беседовали. И кажется с малыми результатами. Из трех—четырех знакомств, завязанных при его содействии, я смог потом использовать только два, или вернее одно. Все другие были такой же мягкотелой философствующей интеллигентщиной, каким он по существу был и сам.

И в конце концов, когда пришел первый же транспорт первомайских прокламаций, мне пришлось его получить самому и везти на его же квартиру. И он охотно ее предоставил в мое распоряжение. Но сам исчез на все то время, пока я распределял и упаковывал для отправки в места распространения.

Первое мая было близко и с доставкой на места нужно было спешить. Поэтому повез все заготовленные корзиночки и свертки в Самару, чтобы сразу же оттуда с людьми распространить по Волге.

Первомайские листки были присланы из Бакинской типографии. На больших листах папиросной бумаги, великолепный шрифт, работа с успехом могла конкурировать с хорошей

легальной типографией. Гордость транспортера могла быть совершенно спокойна, товар можно было показать лицом.

Поезд в Самаре стоял два часа. Успел все сдать и договориться о рассылке. Нужно было знакомиться с районом. И лучше было начать это знакомство с Урала. Такова была задняя мысль этой поездки.

В Екатеринбурге по первому впечатлению дело обстояло не важно. Явка действовала плохо или устарела, или была провалена. Встретили подозрительно. Но после нескольких наводящих фраз всетаки дали адрес к какому то реалисту. Там опять разговоры и подозрения. Наконец добрался до единственного в тот момент строителя Уральской работы Н. Н. Баранского (кажется «Демид»).

Он был уже издерган невозможностью справиться с работой. Не мог ступить шагу без шпика, перестал выходить из дому через ворота, а лазил через заборы на соседнюю улицу. Но оставить работу было не на кого. И, под угрозой ежеминутного ареста на улице, он всетаки метался из конца в конец—с явки в кружок, из кружка на массовку. Работа не ждала и день от дня прибавлялась. Баранский едва держался на ногах, но уезжать не хотел.

2.

На обратном пути решил остановиться в Самаре, чтобы выяснить положение. Там уже был Иннокентий Дубровинский, и нужно было, учитывая пензенский опыт, сделать из него практические выводы.

Было слишком очевидно, что сидеть в Пензе, при создавшейся там обстановке, не имело никакого смысла. Пунктом для получения и переотправки она могла остаться. Но строить там аппарат, не имея устойчивой надежной прицепки, оказывалось нецелесообразным. Отрываться на долгие промежутки от Организационного Самарского Бюро ЦК тоже не улыбалось.

С Иннокентием мы разговаривали для конспирации плавая по Самарке на лодке. Я изложил ему свой план, который он и одобрил.

— База и аппарат должны быть в Самаре, но пункты получки вне ее. Пенза, Симбирск, Сызрань, Саратов, Астрахань—слишком достаточно, чтобы можно было варьировать, не напрягая каждый из них.

— Кто же получать будет?

— Самарский аппарат, которому непосредственно должны будут приходить накладные.

— Квартиры в местах получек?

— Лучше если не будет там заранее заготовленных квартир. Предварительная подготовка их усложняет дело и увеличивает риск. А экспромтом комитет всегда найдет выход. Да наконец возможно использовать и гостинницы.

— Давайте подумаем.

Вечером были у В. И. Арцыбушева (Самарский «Маркс») Он тоже нашел что так будет удобнее. Волга открывала широкий простор для комбинаций. Ибо в конце концов каждый из пунктов в течение лета может быть использован два, много три раза. И строить там в каждом из них сложную конспиративную комбинацию не выгодно и не целесообразно. Заводить для этого специальные квартиры—это было бы для комитетов всетаки трудно. Да и самая подготовка их, связанная с длинным рядом переговоров, изысканий, нащупываний только способствовала бы провалу.

— Но в некоторых углах, вроде Симбирска и Пензы где никакими комитетами совсем не пахнет, предварительная ориентировка все же необходима.

Постановили: базу транспортно-технического Бюро перенести из Пензы в Самару; пунктами назначения грузов указать Симбирск, Саратов, Сызрань, Астрахань; товарищу Мирону ликвидировать себя в Пензе и проехать в Саратов для увязки работы с наиболее сильной из нижневолжских организаций.

В Пензу вернулся во время. Местная администрация готовилась к приему царя, провожавшего на Дальний Восток поезд с иконами, и чистила улицы и дворы. Против моей квартиры на полянке выстроена была местная артиллерия и готовился парадный смотр. Нужно было забирать свой скудный багаж и убираться—в другие гости.

Перед от'ездом Смирнов свел меня с земским инженером Росселем, который в дальнейшем и стал основной нашей опорной точкой в Пензе, и при деятельной помощи которого производились здесь затем и получение транспортов и сбор денег и организация Самарской типографии.

Из Пензы отправился непосредственно в Саратов, чтобы употребить на эту поездку все то время, пока царь болтается на Сызрано-Вяземской и Самаро-Златоустовской магистрали.

В Саратове мне указан был Барамзин. Старый земский работник—марксист, считался большевиком. *) От него узнал что для получения здесь транспорта, им специально готовиться пожалуй и не понадобилось бы. И квартиру и средства перевозки могут предоставить в любое время.

— И чем скорее, тем лучше: литературы почти нет, требования огромны. Почему бы вам не обосноваться у нас, в Самаре?

Умный «старик» сразу учел выгоды от близости транспортного центра к местной организации. Для Саратова такая близость не представляла особых затруднений, ни в смысле обслуживания аппарата, ни в смысле напряжения местных сил. Город в изобилии населенный интеллигенцией, никогда еще не испытывал ни квартирной, ни денежной нужды для

*) После октября 905 года, кажется, стал кадетом.

конспиративных целей. И в этом смысле Барамзин был прав, база для транспортного бюро была бы здесь более подходящая. Но Самара была транзитным пунктом эмиграции из Сибири. Паспортные функции должны были быть именно там. И там же при этом облегчалась и возможность укомплектования предприятия работниками. Кроме того непосредственное соприкосновение с областным организационным центром. Так что Самара всетаки в моих построениях выигрывала перед Саратовом.

Но у Барамзина сохранились связи с Симбирскими учениками Саратовской сел.-хоз. школы. Их он мне передал, оговорившись, что не уверен в их достаточной достоверности и пригодности к использованию в настоящее время.

Так как царь еще не проехал Самару, а в Саратове мне уже было нечего делать, так как было все сделано, я решил проехать в Уральск.

Этот замкнутый тогда город—мешок, совершенно неиспользованный в конспиративном отношении представлялся достаточно удобным для включения в нашу сеть. Попутно с выполнением транспортных функций, там можно было попытаться заложить организацию, или наладить использование в других отношениях.

Большой мой приятель по псковской статистике врач. И. Н. Савин, коренной уральский казак, много хорошего разсказывал о своем городе. И в этих разсказах нужные нам для дела элементы намечались довольно выпукло. Нужно было их попытаться скомбинировать.

Правда, сам доктор Савин отбывал в это время ссылку в Архангельске, но, по моим расчетам, в Уральске должен был находится его брат—студент А. Н., также мой хороший знакомый. И через него можно было завязать связи.

Однако эта поездка ничего кроме знакомства с городом не дала. Студент Савин еще не вернулся, а другого кого-либо я там не знал. Старушка мать Савина встретила меня радушно: я разсказывал ей о сыне, который был в ссылке. И она готова была без конца вести эти разговоры. Кормила на убой. Но когда предлагала вопросы я замечал иногда ее недоверчивый и недружелюбный взгляд. Но она сейчас же оправлялась и быстро переходила к гостеприимному хлебосольству.

— Кушай ка вот. Как то он теперь там живет. Небось его там никто по домашнему не покормит.

Отсюда я должен был заключить, что ее гостеприимство относится не ко мне. А она создает для себя иллюзию угощения сына.

— Это ты значит его и отправил туда?

— Я сначала не понял.

— Как я отправил?

— Да так. Ведь приятель ты его, говоришь. Он там вот в Архангельске, а ты погуливаешь.

Я растерялся. И даже блин в горле остановился. Выпучил на нее глаза.

— Ай что неладное сказала? Ты уж с меня не взыщи—горе то у меня с ним большое. Кушай ка.

В тот же день уехал и больше в Уральске быть не пришлось.

Вместо Уральска в сеть был включен Оренбург, но исключительно для заграничной литературы.

3.

Когда вернулся в Самару, Иннокентия уже не было. Он также оторван был, как и Левушка. Мы с Арцыбушевым остались вдвоем.

Начал подыскиваться «штат», а пока приходилось быть одному. Установил связь с Симбирском. Там только и оказались двое юношей, указанные Барамзиным. С одним из них, Орловым, года через полтора потом встретился на партийной Приволжской Конференции, а еще через 5 лет в Енисейской губ. в ссылке. Там же он и погиб от туберкулеза. Фамилии другого его приятеля, не помню.

Слонялись они тогда в Симбирске без дела. Да и не знали что и как можно было бы делать. Ни литературы, ни определенного настроения у них пожалуй и не было. Такой уж был город Симбирск, ни эсеровский, ни эсдековский, а так середка на половине. Больше Гончаровским «Обрывом» кичился чем другим чем нибудь. Но работать ребята хотели. И Барамзинскому «поручению» чрезвычайно обрадовались. А потом когда пришлось это поручение выполнять, провели его блестяще.

Получил накладную на Саратов. Пришлось ехать одному, так как помощника который был обещан из центра еще не прислали.

На явке в редакции газеты, кажется—«Саратовский Листок» послали в земскую статистику к И. П. Гольденбергу. В этот раз мы с ним говорили очень мало. Дали место ночевки у какого то юноши, который рекомендовался мне племянником Виктора Чернова. Квартиру для получки у другого юноши Федорова, начинающего беллетриста. Но в остальном, впрочем, предоставили самому себе. Так что и в этот раз должен был получить сам и свезти к Федорову. Приходилось радоваться небольшому размеру корзины, иначе мы с ним не смогли бы справиться.

Но здесь нужно было ее распределить так, чтобы уже для каждого города была «своя посудина». В Астрахань должен был поехать кто то из саратовцев и по пути доставить и ее долю. Саратов получил тут же. Все остальные надлежало вверх по Волге развести мне. Купили мы с Федоровым несколько не-

больших корзиночек, входящих одна в другую, так что в квартиру принесли только «одно место».

И вечером я с ним простился, оставив в его пользование освобожденную тару.

Литература была заграничная и притом книжная, так что комитетчики получали очень охотно: «Заря», «Туп», «К деревенской бедности» и т. д. С таким «товаром» встречали с распростертыми об'ятиями.

На больших пристанях пароходы стоят долго. Можно в городе обделать любое дело и с этим же пароходом двигаться дальше. Одиночная каюта дает полную возможность оставлять на время отсутствия что угодно без всякого риска.

Даже в Казани, кажется, успел на тот же самый пароход. И уж не помню теперь получил ли явку непосредственно к Адоратскому из Самары или в Казани была особая явка, на которой и дали мне этот адрес.

В Нижнем попал в приемную доктора М. Ф. Владимирского в Канавине в каких то меблированных комнатах. И с ним договаривались о присылке шрифта.

Этот первый об'езд, несмотря на кратковременные заезды, уже кой что дал. По крайней мере сила местной организации и размах работы выявился достаточно ясно. И для этого не требовалось длинных разговоров, или особых распросов. Достаточно было спросить о количестве нужной в дальнейшем литературы и о характере ее, какой здесь желателен.

— Побольше таких вот, как Заря, Тун..

Это значило для интеллигенции или кружков учащихся. Значит организация только нарождается. Рабочих кружков нет.

— Брошюр, товарищ мелких брошюр побольше: по двадцать, тридцать пятьдесят экземпляров. Не будет много.

Тут уж очевидно иная ситуация и иной размах.

Что касается фракционных настроений, то о них в этот первый об'езд совершенно не пришлось разговаривать. И кажется они не были достаточно, не только выявлены, но и намечены. И пожалуй это было понятно. Война продолжалась уже пол года. Колотили нас там основательно. Недовольство чувствовалось везде. И даже адвокаты—«освобожденцы», перед войной отодвигавшиеся от нас, теперь опять придвинулись. В массах происходило глухое брожение.

И везде оживлялась работа—пропагандитская, организационная. Некогда было думать о том, что где то пока вдали, когда уже под боком рождающиеся запросы требуют немедленного ответа.

— Побольше литературы. А кто писал—Мартов, Ленин у нас не разбирают пока.

И действительно, чуть не отрывали с руками все, что у нас оказывалось. Радовались и потирали руки от «Деревен-

ской бедности» и «Что делать». Не отказывались и от «Искры» позднее 52 номера, когда нам ее из-за границы присылали.

Но среди этого, если можно так выразиться, «относительного безразличия», выделяется в моей памяти, по отношению к этому моменту, три носителя великой твердокаменности, которые ни на какие уступки и компромиссы не шли.

Это В. П. Арцыбушев старый народовол. и народоправец, всегда выбиравший вероятно и раньше чутьем самое левое, по великой своей экспансивности и честности сохранившихся у него до конца жизни. Затем А. А. Преображенский— его сослуживец и подчиненный по жел. дор. управлению. Этот знал Владимира Ильича лично еще в деревне и не мог допустить даже мысли о возможности усомниться в его правоте. Моментами мне казалось, что он настолько глубоко проникся обаянием Ильича, что безсознательно воспринял строй его мышления и чувств: настолько остро он улавливал меньшевитские ноты и в разговоре и в чтении. И Арцыбушев и Преображенский жили в Самаре хотя особенной дружбой друг друга не жаловали. И наконец М. П. Голубева в Саратове, к которой дал мне рекомендацию Арцыбушев. Она чуть ли не единственная из всей саратовской организации того времени определенно отмежевалась от всякой «лойяльности».

Даже И. И. Гольденберг не был тогда непримиримо настроен к новому направлению «Искры». И когда в один из дальнейших наездов в Саратов, я привез ему «Шаг вперед» и он проглотил эту книгу за одну ночь, пока я в его комнате спал, он затруднился высказаться определенно.

— «Да... Шаг вперед, два назад—это правильно... А всетаки...

Но в то время и И. М. Майский в Саратове не был таким заядлым меньшевиком, каким стал впоследствии, а работал с Гольденбергом бок-о бок.

4.

В Самаре, так же, как и в Саратове Комитет в это время развертывал работу. Были некоторые силы и была почва в рабочих кружках. Правда самарская промышленность совсем не носила того крупно-индустриального отпечатка, который приобрела потом, после 905 года с постройкой Трубочного завода. Но там был ряд крупных паровых мельниц и других предприятий, где можно было уже пощупать базу для работы.

В комитете в качестве основных фигур, работали Позерн и Потоцкий, впоследствии меньшевик. Появлялись высланные из университетских городов учащиеся, которых всегда можно было использовать на те или иные функции. И была земская статистика—приют не ладивших с наружной или внутренней полицией работников из категории так наз. «неблагонадежных».

И тянула мимо публика, не желавшая отбывать свои сроки в Сибири.

Так что сколотить здесь аппарат, и обставить его всякими явками и промежуточными квартирами особенных трудностей не представляло.

Первая поездка по Волге выяснила, что дело нужно ставить на манер торгового предприятия, через своих коммивояжеров. Обыкновенные вояжеры по Волге болтались без конца. Народ все знающий, обо всем распрашивающий, всем надоедающий. Так что обыкновенные пассажиры не так охотно вступали с этой разновидностью в собеседования и не докучали им расспросами из опасения самим стать об'ектом этих расспросов. И в этом отношении несколько большая, чем обычно скромность вояжера, уже располагала к нему и вызывала доверие. Одиночные каюты второго класса давали полную возможность и изолироваться и производить всякие манипуляции со своим багажем.

Из комитета рекомендовали мне «Ваню» (Нодельман), котораго на местной работе использовать было пока трудно. Был в тюрьме и устроиться на заработок пока не мог. В сути дела мог ориентироваться сразу. Не был суетлив, но и не растяпист а главное практик и дело повести мог.

Нашли секретаря из высланных казанских фельдшериц— Е. Д. Струнину, которая с тех пор и работает в партии непрерывно. В дальнейшем она была переведена для работы в Киев затем в Центр. Техн. Бюро ЦК в Орел и Москву, где непосредственно заведывала типографией ЦК на Лесной улице.

И, наконец, Носков прислал из Киева эксперта «Виктора» (не помню фамилии), человека изворотливого и ловкого, который за словом в карман не полезет, ни в общежитейских разговорах, ни в вопросах, соприкасающихся с програмой.

Но с ним пришлось потом скоро разстаться. Он написал в местную газету обличительную статейку в духе «провинциального корреспондента». Ее напечатали. Ему понравилось это. И он стал искать других поводов для дальнейших литературных упражнений. И вместо конспиративного транспортера стал принимать облик собственного корреспондента. Оживление его газетной деятельностью и связей, нам вовсе не улыбалось. Вышел и другой пустяковый казус.

Он послал небольшую сумму из данной ему на содержание своим родителям и потребовал от меня ее возмещения. Сумма была пустяковая. Но поскольку он ставил вопрос «принципиально» о нашей обязанности разрешить ему—это делать и в дальнейшем, постольку, конечно, мы должны были от этого уклониться. И месяца через два он от нас уехал обратно.

С большим сожалением пришлось отпустить из Самары Андрея Кокосова. Он был взят этим летом в армию как бывший вольноопределяющийся и служил в своей части в Сим-

бирске. Летом его арестовали по нижегородскому делу и отправили в Нижний на пароходе. Сопровождать его от полка до Нижняго поручено было штабному офицеру, с которым он и ехал в одной каюте 1 класса, у дверей которой был поставлен для охраны жандарм.

Рано утром в Казани Кокосов в мундире и с положением прошел в уборную. И через некоторое время, оставив там мундир, вышел оттуда в косоворотке и проследовал мимо жандарма на пристань и на берег. Извозчик. Казань. Парикмахерская. Вокзал. И через Инзу-Сызрань он явился в Самару.

Мы долго с ним говорили. И для работы по технике он был чрезвычайно подходящим, тем более, что уже работал раньше в Нижегородской типографии. Но оставить его так близко от Симбирска было небезопасно: всегда можно было натолкнуться на сослуживца. Поэтому пришлось его отправить в Москву.

Постепенно небольшой аппарат сколотили. Район расширился. Связи установлены были со всеми. И притом связи конкретные практические, т. е. в каждом из пунктов кто нибудь из нас уже был, и был не с пустыми руками. Во второй половине лета мы уже распространили свои операции—по Волге от Нижняго до Астрахани и в сторону от Волги-Воронеж-Тамбов, Пенза, Екатеринбург, Челябинск, Уфа, Оренбург. И поставили задачей завоевание также Сибири, куда, между прочим один транспорт пудов около двух из Астрахани я и отправил.

Накладные приходили чуть не еженедельно. И кто нибудь из нас выезжал, уже предварительно снабженный инструкциями—куда и как отвезти самому и куда можно переотправить.

Привлекли в группу еще одного сотрудника, студента Кинельского сельско-хозяйственного училища. Почему то его звали «Заратустрой» хотя это к нему совершенно не подходило

Но это был тип работника, для которого раз взятое идейное направление становится затем задачей всей жизни. Его уже трудно бывает втолкнуть в какую нибудь другую колею. Ценность «Заратустры» для нашей работы увеличивалась еще и тем, что по происхождению и навыкам он был совсем «демократ», а стало быть знал жизнь и смотрел на дело практично и трезво.

Раздобылись чистыми паспортами и печатями. Имели гравера. Располагали копиями с настоящих паспортов и печатей.

Одним словом работа шла во всю. Бюро пропускало за месяц пудов до 30—40 литературы. А в одном из писем ЦК подогрели над лампой и вычитали себе «благодарность» за проявленную энергию и успешность работы.

Это было нелепо, конечно, отзывало несколько департаментом. Но, должен сознаться—было не неприятно.

5.

Получены сразу две накладные по разным адресам. Из Баку посланы «чувяки кавказские» в Саратов и Астрахань. Договариваемся с Ваней: я еду немедленно в Астрахань через 3—4 дня он выезжает в Саратов, где и встречаемся.

Астрахань, как и некоторые другие пункты совершенно не были предупреждены о возможности у них получек. И было уже замечено нами на опыте, что это не так страшно. А пожалуй и менее рискованно.

О. А. Варенцова так и ахнула, когда я обрадовал ее таким сюрпризом.

— Да как же мы это сможем. Ведь у нас совсем нет квартир. Нужно было предупредить.

— Ведь предупредить—это вы готовились бы. Вели бы всякие переговоры, успех которых не обезпечен, а круг осведомленных людей расширился бы. Это не всегда полезно. Как нибудь экспромтом попытаемся.

— Ну, уж не знаю как!

Даже послышалось в ее голосе справедливое раздражение.—выпутывайтесь, мол, сами как знаете. Однако обошлась.

— Когда же это нужно?

— Сегодня, завтра.

— Ну, народец!

И ведь нашла. Не пыратую квартиру, не буржуазную. А всетаки смогла получить груз, чуть ли не в тот же день. И получателя нашла. Того самаго «Черта», который потом приехал к нам в группу в Самару, перебрался с нами в Киев, потом в Москву, где заведывал типографией, пока не понравился М. Горькому, переманившему его на другую работу.

Сошло великолепно. Помогал «Черт» и кажется барышня в той квартире, где производили всю операцию.

Половина была упакована чтобы ехать со мною до Саратова. Другую я должен был сдать в Астрахани для Томска.

Сдавал в «Надежде». Ящик был компактный и набит довольно плотно. Поэтому тяжесть его могла показаться подозрительной. Нужно было придумать название подходящего к этому случаю товара. Припомнил, что надняк читал в газете об экспедиции Томского технологического института на Кавказе. И написал:

«Минералогические коллекции»

Взяли у меня бумажку, чтобы проставить тариф. Долго искали в номенклатуре.

— У нас нет такого товара.

— Но это не товар вовсе. Это собрала ученая экспедиция на Кавказе.

— Что же это такое?

— Это знаете... камни разные с отпечатками раковин, угли каменные, минералы... Профессора и студенты там их собирали.

— Но по какому тарифу мы их станем оценивать. В номенклатуре нет таких.

— Ну подходящий возьмите.

Выходило совсем не любопытно. Еслибы еще я знал их номенлатуру. Черт бы их с ней побрал. Дернула тоже нелегкая придумать название. И ведь могут еще для определения предложить вскрыть.

— Вот что, разрешите я перепишу другое название. Например учебные пособия». Потому что ведь это для института.

— Учебные пособия это значит учебники... книги...

— Можно и книги. Мне ведь все равно под каким соусом пойдет.

— Но ведь тариф дороже будет.

— Ну и пусть его дороже.

Договорились наконец. Стали высчитывать на счетах щелкать. Насчитали за провоз что то около 20 рубл. с копейками. Я не был бы менее рад и не был бы больше обезпокоен, еслибы они насчитали и пятьдесят. Важно сдать, получить накладную и отправить по адресу.

— Благоволите уплатить.

— Уплатить? Это уплатят при получении.

— Когда груз посылается на пред'явителя, да еще такой, который не всякому нужен... Мы рискуем проработать даром.

Это был новый удар. Правда билет до Саратова я уже предусмотрительно взял заранее, но такой суммы, какую они требовали уплатить не мог: у меня ее просто не было.

— Как это не нужен, помилуйте. Его почти целое лето собирали 25 человек, и ненужен.

— Мы этого не знаем.

— Но ведь и мне знаете платить из своих денег, когда меня только попросили отправить. Боюсь что у меня не достанет на дорогу.

— Но может быть вы хотя бы половину заплатили?

— Это могу. Чтобы и вас успокоить и себя не задерживать

Но до Саратова у меня осталось на все про все, около трешницы Возвращаться к Варенцовой за займом не хотелось, да и было далеко. Направился прямо на пароход.

Между Астраханью и Царицыным влип в новую авантюру. Сошлись в рубке, кроме меня три весьма почетных фигуры: поп, становой пристав и учитель царицынский. Кому то из них пришла в голову блажная мысль «сгонять пулечку по поповской».

Как ни отговаривался—и неуменьем, и безденежьем, не хотели и слушать: четвертого у них не хватало, а втроем, по утверждению станового не игра, а черт знает что.

— Вы хоть так посидите, чтоб место занято было.

И поп убеждал.

— Вчетвером ведь один всегда холостой—выходной, как говорится—показывать будет. А по сороковой—это даже ребятам на подсолнухи не проиграешь. А время провести надо.

— Принципиального ущерба, поверьте, никакого не получится. Убедили. Сел.

Но все время пришлось выдерживать марку неумеющего. В конце концов каждый из них по очереди играл моими картами, а я их только держал. И вся беда в том, что для них то самих мои карты оказывались более интересными, чем свои. Только редкие сдачи у меня не было масти, а значит и игры.

— Везет как утопленнику, простите за выражение. То ли вы в сорочке родились, то ли с чертовой бабкой в дружбе.

— Может перемениться местами?

— Нужно всем передвинуться чтобы не мешать сдачу.

Передвинулись. Карта тоже передвинулась. Еще раз передвинулись. Потом вновь, как в начале, по карте выбирали места.

Ничего не помогало. Мои партнеры, каждый по очереди, моими картами обыгрывали в мою же пользу себя. И они же производили за меня записи своих проигрышей.

К концу «пулечки», мои плюсы во много раз превышали мои минусы. Каждый из них внес свою долю и перед мною лежали после разсчета бумажки и даже золото.

Учитель испытывал большую охоту «отыграться».

— Играй, да не отыгрывайся—шутил поп. Однако тут же предложил отыграться в банчек.

Деньги я так и не убирал со стола. И так как игра была не мудрая, то понял ее с первого же показа. Нужно было только проиграть свой выигрыш и равновесие было бы возстановлено. Бросал свои деньги зря. Играл непрерывно в темную и по банку. И чем больше хотел проиграть, тем меньше это удавалось. Кучка росла. Партнеры входили в азарт. У попа и учителя начали дрожать руки и появились признаки мучительных мысленных пересчетов в кармане, прежде чем об'явить ставку. Явилось огромное желание поставить им всю кучку сразу и проиграть, чтобы сразу же избавиться от собственного тяжелого настроения.

Поп и пристав, наконец, должны были сходить с парохода и игра кончилась. Учитель оказался обобранным начисто, и на него жалко было смотреть. С убитым видом он направился свою каюту: утром в Царицыне он должен был сойти, а разсвет уже начинался.

В каюте наедине я припомнил всю эту нелепую историю. И развинченные за ночь нервы развивали ее возможные дальнейшие перспективы: обобранный учитель повидимому небогатый, вероятно лежит теперь и сокрушается о собственной слабости. Вновь перебирает в памяти весь вечер и останавливается мыслью на виновнике своего несчастья. Кто он, откуда этот виновник— ему совершенно неизвестно. На пароходах и же-

лезных дорогах нередко разъезжают шулера, обирающие таких простодушных, доверчивых, людей, как он скромный царицынский учитель.

И моя логика, уже подчиненная разгулявшимся нервам подходит к естественному выводу: учитель, сходя в Царицыне на пристань, тут же делает полиции заявление о том, что его обобрал шулер...

Дальше я уже не могу спать... И не могу оставаться в каюте. Нужно придумывать выход. Нужно каким нибудь путем вернуть несчастному педагогу его равновесие. Хожу по палубе и перебираю всевозможные способы выхода. Теперь уже несомненно, что донос воспоследует, и стало быть предпринимать что либо нужно теперь же. Может быть подбросить ему его деньги...

Но вот он сам. Очевидно тоже не может успокоиться и выполз на палубу.

Начинаем разговор о том, что совершенно зря потратили на игру время: остается скверный тяжелый груз—и физический и моральный. К сожалению нет около никакой благотворительной кружки, в которую можно было бы вместе с выигрышем опустить и собственные упреки совести.

Дальше выясняется, что он организует несколько библиотечек для деревни, и я жертвую ему на эту цель 50% своего выигрыша.

Оба мы быстро после этого успокоились. А к моменту прибытия в Царицын беседовали уже совсем подружески о вещах совсем посторонних тому, что было. И про себя я в этот момент рассчитывал, что наконец, то смогу всетаки хоть немного обновить свой гардероб, что уже давно нужно было сделать и на что никогда не доставало денег.

6.

Ваня был уже в Саратове и нащупывал почву. На этот раз груз получил «свой» извозчик, с которым комитет был связан через ветеринарного врача И. А. Оболдуева. С последним я виделся специально на нейтральной квартире. Вошел затем в непосредственные сношения и с владельцем извоза, с которым вместе вырабатывали и план.

Решили для распределения и упаковки вывезти груз за город, где были бахчи, и где у нашего извозопромышленника имелось хозяйство. Эта поездка носила вполне «хозяйственный» характер, так что никаких подозрений не должна была вызвать.

Нагрузили наши ящики на телегу, обложили их лопатами веревками и пр. нужными для бахчи принадлежностями и через пару часов были уже на месте.

Все шло прекрасно, пока не захотели есть. И тут обнаружилось, что все свое пропитание забыли в Саратове, а достать

здесь было совершенно невозможно. Арбузы, дыни, помидоры были к нашим услугам. Смогли получить у сторожа кусок черствого хлеба, но соли не было и у него.

Пришлось работать с урчаньем в животе и утолять арбузами вместо голода жажду. Однако успешно дело закончили и к ночи были уже в городе и на пристани.

В Самаре у себя на квартире застал изящного молодого человека с немецким пробором и вильгельмовскими усами. Сразу определил, что посетитель из заграницы. Предположение оправдалось тут же, как только он начал говорить мне пароль — трех'этажный Носковский, так называемый пароль, «трех степеней доверия», выдуманный Носковым на одной из безчисленных квартир «для ночевок» и взятый «из жизни».

Позволю себе его привести:

1) Битва русских с кабардинцами.

Или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа.

2) Где читали вы эту книгу.

Там где ловят женихов.

3) Хорошо вам там жилось.

Кормили недурно, а спать было холодно.

У А. В. Шатмана с этим паролем связано какое то комическое происшествие.

Может быть была еще и четвертая и пятая «степень»—доверия, но я знал только три. Сейчас он (пароль) представляется удивительно неуклюжим и нелепо построенным; но тогда мы относились к нему с подобающей серьезностью и почтением. И «степени доверия» вложеные в него, подлежали строгому соблюдению: кто останавливался на первой строфе, мог расчитывать лишь на получение точных ответов на вопросы, которые он с собой привозил — отнюдь не больше: вторая строфа несколько повышала его квалификацию; и только третья позволяла быть с ним вполне откровенным.

Это приехал А. А. Квятковский, в качестве организатора восточного района.

При нем работа пошла живее. Он явился прямо из заграницы и привез с собой ту живую атмосферу настроения от которой мы, занятые постоянным практическим делом, были совершенно отрезаны, но которой очень часто в нашей работе недоставало. Шли ощупью за жизнью, корректируя свое поведение и направление работы теми обрывками, которые до нас долетали. Но это не спасало, однако, от соскальзывания в чистый практицизм: обстановка и нередкая, даже в то время перегруженность непосредственным делом, нередко загораживала и затуманивала общие перспективы. Поэтому всякий приезд свежего человека всегда рассеивал создавшуюся вокруг житейскую дымку и поднимал настроение и активность.

В частности для транспортной работы приезд «Андрея» был так же плюсом. Он развязывал меня для раз'ездов, и в

то же время теснее связывал с общеорганизационной работой: мы с ним быстро сошлись настолько, что с полуслова понимали друг друга. И не нужно было подходя к тому или иному проэкту, развивать его до конца и детальнейшим образом обосновывать. Достаточно было одному высказать самую суть, чтобы другой сейчас же дополнил обоснования и привходящие посылки.

Стали рассылать работников на места. В Екатеринбург, на смену Баранскому, был послан «Аркадий», в Казань «Михаил», кто то, теперь уж не помню, водворен был в Уфу. Работа оживлялась везде, и создание хотя бы первичных организационных ячеек, хотя бы из одного двух человек для собирания связей с рабочими кружками, рождавшимися чуть не стихийно, было крайне необходимо. И сейчас же около этого одного-двух работников мы считали одинаково необходимым поставить и технику, т. е. «нормальные» два пуда шрифта, валик и зеркало.

Создавался таким образом местный «центр» с типографией и с каким нибудь примитивным убогим «ученическим» (иногда в буквальном смысле) аппаратом. Со стороны это могло производить иногда и дикое впечатление. Но тот кто непосредственно сталкивался в то время с работой, знает, что даже такой убогий «центр» всетаки сейчас же становился фактическим центром, собирательным фокусом уже выявившихся в рабочих группах тенденций и инстинктивных поисков увязки, организации.

Этот способ организационного строительства, в частности, на Урале, был в то время зло вышучен Плехановым в Искре *) на протяжении целого фельетона. На нас этот злой фельетон произвел впечатление интеллигентской отсталости и полного непонимания конкретной обстановки: строительство снизу в то время могло быть революционным только при создании «верхних» опорных точек.

7.

Приехал «Черт», присланный к нам для дальнейшего направления Варенцевой из Астрахани. Я знал его по той помощи, которую он оказывал мне там при получке, и решил приспособить к транспорту.

Как раз получена была накладная и, сверх обыкновения на Самару, чего мы все время избегали. Предложил «Черту» сейчас же найти себе комнату и получить эту корзину к себе в качестве своих вещей. Выдали ему для прописки на квартире паспорт, и он с места в карьер должен был оборудовать это дело.

За первым его опытом, правда, предварительно с ним обсужденным в деталях, я наблюдал издали и вблизи, в транспортной конторе, куда специально зашел за «справкой».

*) Около шестидесятого номера.

Он был совершенно спокоен и естественен. И прежде чем паспорт его был прописан, груз был и распределен, и вынесен от него на другую квартиру.

И когда была получена накладная на заграничную литературу с предупреждением об осторожности при ее получении, ввиду небрежности упаковки, я предложил выполнение этой операции «Черту».

— Нужно поехать в Саратов. Груз на железно-дорожной станции. Возможно, что за ним наблюдают. Значит нужно произвести предварительные изыскания.

— Хорошо.

Дал ему непосредственную связь к извозопромышленнику и боенскому ветеринару, у которых могли быть связи с железнодорожниками. Адресов для распределения и развозки из осторожности не дал.

— Там перепакуете и привезете к себе на квартиру.

— Будет сделано.

Целую неделю не было никаких слухов, хотя о посылке открыток по данному ему адресу условились.

И только дней через 10 открытка была получена: «Здоровьем поправился. Выезжаю. Привет».

В Саратове, когда производили «изыскания» то обнаружилось, что груз «только что» унесли в жандармскую комнату. И был оставлен наказ артельщику, чтобы получатель был направлен туда для составления протокола о повреждении упаковки. Дальнейшими изысканиями установлено, что корзина во всей ее неприкосновенности стоит в кладовке при жандармской комнате, и что эта кладовка представляет из себя отгороженный перегородкой угол канцелярии.

«Черт» через Оболдуева связывается с железнодорожными рабочими и пытается организовать умыканье корзины.

Вечером когда в жандармской был только один дежурный, вблизи, между рядами товарных вагонов раздается пальба из револьверов и крики о помощи. Начинается сумятица на вокзале, беготня между вагонами, погоня за подозрительными фигурами. Жандарм как угорелый выскакивает из дежурной, оправляя на ходу шашку и открывая кобуру.

И сейчас же трое людей юркнули в жандармскую комнату, мигом сорвали замок и выволокли карзину. Свой извозчик, заготовленный в стороне от других увез ее в приготовленную квартиру. А когда он от'ехал был нанят другой и перевез на новое место.

Переложить в новую упаковку было уже делом получаса. И тогда она снова была передвинута в третье место, где и хранилась пару дней, прежде чем представилось возможным ее вывезти из Саратова.

С такими помощниками работать было уже значительно легче. И Ваня и «Чорт» теперь уже могли делать раз'езды само-

стоятельно. и сами приспособились к организации и использованию связей и прицелок на местах.

Заратустра был еще молод и иногда горячился, поэтому пускать его далеко на сторону было бы не совсем осторожно. К тому же его связывала и школа. Так что он представлял хорошую заручку около Самары. Совершала уже самостоятельные поездки и секретарь Струнина: нельзя быть секретарем какого либо дела, не зная его — таково было мнение всей нашей спевшейся группы — опыт учит лучше, чем всякие разговоры.

Наложили ей для первого опыта корзину шрифта для Казани, дали маршрут и деньги, и пустили — «в широкую жизнь». Выполнила хорошо.

Теперь уже оставалось время подумать и о других сторонах дела. Нужно было организовать «бюджет». Получки от комитетов за литературу конечно были, но не так значительны, чтобы покрывать все расходы. Комитеты сами тоже нуждались и жили перебиваясь с хлеба на воду. Кроме Саратова и Самары, где возможности изыскивать средства, комитеты все же имели, все другие действительно были бедны.

Из Ц. К. ничего не получали. Наоборот. При наездах оттуда приходилось собирать для них нам. Хозрасчет был проведен в полной мере.

Нужно было организовать сборы, попытаться устроить вечеринки с докладами. Только не в Самаре. Арцибушев дал письмо к М. И. Голубевой и я отправился в Саратов через Пензу. В Пензу попал своевременно — как раз в день платной вечеринки устроенной эсерами. Из любопытства остался и вечером в компании Смирнова и Росселя отправились посмотреть.

С докладом выступал только что приехавший из Питера пензенский поэт и помещик Лодыженский. Докладывал о своем участии в похоронах кажется Аненского. Говорил формально, скучно, с унылой миной и интонацией. И, кажется действительно нагнал на публику если не грусть и печаль, то тоску смертную.

Для молодежи такие похоронные речи в то время не годились, хотя бы и хоронили весьма почтенных людей.

После него получилась некоторая пауза: не было желающих выступать. Россель толкал меня в бок.

— Подложите эсерам свинью... Им сейчас уже не о чем, кроме похорон говорить.

Выступил первый раз в жизни на таком большом, да еще интеллигентном собрании. Вышел к столу совершенно без единого слова в голове, «кроме похорон» которые только что нашептывал на ухо Россель.

Начал с того, что «хоронить почтенных людей всегда было почтенным занятием». И как будто подхлестнуло: зал,—

насторожился,—очевидно и в словах и в тоне уловили «полемику».

Но мне то не до того было, не до полемики. Если она и была, то вероятно не по моей доброй воле, а так выходило, неожиданно и экспромтом.

Уже после первой фразы почувствовал, что в этом приподнятом и полемическом тоне говорить не следует: почтенный Анненков для многих здесь был не «почтенным», а идеологом, символом. И уже мельком и смутно увидел вблизи себя грозный взгляд местного эсеровского лидера Федоровича. Он меня успокоил и сразу дал нить и тон.

— Жизнь слишком суровая вещь, чтобы не дарить нас похоронами. И сейчас мимо нас ползут непрерывные поезда на восток, чтобы дать материал для той безконечной и безчеловечной тризны, которая там творится.

— Что значит в сравнении с этой тризной та похоронная прогулка к Волкову кладбищу, о которой нам только что здесь поведали...

— И уж если скорбеть, то нужно скорбь свою обращать на восток, а не на запад. Ибо там, на востоке в войне зарождается мир, и смерть, тысячеликая смерть несет в себе жизнь. Но кто говорит сейчас о смерти, тот незаметно для себя умирает сам.

— Мы живые люди, и нам свойственно — и хорошо, что свойственно это — смотреть поверх смерти и видеть дальше нее.

Перешел затем на политику текущего момента, на ее противоречия с массовой жизнью, на попытки «героев» пробудить эту массовую жизнь единичным смертоубийством и достигающих обратного результата, на новые и уже большие ростки могучей классовой жизни.

И перешел на бакинскую забастовку, которая была в то время в разгаре.

— Мы живые люди, и там наше место, а не на кладбище с мертвыми надписями на мертвых недвижимых памятниках. Печали нет сейчас места, и нет времени для нее. Смертным боем пробивается к солнцу живая жизнь — отвернемся ли от нее?!..

Впечатление произвел, кажется, заметное. Эсдеков здесь повидимому еще не слышали: Пенза эсеровская вотчина. И, вероятно, это обстоятельство — новизна эсдековских речей — способствовало главным образом успеху нашего выступления.

Россель это немедленно использовал, пустив шапку для бакинских рабочих. «И одновременно повел агитацию за «раздел» сбора с вечеринки.

Выступил Федорович, но уже не уловил тона и уклонился в полемику. Так что усиливал этим нас, а не себя. И дей-

ствительно Россель шепнул мне, что делить сбора не придется: целиком получим мы.

Но задерживаться здесь всетаки было рисковано. И уже не дослушав Федоровича мы под шумок выбрались и проехали прямо на вокзал.

8.

В Саратове тоже повезло, так что вернулся в Самару с некоторыми деньгами.

Но лишние деньги всегда родят мысль: куда бы их истратить. Очевидно потому, что капитал требует оборота. Квятковский так к этому и подошел.

— Разойдутся по мелочам. Или приедет Борис и заберет. Нужно их обратить в капитал. Почему бы нам не поставить здесь типографии.

— В особенности, если удастся вечер с Марксом? — Идет.

При от'езде из Пензы после успешного выступления сговорились с Росселем, что он устроит немного погодя вечеринку для доклада по аграрному вопросу... С докладом выступит Арцибушев — он почему то считался у нас знатоком в этой области, — а над головой докладчика, на стене будет красоваться портрет настоящего Маркса. Идею такой инсценировки изобрел тот же Россель и по мальчишески горячо уже принялся за хлопоты.

Мысль о постановке типографии оказалась настолько реальной, что немедленно начали подготовляться к ее осуществлению. Сообщили в ЦК и получили благословение. Приступили к подготовке необходимых элементов — отыскани̇ю наборщиков, организации обслуживающих квартир и персонала. Сомнений в успехе не было. На небольшой конференции комитетов поставили вопрос о печатном районном органе и встретили полное сочувствие. Об этом, как и о самой типографии пишу особо *), поэтому останавливаться здесь не буду.

Тем временем Арцибушев готовился к пензенскому докладу. Положение его было не из легких. Наша тогдашняя аграрная программа не отличалась особенной выигрышностью, и дальше «отрезков» пока не шла. Причем эти отрезки в столкновениях с эсерами, всегда вызывали язвительные насмешки и являлись для них благодарной почвой для демагогии.

К тому времени эсеры уже выдумали «социализацию», и борьба с ними перед интеллигентской расплывчатой аудиторией всегда представляла большие трудности. Приходилось постоянно отклонять—вопрос в область общих экономических построений и сосредоточивать внимание на предпосылках прошлого и на литературе об общине, артелях и т. п., производить экскурсии в теорию «героев и толпы». Причем и на этот счет эсоры уже подковались «параллелизмом» Авенариуса и

*) См. „Самарская Типография Ц. К.“

нередко чувствовали себя победителями. Если же добавить к этому, что Пенза всегда была эсеровской вотчиной и всегда была пропитана по существу «аграрным духом», то трудность положения Арцибушева станет вполне понятной.

И ему, видимо, весьма не хотелось брать на себя эту роль, хотя он об этом и умалчивал, продолжая подготовку. Но когда получена была телеграмма о том, чтобы мы указали день доклада, добрейший наш дедушка сделал попытку оттянуть. День назначили. И перед самым моментом от'езда я настоял, чтобы Квятковский непременно поехал с ним.

Это оказалось весьма уместным, так как одного В. П. мобилизававшиеся эсеры наверное заклевали бы. Но особенной удачей мы похвалиться всетаки не могли, хотя эсерам спесь была сбита, и с-д получили там право гражданства.

С подготовкой типографии работы было по горло. По крайней мере той мелочной суеты, с которой связано было отыскание промежуточных квартир, адресов, всяких переговоров и договоров с людьми сочувствующими и предполагаемыми на ту или иную роль. Как ни мелки казались все эти предварительные заботы, они все же отнимали целые дни. Их, эти дни, приходилось распределять по часам. И как это ни странно покажется, в этой сутолоке мало оказывалось времени даже для чтения, а иногда даже и для разговора с товарищем, который останавливался на нашем транзитном пункте на день-другой - третий.

«Виктор» Таратуто напр. прожил у нас чуть ли не две недели. Ехал он из Сибири, и у нас на «грани Европы» остановился чтобы всмотреться, осмыслить ту разницу в обстановке и настроениях, которые выявились за время его проживания в тираже. Я принес ему на квартиру кой какую литературу, протоколы второго с'езда, — извлекай сам оттуда, что найдешь нужным. А поговорить некогда было. И, кажется, за все время его безвыходного у нас проживания заходил к нему два—три раза, а говорили ли мы с ним и о чем, совершенно не помню.

Наступила зима. Транспорт пошел по железной дороге. Понадобилось некоторое переприспособление к этому в раз'ездных квартирных и иных условиях. Летом было всетаки легче. Нередко можно было обойтись и без квартиры для получки и для хранения груза. Прямо из транспортной конторы везли иногда на пристань, и сдавали там на хранение. Через день—два можно было взять оттуда и перевезти «на хранение» на вокзал. Еще черезе пару дней с вокзала на другую пристань. Пока не найдется или не освободится для этого груза квартира.

Зимой было уже труднее. Люди сжимаются, теснятся, чаще толкутся на глазах друг у друга. И то, что творится на глазах и у них, для них самих уже заметнее. Отсюда необходи-

мость большей изворотливости, более частой смены обстановки. перемены адресов: и целый ряд всяких других лишних мелочей; канительных и надоедливых, но для дела необходимых.

К тому же теперь прибавлялась типография. Поэтому квартирный вопрос значительно расширился,а значит и усложнился. Корреспонденция для «Хроники» пока еще шла по общеорганизационным адресам. Но с момента перехода к изданию областного органа это положение должно было измениться. Для редакционного дела требовался свой «изолированный» аппарат, для типографского — особый. транспорт должен был замкнуться в свои специальные функции.

За то с транзитом работников из Сибири наступало затишье. И это давало возможность использования (хотя и частичного) точно также и аппарата Бюро.

Начиналась банкетная кампания. Начались кое где выступления наших организаций. В Самаре после доклада в земском зале о питерском освобожденческом с'езде, экспромтом устроена была ночная демонстрация на Дворянской. В Казани «Михаил» пробрался на студенческую сходку в Университете и выступил с политической речью. В Саратове от рабочих организаций выступал на банкете кажется Гольденберг.

В Уфе, в Оренбурге, Екатеринбурге, Тамбове. Воронеже — везде эта полоса прошла с частичным выходом на момент из подполья рабочих представителей.

О войне совершенно никто не думал и мало кто ею интересовался. Была она так далека и не отвечала никаким классовым интересам, что о ней просто забыли бы, если бы она не давала многим чувствовать себя очень больно. Но это были, хотя и большие по качеству и количеству боли, но чисто персонального свойства: убивали мужа, брата, сына, или не убивали их... только те, кто связан был с войной непосредственно, о ней думали и к ней накопляли в себе то или иное отношение. Другим же она просто мешала или не мешала.

Из Баку, вместе с листками о войне, шла «фундаментальная» пропагандистская литература: прекрасное издание «Эрфуртской программы». «К Деревенской Бедноте», «Красное знамя». Посылки шли уже регулярно. К ним все привыкли. И замедление иногда в получении накладных сейчас же настораживало и вызывало те или иные предположения.

За это лето и зиму до января 905 г. наша Самарская группа пропустила через свой аппарат не менее 150 пудов литературы, на четыре пятых бакинской и только меньшую часть заграничной.

И за все это время ни одного провала.

Одновременно были снабжены ручными типографиями Уфа, Екатеринбург, Казань. И найден был способ покупки

шрифта непосредственно от Лемана. Мы обзавелись бланками Оренбургского губернатора и снимком с печати его канцелярии, как и его подписи. И писали от его имени разрешение на покупку шрифтов.

С паспортами обстояло проще. Запас бланков и книжек имелся постоянно. Печатей тоже было достаточно. А при нужде можно было просто взять медный пятак, и приложив его вместо печати, сейчас же немного сдвинуть его по кругу: тогда явственно выходил только орел, а буквы по бордюру смазывались, и любая мещанская управа не могла бы сказать, что это печать не ее.

В конце декабря мы с Квятковским получили распоряжение перебраться из Самары один в Киев, другой в Москву. Для меня это было пожалуй и своевременно: семь месяцев в одном и том же городе для нелегального человека вполне достаточно, тем более, что ни разу ни одна операция не проваливалась, теория вероятности для меня, как статистика не была пустым звуком.

Тем не менее уезжать особого желания не было. Слишком удачно и стройно складывалось все дело, и образовалась компактная сработавшаяся группа, которую заменить сразу оказывалось невозможным, а разбиваться на части — это значило срабатываться на новом месте с другими.

В Орле должны были увидеться с И. Дубровинским. И от него узнали, что ЦК постановил об'единить технический аппарат с меньшевистским. Квятковский ехал в Москву, чтобы работать совместно с Клестовым («Петр»), а я был обречен на такое же сожительство с Шехтманом («Владимир»).

Через день из Орла выехали оба почти одновременно — Александр к северу, я на Юг.

Мы увиделись с ним опять только после октябрьской забастовки 905 года, проведя по несколько месяцев — один в Московской Таганке, другой в Киевской Лукьяновке.

В. Соколов.

Самарская Типография ЦК.

Мы поставили ее с Квятковским *) в сентябре—октябре 1904 г. Ставили по собственной инициативе и за свой риск и страх. Это не значит, конечно, что за собственные средства, ибо у нас их не было. Но и у ЦК на это дело мы точно также ни копейки не взяли и не брали. А изворачивались так сказать «местными средствами».

К тому времени у меня в Поволжьи уже были прочные хорошие связи, как с местными организациями, где таковые были, так и с соответствующей публикой, где организации отсутствовали. Перевод наших транспортно-технических бюро всецело на «хозрасчет», без всяких дотаций, ЦК уже ввел в систему. И чаще сам кредитовался у нас, чем открывал кредит нам.

Лето 904 г. было очень продуктивно. Транспорт получался почти еженедельно; в худшем случае раз в 2—3 недели. Оживление в деле организации местных комитетов было определенное. Район большой, чуть не с полутора десятками губерний. Местная работа в массах развертывалась. Спрос на литературу выростал огромный.

Отсюда наличность наших материальных рессурсов. На них содержалось Бюро со всеми накладными расходами. И оказывались кое-какие остатки, из которых производились выдачи проезжавшим товарищам. Иногда они передавались нами в кассу ЦК. Но это отнюдь не были целиком средства, получаемые за литературу от комитетов. Гораздо больше удавалось собирать на стороне от сочувствующей буржуазии или интеллигентской публики.

Мы решили с Квятковским, что передавать эти «совсем остатки» едва ли целесообразно. Хозрасчет так хозрасчет — будем развивать предпринятое. Комитеты по части техники сказывались еще слабыми. А вопросы местные уже вставали. Созванная в сентябре небольшая конференция приволжских комитетов выяснила необходимость не только техники, которая могла бы обслуживать прокламационным материалом, но

*) А. А. Квятковский, сын Квятковского повешенного при Александре III... Работал в 904 г. в Самаре в качестве агента ЦК по организации Приволжского района. В начале 905 г. арестован с ЦК в Москве в квартире Леонида Андреева. В настоящее время работает в Лондонском Представительстве НКВТ.

и желательность областного листка. Здесь были представители Самары (Позерн, Потоцкий), Саратова (Майский), Казани («Михаил»), Урала («Аркадий»), Уфы (кажется Коновалов) и кто то еще. И все они находили, что если не газета, то периодический листок был бы нужен во всяком случае.

И была в Пензе группа из третьего земского элемента, с которой я близко сошелся еще весной и поддерживал деятельные сношения. Там организован был пункт получки и распределения транспорта, так что сношения все время поддерживались. Иногда там удавалось и собирать немного денег на то или иное дело.

Жил там земский инженер В. Ю. Россель, душа—человек, но довольно безпардонный политик. Да он политикой и не особенно занимался, а просто «помогал» квартирой, деньгами, «добрым словом» и постоянной готовностью оказать какую угодно услугу.

Знакомство с ним было почти случайным. Первый транспорт, полученный мною в Пензе был привезен на квартиру А. И. Смирнова, с-д. своего человека, и единственного в то время знакомого моего в Пензе, так как организации там не было никакой. И когда я начал развязывать внушительную карзину, чтобы заняться распределением, хозяин квартиры проявил необычайное безпокойство. Хороший товарищ и обсолютно надежный человек, он оказался настолько нервным, что боялся даже присутствовать в комнате с таким рискованным грузом. И честно в этом сознался, схватив шляпу и оставив меня одного.

— Мне все время кажется, что вот вот накроют. Слышатся шаги, шорох, звон шпор... Не могу... И не понимаю, как Вы можете.

— Ну, а пропагандой заниматься можете?

— Это другое дело.

Почему «другое дело», так и не досказал. Исчез. Без него пришлось, по окончании работы, всетаки довольно долгой, идти за извозчиком и оставить квартиру не запертой. И только когда уже я выносил свои корзины, чтобы ехать на вокзал, явился хозяин. Он уже успокоился и даже повеселел.

— На следующий раз я нашел Вам хорошую квартиру. Более удобную и менее подозрительную.

Это оказалась потом квартира Росселя. И здесь я оказался «как дома». Молодой жизнерадостный, подвижной, но очень дельный и практичный Россель обставил все дело просто и ясно. У него были где то закадычные приятели, молодые профессора (с ними я познакомился потом в Киеве), и он обратил меня в одного из них. Так что я приезжал к нему в качестве ученого друга, и у него же и останавливался. Вместе мы разделывали в его кабинете и заделывали грузы. И никаких запоров на замок во время этой работы в кабинете не допу-

скалось. Никаких шопотов или полунамеков, никаких крадущихся движений. Настолько оживленно и весело шла работа, что даже нервный Смирнов утрачивал свой непроизвольный страх.

Деятельно и с искренним увлечением всегда помогала нам жена Росселя. Юная и наивная, как недавняя гимназистка, она подошла к делу с некоторой трогательной романтикой. И это было хорошо, заставляло и нас в своей практике не совсем распоясываться и меру «естественности» в конспирации соблюдать. Более легкомысленный хозяин нередко начинал ее убеждать:

— Нужно, Мусенька, к делу подходить проще. Излишняя серьезность заставляет предполагать за нею что то скрытое....

— Не понимаю я... легкомыслие также имеет известную меру за которой становится все открытым...

Я встретился с ними потом в 1906 г. в Петербурге. Они обрадовались как близкому родственнику. Но обстановка значительно изменилась. Он уже приспособился к новой обстановке и собирался в служебную командировку от переселенческого Управления в Сибирь. Деятельно и с увлечением закупал всякие пустяки, вроде морских биноклей для больших путешествий. А она с грустью вспоминала наше пензенское время, не утратившее для нее романтического оттенка.

II.

Обстоятельства в Пензе сложились так, что земство взяло в аренду одну из самых больших в городе типографий, и поручило Росселю управлять ею. И когда я заговорил с ним о возможности «позаимствования» из типографии шрифта и материалов, а также покупки старой машины, он с места в карьер отверг этот план.

— Ерунда. Мелкие уловки с грошевыми результатами. И постоянный мелочный риск, повседневная воровская настороженность. Себе дороже. Не стоит игра свеч.

Я смутился. Так это было неожиданно. Попытался его успокоить.

— Никакого риска для вас здесь не предполагается. Мы введем для этого в типографию своего человека, который не будет даже и знать что вы каким либо боком прикосновенны.

— Да я не о том. А слишком уж это пахнет кустарничеством и мелким жульничеством. А мы сделаем так: я выпишу от Лемана новую машину со всеми принадлежностями и шрифт, какой вам будет угодно выбрать по образцам. И не получая с вокзала переотправлю все куда прикажете.

Это был неожиданно великолепный оборот дела, так что моя неловкость совсем потонула в той большой радости, которую он таким образом вызвал.

— Но ведь это пахнет авантюрой: денег то у нас все же не густо.

— Пустяки. Типография вынесет.

— И действительно выбрали по образцам и шрифты и машину. Остановились на бостонке: как наиболее легкой из машин: удобнее приспособить к квартире. И в тот же день отправили заказ в Москву.

— А человека в типографию к нам вы всетаки дайте. Не для краж шрифта, а для пропаганды. Может для чего нибудь пригодиться потом.

И через пару недель он уже известил меня в Самару об исполнении заказа. Обсудили совместно все детали переотправки. Наличность двух вокзалов в Пензе значительно облегчила комбинацию. Груз даже не побывал в типографии. Его просто перевезли с одного вокзала на другой и сдали непосредственно на Самару под «наименованием» машинных частей. Это несколько расходилось с традициями конспирации. Но в таком болоте, как Пенза, сложная конспирация с таким солидным грузом была бы пожалуй хуже: риск безусловно увеличивался бы, а не уменьшался. Большой практик, несмотря на свою молодость и видимое легкомыслие, Россель разсуждал вполне здраво.

— Завозить для перепаковки в типографию—Это лишние глаза,—лишние неизвестно какие предположения и разговоры. Найти для этого постороннюю квартиру невозможно: груз 30 пудов. Конспирация—это осторожность, доведенная до абсурда. Не будем здесь особенно правоверными.

Я уже достаточно к этому времени видел и испытал всех степеней конспирацию. От подозрительного оглядывания на улицах (нет ли хвоста) до отправки нелегальных вещей из Минска в Одессу через Астрахань («чтобы замести концы»). И то и другое на мой взгляд только увеличивало риск, без нужды отнимало время и силы. Поэтому Росселю не составило никакого труда меня убедить. Да иного выхода все равно и не было. А в Самаре был «свой» человек, заведующий транспортным складом. В. И. Александров.

Ему именно и вручена была квитанция на груз, который затем и водворен был на его складе с принятием всех специально транспортных «мер предосторожности» вплоть до уничтожения на ящиках клейма места отправки и переотправки и всяких других указаний на концы транзита.

Оставалось найти людей и квартиру. И здесь повезло. Уладилось быстрее, чем можно было предполагать. Н. Н. Кардашеву, работавшему тогда в Воронеже, пришлось во чтобы то ни стало ликвидировать местную «технику» с доской и валиком, и старым шрифтом. И он весь персонал прислал к нам в Самару, притом в такой комбинации, лучше которой нельзя было и выдумать.

Приехал молодой, веселый умный хохол в поддевке с женою и двумя ребятишками. Самый подходящий хозяин, не

взыскательный на удобства, весьма практичного мещанского склада, преданный делу и живущий только для него. Настоящей фамилии его, как и большинства своих нелегальных сотрудников я к сожалению, не знаю, а по паспорту он был, если память не изменяет, Иван Павлович Коваленко. С собой он привез и наборщика, даже часть шрифта с принадлежностями для комитетской техники. А еще наборщица, приезжая из Сибири, у нас уже была задержана в Самаре и дожидалась оборудования.

Шрифтом Ивана Павловича мы уже могли облагодетельствовать какой нибудь комитет. И направили его кажется в Казань, куда послан был тогда «Михаил» и где работали тогда Улоратский и Кулеш. А может быть этот шрифт попал и в Уфу. Не помню уже. Во всяком случае около этого времени мы снабдили маленькими «техниками» и тот и другой город, и еще Екатеринбург.

Иван Павлович взялся искать квартиру сам. Это было всего удобнее. Наше предположение открыть какое либо предприятие вроде «Пакетной мастерской», которая дала бы право иметь бостонку, по зрелым размышлениям и обсуждениям было забраковано. Самара хотя и большой город, но ремесленников даже и такого типа, какой был нами намечен, здесь имелось достаточно. Общий мещанский уклад и взаимная конкуренция и подсиживание, не обещали спокойной с наименьшим риском работы. Предприятие более высокого типа было бы нам не по средствам. Да и обязывало бы к конспирации более сложной, более громоздкой, которая в конце концов не оправдывала бы и самаго производства.

Поэтому остановились на проэкте Ивана Павловича: нанять просто небольшой особняк под квартиру и хорошо, если с плохеньким «парадным» ходом. Этот ход для Ивана Павловича служил бы ссылкой на его желание открыть» «с новаго года» мелочную лавочку. А два три месяца, остававшиеся до этого срока, можно было бы работать во всю, производя одновременно хлопоты о патенте и сходясь с соседями, как с будущими покупателями.

— Помилуйте—ведь это же мое призвание: по душам поговорит с человеком, душу ему открыть, в его уголок заглянуть... Какой же я «подозрительный» человек... Наше Вам—с, господину покупателю, сорок одно с кисточкой...

Жена только спокойно улыбалась на его разговоры и доверчиво посматривала. И вот это доверчивое, спокойное отношение простой женщины с двумя ребятишками к общительному веселому мужу, завязанному в рискованном деле, убеждало пожалуй больше, чем доводы самого Ивана Павловича. Я спросил ее:

— Вы тоже так думаете?

Она ответила со смехом.

— Он,—аж налим—извернется и не заметишь. Было раз—только разложили все на столе, зашел полицейский. Он ему обрадовался, как родному: миляга друг... стал его раздевать, стол от него загораживать. И все тарантит, все тарантит, суетится около него. А тот очумел, не понимает. Тем временем я стол успела накрыть, и прямо на печатню то самовар поставила. А он все обхаживает: пожалуйте, говорит, гостенек редкий, чайком погреться.

Нас разбирает хохот, потому что Иван Павлович во время этого рассказа непроизвольно изображает на своем лице ту восторженную радость, которую он обнаружил принимая тогда городового.

— Ну и погрелся?

—Да ведь самовар то холодный был. Он ко мне—Жинка—говорить, разведи машину скорее, надо обогреть хорошего человека.—Думаю, тот и в самом деле пожалуй обогреваться сядет. Вот думаю лихо вам. Взглянула этак, чтоб неповадно было, отрезала ему: дела у меня разве мало, чтобы безо время разводить разносолы? Трактиров мало для вас бездельников?

Иван Павлович не выдерживает.

—Сначала то я не понял как будто. Осерчал. Потом говорю: ладно, коли так, в трактир, так в трактир. Это ты правильно жена. Пойдем, друже, там хоть не одним чаем можно побаловаться.

На том и порешили, что Иван Павлович ищет квартиру сам, и по своему выбору. Но заранее условились, что права редакции по отношению к сдаваемому в печать материалу он себе не присваивает, и в этом смысле прерогативы остаются всецело за нами. В то время такая оговорка была необходима: наблюдались случаи (и не так редко) претензий со стороны типографских работников на решающее слово в редактировании материала,—и отказов его печатать если они найдут его не вполне отвечающим их настроению.

III.

Квартира найдена была не так далеко от центра. В тихом переулке около Москательной (Льва Толстого). Деревянный одноэтажный домик в четыре окна на улицу с покривившимся парадным крыльцом. Домик мещанского вида, и внутри достаточно приспособленный.

Иван Павлович сейчас же принялся за хлопоты. Ходил кругом с топором, молотком и гвоздями. Тут приколотит, там заделает щель, привесит крючек. В задней комнате выходящей окном на двор понадобилось особенно внимательно осмотреть ставни. И особенно внимательно прислушиваться не доходят ли из ставен на двор звуки работающей машины. Прислушивался несколько вечеров и устраивал всякие приспособления. И наконец добился, что туда не долетало ни одного звука даже глубокой ночью: в окно с вечера вставлялась плотно

пригнанная доска, обитая войлоком. Также плотно пригнанным обтянутым кошмой щитом загораживалась в этой комнате и дверь, выходящая в другие комнаты. Косяки окна «для тепла» также были закрыты войлоком.

Типографию решили в подвале не помещать, только лишняя мука работникам; а уже если придет полиция, то все равно подвал не спасет. Старательно приспособленная комната гарантировала отнюдь не меньше. Только исправили звонок и точно условились о внутренней и внешней сигнализации.

Типографию привезли сразу же как только вошли в дом наши жильцы. И радовались же они новому своему жилью. Сразу устроились по хозяйственному и домовито, как дружная работящая семья.

Это помещение было известно только нам с Квятковским. От всех других оно было скрыто. Решили не обнаруживать его даже милейшему и честнейшему В. П. Арцыбушеву, члену нашего же бюро, даже тогда, когда заметили, что это его обижает. Но иначе, по нашему мнению, нельзя было поступить. Знала его в городе каждая собака, а жандармы перед каждой маевкой арестовывали его. На улице он издалека всем бросался в глаза. Большой, грузный с длинной сивой гривой и обликом Маркса (так его по кличке и величали), он по нашему представлению провалил бы типографию только одним своим появлением на той улице где она находилась.

И некоторе время было положительно неловко смотреть ему в глаза, в особенности говорить с ним о типографии.

— Черти полосатые. Ребенок я что ли... Буду ходить туда разве?.. И уж если на то пошло, то это может иметь обратные результаты: ведь я не знаю теперь в какой местности мне не следует показываться.

Он был прав, разумеется. Но наша боязнь за дело, так удачно складывавшееся, оказывалась сильнее нашего доверия к Василию Петровичу и нашей искренней к нему привязанности.

— Подождите немного, пока наладится. Это не недоверие, а простая осторожность: чем меньше людей знает, тем меньше риска.

Но был еще один человек, которому пришлось не только указать, это наше сокровище, но и ввести внутрь. Нужно было туда доставлять бумагу и брать оттуда «продукцию». Иногда это делал сам Иван Павлович: с саночками отправлялся на базар и заезжал на склад. Иногда он и печатник с наборщицей ради прогулки выносили напечатаное под верхним платьем на особую квартиру. Но нужна все таки была помощь и со стороны, как и постоянное место свиданий с нами вне типографии.

Для этого чрезвычайно подходила семья жел. дор. служащего Преображенского. К сожалению забыл его имя. Но как сейчас представляю этого скромного, на редкость убежденного

человека. Он не работал активно именно из за своей скромности. Но за то и он и его деловитая хозяйка-жена готовы были в лепешку расшибиться на всяком практическом партийном деле. И мы избегали поэтому использовывать их по мелочам. Демократическая наружность их обоих и такие же навыки делали их на людях и на улице незаметными. Но во всякой такой работе они оказывались незаменимыми.

И их квартира обращена была в промежуточную. А жена Преображенского стала прачкой для типографии. Привозила оттуда на салазках узлы с бельем, а туда доставляла чистое. В первом случае забирала там напечатанное, во втором доставляла бумагу. А затем уже с их квартиры и он и она на себе переносили в транспортную квартиру.

Первой пробной работой была «Хроника Вост. Бюро РСДРП», с моей вводной статьей «по текущему моменту» и рядом специально присланных с мест сообщений о ходе работы из Казани, Самары, Уфы, Саратова. Набиралось кажется страниц на 10—12. Выпустили 500 экземпляров.

Радости было много: Чистота работы совсем не напоминала о нелегальной типографии.

Квятковский сиял.

— Чем это хуже Бакинского издания? Дайте ихнюю бумагу и посмотрите что выйдет.

В типографии ликовали еще больше.

— С такой типографией не обидно и провалиться. Пусть ка жандармы в настоящей типографии и за деньги так напечатают.

В действительности, конечно, все эти восторги были пре увеличены. Но новенький шрифт и старательность подготовки первого выпуска, конечно, сказывались: чистота, ясность, четкость, производили выигрышное впечатление.

Этот первый номер в распространение пустили не сразу, а на несколько дней задержали. За это время дано было поручение нашему транспортеру «Черту» (В. И. Богомолов) взять с собой сотню две экземпляров и разбросать их в Пензе. Тогда мы были уверены, что это явится громотводом по отношению к Самаре. Теперь мы вероятно придумали бы что нибудь иное.

«Черт» мигом собрался и выехал. В вагоне, лежа на верхней полке и накрывшись пальто, он сложил листки вчетверо, чтобы они были портативнее при разброске. К вечеру он был в Пензе. Ни к кому не заходил и никого не видел. Обошел по основным могистралям весь город. Подбрасывал на улицах и в подворотнях, совал в почтовые ящики и в щели парадных дверей. И в ту же ночь со скорым поездом уехал обратно в Самару.

А в Пензе, как потом выяснилось, это произвело необычайный фурор. На интеллигентских вечеринках, где раньше безраздельно царили эсеры, теперь стали к ним обнаруживать

некоторый скептицизм: Они еще не так далеко от'ехали от гектографа.

По району номер развезен был быстро, и вызвал большой интерес, если не к себе, так к самой идее издания.

И сейчас же после этого стали поступать наказы от комитетов. В особенности от Самарского. Но последнего приходилось остерегаться и избегать больше всего, так как территориальная близость его к типографии могла нанести на след этой последней.

Вышел и второй номер «Хроники». И уже близка была реализация основной цели—издания газеты.

Литераторы в Поволжье имелись: И. П. Гольденберг, Майский в Саратове, Адорятский—в Казани, Потоцкий и Позерн—в Самаре. Нужно было только столковаться о программе с ЦК и о технике выполнения с работниками издания. К этому и приступили.

В газете не только как идейном центре, но и как центре организационном испытывалась огромная надобность. Начинались т. наз. «Банкетные» кампании. Состоялся в Питере известный земск. с'езд. Адвокаты и литераторы, до сего времени державшиеся около нелегальщины, стали посматривать теперь на нее свысока. Нередко приходилось от них выслушивать «комплименты»:

— Кустарничество! Отсутствие политического размаха! Кроты земли русской!

Потребность в массовой организации и массовом выходе на улицу испытывалась всеми.

Помню экспромтную ночную демонстрацию в Самаре, вероятно первую за все время существования этого города.

Устроено было большое либеральное собрание в земском доме для доклада о Питерском С'езде. Комитет мобилизовал рабочих. Публики набилось в зале много. После доклада с хор произнесена была из толпы речь. Правда она не отличалась особой литературностью и логическим построением, но это и не было особенно важным. Симпатии большинства были на ее стороне. И сейчас после этой речи раздалось пение: «Отречемся от старого мира», и рабочие группы длинной вереницей потянулись по корридорам и к выходу на улицу. Публика растерялась и распялив глаза, молча наблюдала этот демонстративный исход из залы и с хор.

Улица была пустынна. Полиция не подготовилась. И пройдя с пением безпрепятственно по Дворянской, демонстрация разошлась.

IV.

В конце декабря 1904 г., распоряжением из ЦК, мы с Квятковским были срочно переброшены из Самары: он в Москву, я в Киев. Только уже после в пути выяснена была махинация этой переброски (соглашение с меньшевиками об об'единении технического аппарата ЦК).

Спешно передали все дела и связи и в первых числах января выехали в Орел. где должны были встретиться с Дубровинским для окончательного выяснения наших назначений.

Типография была уже на полном ходу. Внешние сношения ее с Бюро налажены. Внутренние взаимоотношения работников не вызывали никаких опасений. Доставка в нее материалов и бумаги и вывозка изданий шли прекрасно. И ближайщее за ней техническое наблюдение и заботы о ней были переданы Преображенскому.

Но мы уже сжились с ней и сдружились с работниками. Оставлять дело незаконченным не хотелось. Не было уверенности, что оно будет закончено так, именно, как это нами мыслилось при организации. В особенности возникали опасения за возможность организации газеты. К сожалению эти опасения оправдались.

Утром 10 января мы приехали в Тамбов. И здесь из телеграмм узнали о 9 январе в Питере. Решили в Тамбове остановиться, чтобы узнать нет ли более точных известий.

На созванном в тот же день собрании Тамбовского Комитета вопрос о Питерских событиях был нами поставлен и хотя представления о них не были еще достаточно ясными; тем не менее настроение выявилось довольно определенное: «На баррикады».

Тут-же на собрании я набросал в этом духе прокламацию «ко всем гражданам», которая была одобрена, и сейчас-же отправлена с одним из членов комитета в нашу Самарскую типографию.

Напечатана она не была, потому-что присланный вместо меня Носковым в Бюро Полуян (кажется так была его фамилия, но не тот который в ВЦИК представителем от казаков) оказался даже не меньшевиком, а хуже. Он нашел, что призывы на улицу «вспышкопускательство». И вместо прокламации перепечатал в нашей типографии телеграммы из легальных газет.

Снова в Самару я попал уже только в начале октября 1905 года, перед самой забастовкой.

Типография уже не работала, а лежала на складе. По поводу нее и за право владения ею шла склока между большевиками и меньшевиками. Преображенский разсказал мне длинный ряд мелочных раздражающих невязок и трений, мешавших все время работе и в конце концов вынудивших его к прекращению этих работ. Он был искренним и упорным сторонником «Ленинской твердокаменности» без всякой склонности и способности к уступкам или сглаживаниям. Но благодаря своей изолированности от публики, предупреждать организационно проникновение неприятных ему тенденций он не мог. Поэтому счел за лучшее сразу срубить дерево, чтобы не видеть его кривым.

Добавила к этим разсказам кой что и его жена, входившая во внутреннюю жизнь типографии ближе и непосредственнее. Но ее разсказы были из другой, не фракционной области. Вскоре после нашего от'езда из Самары заболел у наборщицы грудной ребенок--что то вроде свинцового отравления. Пригласить туда врача опасались за типографию. Нести к врачу ребенка боялись за последняго: может помереть. Положение с ребенком все равно безнадежное—так и так умрет. Мать в отчаяньи. Другие решают вопрос—как быть, если он в самом деле умрет: ни в каких метриках не записан, никто хоронить не станет. Было предположение проехать с этим нелегальным мертвецом две—три станции по железной дороге и оставить его в вагоне.

Ребенок неожиданно стал поправляться, и дело опять наладилось. Но сумятица и передряги неизбежно отражались на работе, всегда требовавшей ясности и точности всех поступков, вплоть до самых незначительных, и трезвой мысли. Раз этот строй нарушался, работа не могла идти гладко без перебоев.

Таков вообще удел «подпольных» типографий. Работа в них требовала неизмеримо более крепких нервов, чем какая либо другая. И неизмеримо больше выдержки, самопожертвования и непрерывного самонаблюдения.

В. Соколов.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ.

С февраля по октябрь 1917 года.

После разгрома организации, в связи с Поволжской Конференцией и забастовкой на Трубочном заводе, работа замерла, т. к. вести ее было некому.

1-го марта была получена частная телеграмма о свержении самодержавия и организации Временного Правительства. Первая об этом узнала Е. Адельсон. Сообщили всем товарищам оставшимся на свободе. Было одно место—еврейская столовая, куда собиралась наша публика, сообщили туда. Группа наших товарищей побежала с радостными известиями в думу.

Думцы поздравляют друг друга, целуются на радостях.—лысины «отцов города» блестят.

Надо было действовать, но за отсутствием подробных сведений положение казалось неопределенным, и кое кто побаивался арестов. В «Самопомощи» состоялось нелегальное об'единенное собрание большевиков, меньшевиков и эсеров, на котором обсуждались вопросы о выпуске листовки, организации митингов и демонстраций и возможности организации Совета Рабочих Депутатов. Решено было выпустить листовку с призывом к спокойствию, которая к утру была готова.

Утром, 2/III, везде были расклеены воззвания. Настроение было праздничное. В Олимпе состоялся первый митинг, на котором председательствовал Рамишвилли. Были избраны члены Сов. Раб. Депутатов: Рамишвилли, Шаманин, Богданов. Е. Я. Успенская, Васильев. бундовец—Гинсбург, от большевиков: Дерябина, Венцек, Бокаев, Борисов, М. Герасимов и, тогда еще беспартийный, тов. Васякин.

На следующий день, т. е. 3/III, началась кооптация в Совет и организация боевых дружин и милиции. В Совет был позван Жан. Пол. Познанский для сдачи дел и выдачи провокаторов.

Последнее он отказался сделать, говоря, что считает себя честным монархистом.

Товарищи, находившиеся в тюрьмах, все еще сидели, ждали распоряжения об амнистии. министра юстиции Керенского. Как только известие об амнистии прибыло группа т. т. отправилась освобождать заключенных.

Когда пришли к начальнику тюрьмы, то он как будто с радостью открыл заржавленные затворы и все были освобож-

дены. В тюрьме осталась лишь тов. Стяжкина которая 1-го марта родила сына Володю. К ней были тот-час же послана наша сестра милосердия Ева Адельсон и стала навещать врач Близнянская.

3 или 4 марта был арестован губернатор, Жандармский Полковник и его помощники Арест производил Шаманин и Богданов. Сам. губернатор упал в обморок, семья Познанского закатывала истерику. Последний успокаивал свою семью, говоря, что когда он арестовывал подпольных работников, ныне пришедших его арестовать, то их семьи держали себя с достоинством несмотря на голод и лишения. Шаманин чуть слезу не пустил от жалости и разрешил взять с собой в тюрьму все, вплоть до перин, что конечно раньше не разрешалось.

На следующий день вся полиция сама сдала оружие в Совет.

А в Совете суета. Все радуются, шьют красные повязки, готовятся к демонстрации.

5-го марта все высыпали на улицу, несмотря на отчаянный холод. Велика была демонстрация трубочников. Все шоссе начиная с Молоканских садов до Трубочного завода было занято людьми. Каждая мастерская была организована в отдельную колонну; в таком порядке и отправились в город. Освобожденных арестованных встретили музыкой.

В городе была необыкновенная сутолока. Представители различных классов и сословий праздновали свой праздник. Идет кампания купцов и поет: «Долго в цепях нас держали», слышатся выкрики — «да здравствует Временное Правительство», а другие: «Да здравствует Михаил Александрович Романов». Давка ужасная.

Совсем другое было через неделю, во время чествования жертв революции; чувствовалась организованность, спайка: в манифестации принимали участие почти одни рабочие. К этому времени прибыла первая партия ссыльных из Кустаная и затем ежедневно прибывали т.т. последней ссылки из Самары. Бубнов, Куйбышев и др.

Заговорили о слиянии с меньшевиками. На первый взгляд казалось что разногласия между большевиками и меньшевиками теперь не может быть, потому что, раз'единявший раньше вопрос о нелегальной работе, был разрешен революцией,— но на деле оказалось не то. Когда по вопросу об об'единении было собрано собрание в Триумфе, меншевикам было предложено несколько пунктов с некоторыми они не согласились. Кроме всего этого выступил от части собравшихся большевиков тов. Бубнов и высказал мысль, что не нужно соединяться до тех пор, пока не произойдет слияние в центре. Предложение Бубнова было принято и собрание таким образом закончилось ничем.

Вопрос о слиянии стоял и на первой конференции большевиков. От меньшевиков присутствовал только тов. Минд. Споры по этому вопросу ни к каким результатам не привели ибо разногласия не только не сглаживались, но наоборот—усиливались. Больше вопрос об об'единении не поднимался.

Главной силой Самарской организации являлся трубочный район где работало наибольшее количество активных работников,—тов. Куйбышев, Милонов, Панов, Курулов, Галактионов, Шверник и др.

Как только собрались все старые партийцы вместе в Самаре, вернувшись из ссылок, с фронта, началась горячая работа. Первым делом была организована газета—«Приволжская Правда», редактором которой был тов. Митрофанов, а сотрудниками: Милонов, Коган, Бубнов, П. С. Белов (последний в июльские дни вышел из партии и стал меньшевиком). Наша большевитская конференция избрала Городской Комитет партии, при котором и сосредоточилась вся партработа, откуда исходили все директивы для работы.

Главная работа наша происходила тогда вокруг профсоюзов, которые были в зачаточном состоянии и вели отчаянную экономическую борьбу с хозяевами. В этой области много поработала тов. Е Коган. Она была в примирительной камере, отстаивала там интересы рабочих, организовывала союзы, подготовляла забастовки. Дерябина работала среди солдаток.

«Единство всего народа» бывшее в начале февральской революции быстро начало разсеиваться, и чем дальше шло время, чем ближе оно было к июльским дням, тем все больше и больше усиливалась травля на большевик, со стороны меньшевиков и эсеров. В июле распустили позорную ложь о партии; и в глаза, и за глаза нас стали звать немецкими шпионами, провокаторами и т. п. Еще до июльских дней, когда председателем Совета Рабочих депутатов был Куйбышев, а членами президиума от нашей фракции были: Теплов, Голактионов, Шверник, Коган и другие,—Куйбышев на одном из заседаний Совета внес предложение о вооружении рабочих. Но это было отвергнуто меньшевистско-эсеровским большинством Совета на том основании, что нет необходимости вооружать рабочих для подавления контр-Революции, тогда когда есть вооруженная армия.

Особенно большое волнение вызвали июльские дни. В Совете нашим товарищам не давали говорить. Были попытки закрыть газету большевиков и клуб. Явилась возможность погрома со стороны эсеров-меньшевиков, по образцу питерских погромов. Особенно ярым был А. Кобцан, он торжествовал в эти дни. Наш Комитет собрал нелегальное собрание на котором стал вопрос о легальном существовании партии и ея газеты. Принята была резолюция, бороться до конца, до последних сил за легальное существование партии.

Тяжелы эти дни были для партии. Товарищи выступавшие на митингах у памятника, на лекциях; подвергались оскорблениям. Тов. Масленникову летели грязные тряпки в лицо. Борьба была большая, особенно в Совете Солдатских Депутатов.

Но время летело быстро, а вместе с ним менялись настроения. Еще в конце июля воинские части были почти целиком за советы, а в конце августа можно было свободно работать на фабриках и в воинских частях, и открыто говорить о Советской Власти.

Выборы в Городскую Думу прошли бурно. Агитация велась разная, вплоть до хождения по квартирам. Руководил этой работой т. Масленников. При выборах в Думу наш список получил голосов больше чем другие, но мы были в меньшинстве против блока других партий, а поэтому часто демонстративно уходили с заседаний Думы, когда же работа шла в разрез с интересами рабочих масс. В Сентябре на одном из собраний Комитета партии нам сообщили; что солдаты желают устроить демострацию протеста против насилия над большевиками. Выступил тов. Буянов говоря, что это могут использовать провокаторы и это приведет к неблагоприятным для нас результатам. Собрание согласилось с тов. Буяновым. решено было устроить митинг в Аржановском саду. На митинг прибыло тысячи солдат, и рабочих. Члены партии были все в сборе. Для проведения митинга был назначен тов. Т. Масленников, Сафаров, Теплов и Галактионов. Был сделан доклад о событиях в Питере, о том, почему большевики хотят Советскую власть, о неуклонном требовании мира. Предложенная комитетом резолюция, принятая морем рук, говорила о том, что данное собрание будет поддерживать Советскую Власть. После пения Интернационала тихо разошлись по домам.

Необходимо отметить проезд через Самару генерала Коровиченко, ехавшего по приказу Керенского в Ташкент, усмирять восстание поднявшееся за Власть Советов. Его проезд совпал с ж.-д. забастовкой, происшедшей на экономической почве, Служащие не получали 5 месяцев жалования. В стачечном комитете был Тов. Гецольд—(максималист). Узнав зачем едет Коровиченко, жел. дор. рабочие его не пропустили. Тогда Коровиченко приехал на происходившее в это время заседание Советов и клялся что он едет не усмирять большевиков пулями, а везет им хлеб. Но фракция большевиков была против пропуска. Стулья летели вверх. На этот раз большинство было на нашей стороне и победа осталась за нами. Решили задержать Генерала. Но на вечернее заседание прибыли все военные депутаты, в числе которых большинство были офицеры. Потребовали пересмотреть вопрос. Под бурные крики протеста со стороны «гостей» солдат и рабочих, была принята большинством голосов резолюция—пропустить, с тем условием чтобы

вместе с ним поехали представители Совета. От С. Р. поехал Хаит; меньшевики выставили т. Куйбышева. Но последний категорически отказался, сказав, что ехать омывать руки кровью рабочих предоставляется тем, кому она не дорога. Слова: «Я и мои единомышленники не поедут»—были приняты громом аплодисментов.

С тяжелым чувством разошлись члены нашей организации.

Бурное настроение тянулось вплоть до Октябрьской Революции, которая пришла так-же незаметно как и февральская.

Правда, Коган и Милонов, бывшие на популегальном с'езде в Питере сообщили, что скоро будет пролетарская революция, но все же перед Октябрем было затишье, никаких известий не было.

Узнала радостную весть я 25 Октября. Прихожу по делам газеты к Дерябиной; она радостно—взволнованная, послала меня за Митрофановым и Масленниковым. Бежала сломя голову. Митрофанов ругнулся за то, что я не все знаю о том, что делается в Питере. По дороге захватили Курулова. В Исполкоме были уже все члены. В 12 часов было назначено собрание Советов совместно с Комитетом Народной Власти. Заранее были все оповещены о перевороте. Собрание прошло безрезультатно. Комиссар Волков заявил, что он голова губернии, что его избрал с'езд крестьян, происходивший в то время.

На собрание Советов никого из посторонних не пропускали. Члены С'езда спровоцированные эсерами ворвались в Совет, что-бы сорвать собрание. Но этого сделать не удалось, п. ч. в Совете сидели рабочие, а не кулачество. По оглашении телеграммы, что в Питере пролетарская власть, что Временного Правительства нет, что во главе Ленин, Троцкий и т. д., наши пришли в неописуемый восторг. Какой то офицер заявил от имени С. Р., что они старые революционеры и применят такой-же метод террора к советским работникам, как раньше применяли к царским. Меньшевики, как будто возмутились этим, что однако не мешало им впоследствии бойкотировать Советскую Власть и бороться против нее забастовками.

Меж тем был избран Ревком под председательством тов. Куйбышева. Митинги в честь празднования Октябрьской Революции прошли торжественно. Праздновали только рабочие. Чувствовалась мощная пролетарская сила. Стройно, с революционными песнями ходили красно-гвардейцы, организованные из рабочих, главным образом Трубочного завода. Начальником Красной Гвардии был избран Гавриленко.

Меньшевики организовали забастовку печатников, С. Р. чиновников. Выпускались контр-революционные летучки о насилии большевиков.

Назначили первых комиссаров. Работа была трудная. Приходилось идти с голыми руками против саботажа и дер-

жать, вступая на ответственнейшие посты, не имея ни достаточного опыта, ни знаний для выполнения работы.

Появляются и жертвы. Первым было убийство часового около Белого дома, произведенное белогвардейцами из за угла.

Дальше шло одно за другим. Взрыв Белого дома, восстание максималистов и прочее. Необходимо отметить твердость одного рабочего, который во время взрыва Белого дома отказался уйти с поста до тех пор пока разводящий не прикажет.

Когда т. т. бывшие во время взрыва в здании Белого дома выскочили на улицу, то были обстреляны со всех сторон.

Наступал Дутов. Ревком собрав старых партийцев сделал в лице Куйбышева, заявление, что члены Ревкома не в силах одни бороться с нарастающей контр-революцией. Было предложено всем членам большевистской фракции Городского Совета взять на себя функции заведывания отделами (комиссарство).

Все товарищи были распределены по Советским отделам и работа начала налаживаться, несмотря на царивший саботаж.

М. Бешенковская.

Борьба за октябрь

В момент Февральской Революции я находился на военной службе в 143 пех. зап. полку в Самаре, в каковом, между прочем, прослужил с самого начала империалистической войны. В Самаре к тому моменту, да и вообще все время империалистической войны, стояли следующие запасные части, которые формировались на фронт, в качестве пополнения: пех. зап. полки 102, 130, 133 и 143; 4 зап. саперный полк и 3-я запасная артиллерийская бригада. 143 полк был одним из самых реакционнейших полков, даже офицера этот полк называли дисциплинарным баталионом, где больше чем в других частях свирепствовало мордобитие и проч. истязания солдат. Командовал полком свирепый зверь полковник Сипайло.

До 4 мая 17 г. я был безпартийный, но еще в 1905 г. принимал участие в революционном движении в г. Балакове, где жил некоторое время под надзором полиции. Впоследствии я уехал из Балакова и с 1906 г. все время работал в Самаре. После моей женитьбы в 1907 г., в период с 1907 по 1916 г., мой революционный пыл на 90% угас, в 1917 г., когда в воздухе особенно сильно запахло революционным дымом, он во мне снова проснулся. В начале 17-го года в канцелярии полка, где я служил, или вернее в общежитии писарей, образовался тайный кружок в составе 3-х лиц А. С. Макарова, Р. П. Антипова и меня.

Работа кружка носила характер взаимной информации. Через Макарова мы доставали рабочие газеты и читали их совместно; другой работы вести было совершенно невозможно, потому что в писарьской команде было много шпионско-провокаторских личностей, а последние месяцы до Февральской Революции был установлен такой режим, что не только из казармы никуда нельзя было выходит, но должен был каждый знать только свою казарму, а в другую и зайти не смей.

Помню вечер 27 февраля. Сидели мы на нарах, вдруг дежурный вызывает Макарова. Через несколько минут он явился с посылкой, присланной ему от родственника. С этой посылкой мы получили первую радостную весточку о революции в Петрограде, об аресте министров и об отречении Николая.

От радости мы готовы были прыгать, плясать, петь как малые ребята. Вся ночь прошла без сна: приходили мысли что революцию могут смять и опять воцарится старая, темная, непроглядная ночь. Последующие дни были днями небывалого праздника. Весь режим, который был установлен в последние месяцы, сразу рухнул; солдаты почувствовали себя свободными гражданами. Трамваи теперь были переполнены ими, тогда как раньше солдаты не имели права ездить на трамваях.

Кружок организованной работы не вел, — действовали в разброд, — фактически кружка не стало. Первая наша задача была — избавиться от полкового зверя командира полка полковника Сипайло. Случай скоро представился. 4 марта все части выступали на демонстрацию, у нас же в полку не было никакого приказа. Наша небольшая группа повела дружную агитацию и через $^1/_2$ ч. весь полк уже был на улице. Солдаты ждали появления Сипайло. Среди них создалось настроение убить его как только он появится. Сипайло смекнул, вероятно, в чем дело и когда появился, то стал первым долгом извиняться, что не отдал приказа, а затем немедленно улизнул. После этого он был устранен с поста начальником бригады генералом Савичем-Заблоцким и немедленно куда-то исчез; словом, удачно избавился от расправы, которая ему грозила неминуемо.

5-го марта происходили выборы в Совет Солдатских Депутатов; я и Макаров прошли от солдат, остальные были выбраны из числа офицеров. Среди последних двое были активными членами партии: прапорщик Воронин — эсер и прапорщик Лебежинский — меньшевик. Первый состав Совета Солдатских Депутатов в подавляющем большинстве состоял из кадетов, эсеров и меньшевиков, (первые называли себя тоже эсерами). Эсеры везде, во всех частях, чувствовали себя хозяевами положения и всюду им удавалось распространить свое влияние, свой авторитет так-как крестьянина, одетого в серую шинель, привлекал дешевый лозунг «Земля и Воля». В Совете Солдатских Депутатов я сразу же примкнул к большевистской фракции, руководимой тов. Герасимовым (ныне пролетарский поэт). Наша фракция была очень бедна: насчитывала всего 5—6 человек, но при голосованиях за наши предложения голосовали некоторые солдаты. Эсеры, имея огромное влияние в полку, добились того, что через месяц избиравшие меня писарьская и хозяйственная команды полка отозвали меня из Совета под лозунгом «Надо в Совет посылать людей дельных, а то иначе проиграем революцию». По отозвании меня из Совета, писарьская команда, которая в большинстве стояла за неотзыв меня из Совета, избирает меня полковым писарем и предлагает начальству меня утвердить и провести приказом, что и было сделано. Впоследствии, приблизительно в половине апреля, тов. Герасимовым мне была дана

директива организовать группу сочувствующих и развивать более широко агитационную работу. Эта директива была в трехдневный срок выполнена и работа пошла более успешно. Один из сочувствующих был разносчиком газет и пакетов Полкового Комитета (Полковой Комитет тогда состоял целиком из эсеров), с этим газетчиком - разносчиком мы имели возможность распространять «Приволжскую Правду». В мае месяце наша агитация имела уже более сильный успех и группа сочувствующих росла. Из 6 чел. в начале организации к концу мая было уже 38 человек. В каждой части полка было 1-2-3 сочувствующих, которым мною давались определенные инструктирующие данные, получаемые мной от тов. Герасимова, а после его от'езда в Петроград, как члена ЦИК С. Р. и С. Депутатов, от тов. Васянина. Особенно ценные результаты давало чтение с раз'яснением газеты «Приволжская Правда». На-ряду с внедрением наших лозунгов и идей в ней опровергалось все эсеровское.

В июне месяце наступил уже некоторый перелом и, под давлением масс, был вновь переизбран Полковой Комитет. Для нас перевыборы дали блестящие результаты. В числе 9 чел. членов было проведено 2 лойяльно настроенных к большевикам (офицеры), один сочувствующий большевикам (офицер), который впоследствии был избран командиром полка (прапорщик Зенкевич), один эсер, прапорщик Воронин, и остальные 5 человек большевики, в том числе и я. Председателем полкового комитета удалось избрать одного лойяльного офицера (подпоручик Аминев) — человека очень скромного, застенчивого, любимого солдатами всего полка за его мягкосердечность. Я был избран секретарем полкового Комитета и был взят из канцелярии на постоянную работу в Комитет. С самого начала работ нового Комитета мне удалось всю руководящую линию забрать в свои руки.

18 июня, июльские дни, выступление Каледина на Дону, угроза Царицыну — все это были козыри для усиления нашей агитации. Первые неудачные выборы в Городскую Думу 15-го августа, которые были сорваны—в полку голосовало не менее 55—60°/₀ за список № 1, т. е. за большевиков.

Сверхчеловеческую работу вел в то время тов. Герасимов, во всех воинских частях в качестве организатора, агитатора-инструктора. Он был неутомим. Солдатская масса гарнизона видела в лице тов. Герасимова одного из самых преданных делу революции лиц; она любила этого вождя, выслушивала его на всех солдатских митингах, собраниях с большим вниманием даже тогда, когда еще шла почти целиком за эсерами. Правда, были единичные случаи когда тов. Герасимова даже стаскивали с трибуны, но это были результаты агитации эсеров на местах.

Революционизирование солдатских масс всего гарнизона в большевистском духе началось особенно заметно с июля ме-

сяца; дальше оно все более и более усиливалось и в конце августа гарнизон был на 60% большевистским. 143 полк шел впереди, в нем еще в конце августа было до 90% большевиков. Отставали 102 полк, саперы и артиллеристы.

В начале августа в полк прибыли делегаты фронтовой дивизии (не помню № этой дивизии). пополнял которую 143-й полк. Эти делегаты были пропитаны эсеровским душком; так приехав они заявили, что, дескать, приехали затем, чтобы договориться о замене их, т. е. солдаты этой дивизии должны отдохнуть прибыв в Самару, а весь состав нашего полка должен пойти на фронт, что-бы воевать до победного конца. С этими делегатами, впредь до общего собрания полка, пришлось основательно подзаняться и поработать над их психологией, что фактически и удалось. На общем собрании полка эти делегаты уже совершенно изменили свои лозунги. вместо лозунга «тыл на смену окопников» был дал другой лозунг: «долой буржуазное правительст.. долой войну. да здравствует Власть Советов». тем полковое собрание и закончилось. После собрания они прожили еще три дня, мне удалось собрать им довольно большое количество газет (пуда 3) «Приволжская Правда»: месяца за два была взята в Партклубе и «Солдатская газета» (последняя в этот момент уже была полубольшевистской газетой). Делегаты дивизии вынесли впечатление. что тыл весь большевистский и в нем революции опасность не угрожает. Впоследствии Дивизионный Комитет имел постоянную живую связь с Полковым комитетом, так как мы им посылали всегда массу газет.

Проезд через Самару в Ташкент карательной экспедиции генерала Коровиченко.

Коровиченко вероятно не думал, что в Самаре он встретит какое-либо сопротивление и задержку. На заседании Совета Солдатских Депутатов. где Коровиченко делал доклад о целях и задачах его поездки соглашательский Совет Солдатских Депутатов даже устроил ему овацию, т. ч. для Коровиченко был особенно неожиданным финал. когда ж. д. рабочие поезд дальше не пропустили до разрешения об'единенного заседания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Об'единенное заседание Совета с фабрично-заводск. комитетами и полковыми комитетами было назначено на другой день утром, после доклада Коровиченко Совет рабочих Депутатов к этому моменту уже был на 75% большевистским, полковые комитеты, за исключением 102 и саперн. полков, тоже большевистские. Об'единенное заседание длилось до 4-х часов вечера и клонилось в нашу пользу — не пропускать Коровиченко. Меньшевики и эсеры смекнули что т. о. они могут провалиться. тогда они внесли предложение прервать заседание до 7 часов вечера, это предложение им удалось провести. Вос-

пользовавшись перерывом, они устроили совещание военных и склонили большую часть делегатов солдат за пропуск. Кроме того, на вечернее заседание они привели 20 чел. крестьян, происходившего в то время (не помню какого) крестьянского совещания, и добились путем демагогии представления им решающего голоса, таким путем им удалось собрать с натяжкой небольшое большинство голосов на 25.

Некоторые товарищи из числа участников этого события в тот момент, говорили, что в пропуске генерала Коровиченко были повинны только военные делегаты, участвовашие на заседании, но я утверждаю, что это не так: голосовало за пропуск членов Совета человек 50—55 и человек 15 тоже членов Совета голосовали против. Совет Солдатских Депутат. к этому времени с нашей стороны имел всего человек 8, стало быть, наполовину растаявший; делегаты полковых комитетов из 60 чел. не менее 50 голосовали с нами за непропуск, за пропуск голосовали и некоторые безпартийные рабочие.

Перевыборы Совета Солдатских депутатов—конец августа и начало сентября.

В конце августа, в начале сентября Комитет партии дал военной секции директиву; в случае если не удастся провести на заседаниях Совета вопроса о перевыборах, то перевыборы во всех частях провести явочным порядком. Эту директиву удалось выполнить только в трех полка — 143, 130, 133, в артиллерийской бригаде и в разных командах. Во всех этих частях прошли большевики и сочувствующие им, за исключением некоторых частей артиллерийской бригады, от которых сочувствующих большевикам прошло только 6 человек, а остальные 7—8 безпартийных. 13 сентября произошло первое заседание пополненного Совета, большинство было очень и очень небольшое, голосов на 11—12.

Перед открытием заседания было устроено фракционное заседание, на котором было постановлено: 1) произвести перевыборы президиума Совета и 2) наметить кандидатов на Всероссийский С'езд Советов. Президиум решено было составить вместо 5 из 3 человек. Были избраны в состав президиума М. Герасимов, председат. Совета, и Козырьков, тов. председателя, третьего члена решено было оставить Игнатова, работавшего ранее в составе старого президиума. На Всероссийский С'езд были избраны Васянин и Тихонравов. Все это на пленуме проведено было с шумом.

По выборе меня товарищем председателя Совета, с постоянной работой в президиуме, в полку моя работа все же не прекращалась. Полк к этому моменту был целиком большевистский, правда, процентов 40 было шкурнического элемента, который шель за большевиками, чтобы скорее попасть домой.

К октябрю месяцу в полку было до 3000 человек членов партии, но имевших партбилеты было всего только 5 человек: Козырьков, Андронов, Рязанцев, Котин (брат Котина П.) и Петров. В окнце сентября и начале октября солдаты уже требовали на общих собраниях немедленного взятия власти в руки Советов и упрекали, что мы нерешительно действуем. Никакой другой агитации меньшевиков и эсеров солдаты полка не принимали. Во время вторичных и окончательных выборов в Городскую Думу полк целиком голосовал за список № 1-й. 130 и 133 полки шли почти наравне с 143 полком. В 130 полку тогда работал тов. Петровский и в 133, кажется, если не забыл, тов. Тиунов. 102 полк, где сконцентрировалось все реакционное офицерство, далеко отстал, несмотря на то, что там были сильные работники как А. Галактионов и Тихонравов (хотя оба, кажется, в полку мало находились, ввиду исполнения ими общепартийной работы по заданию Комитета Партии). Перед выборами в Городскую Думу, интернационалисты назначили собрание (предвыборное) полка; на это собрание комитет партии послал меня, Полшкова и Петровского. Доклад делал Рабинович Ф. Я. Сначала солдаты слушали внимательно, но докладчик затянул доклад слишком долго, среди солдат началось волнение, некоторые начали кричать: «довольно». После доклада Рабиновича выступил меньшевик Алексеев, который рассказывал о том, что он сидел много раз в тюрьме. Из эсеров выступил Панюшкин, которого солдаты в полку не любили, словом, неудачными выступлениями докладчиков, собрание почти было сорвано; но когда выступили с речью большевики несмотря на то, что красноречием мы не обладали, всеже сумели оживить собрание и привлеч на нашу сторону всю аудиторию. Выступать вторично меньшевикам и эсерам не удалось, им не давали говорить, а нам не дал больше говорить председатель (офицер). Когда солдаты подняли шум, требуя разрешения высказаться большевикам. Председатель, видя, что настроение в нашу пользу, устроил провокацию вызовом через другого офицера всех солдат с собрания якобы на спешный караул; потом вдруг сразу потух свет. Один солдатик нас впотьмах предупредил, чтобы шли скорее за ним, дабы офицеры не устроили такой шутки, которая могла стоить наших жизней. Мы вышли благополучно, настроение солдат нам показало, что они наши и на них вполне можно положиться. 4 саперным полком занялся сам тов. Герасимов и таковой к 20-м числам октября был также на 75% наш.

Словом, к Октябрьской Революции все части были выравнены и были готовы к бою за октябрь.

Ив. Козырьков.

Первые дни Советской власти.

В Белом доме (бывший губернаторский дом, ныне Губисполком) перед октябрем 1917 года были сосредоточены все революционные организации: К-т Народной власти. Управление Губернского Правительственного Комиссара. Совет Рабочих Депутатов. Совет Солдатских Депутатов. Такое сожительство двух последних с двумя первыми, несколько не нравилось двум первым и были, ни к чему не приведшие, попытки выжить последних из Белого Дома.

24 или 25 октября (точно не помню) в 1 ч. дня я был вызван на экстренное заседание обеих президиумов Советов в комнату, где помещается ныне кабинет начальника Управления. На заседание явились т. т. Куйбышев, Галактионов А., Коган Е. С., Масленников, Митрофанов А. Хр., Герасимов, Козырьков, Агашин и еще некоторые товарищи, фамилии которых не могу припомнить. Заседание открыл т. Куйбышев, сообщив радостную весть, что Временное Правительство свергнуто. Власть в Петрограде перешла в руки Военно-Революционного Комитета. В заключение т. Куйбышев воскликнул: «Да здравствует Советская Власть! Вперед и мы за работу!» Решили в первую очередь занять правительственный и ж. д. телеграфы. Я был послан Комиссаром на телеграф, получив тут же мандат, за подписями обоих председателей Советов. На ж. д. телеграф был послан т. Агашин.

Когда мы пред'явили свои мандаты на телеграфе, чиновники телеграфа посмотрели на нас косо и видимо сейчас же сообщили Правительственному Комиссару Волкову, о появлении на телеграфе большевистского Комиссара. Не обращая внимания на враждебное отношение чиновников, как будто не замечая его, я предложил все входящие и исходящие телеграммы давать мне на просмотр. Но, как я узнал впоследствии от т. Максякова, тогда еще только сочувствовавшего нам, все телеграммы, которые поступали из разных мест и говорили о действительном положении вещей, т. е. о том, что Временное Правительство больше не существует, что С'езд Советов открылся, что вся Власть перешла в руки Советов, что избран Совет Народных Комиссаров и проч. мне не давались, их чиновники уничтожали. Также не передавались телеграммы призывающие к контр-революционным востаниям, как напр.:

телеграмма Краснова всем казачьим атоманам Оренбургск., Уральск., Астраханск. войск, с призывом подняться немедленно и встать на защиту поруганных мятежниками прав России. Тут же Максяков открыл мне все подробности телеграфа и указал за какими аппаратами нужно больше всего наблюдать. До этого мне давали только телеграммы, шедшие от агентов Временного Правительства, примерно такого содержания: «Всерос. С'езд Советов, ввиду ухода из состава его меньшевиков, эсеров, интернационалистов и представителей др. партий, не открылся, так как не считает себя провомочными разрешать вопросы. Остались одни мятежники—большевики. Мятеж большевиков подавлен, вожди большевиков арестованы. В Москве большевики пытались поднять мятеж, но никакого сочувствия от рабочих не получили» и т. д. и т. п. Все эти телеграммы противоречили одна другой. Чувствовалось, что песенка Временного Правительства спета и утопающий хватается за соломинку.

После того, как тов. Максяковым мне были открыты тайны телеграфа, ко мне стали поступать почти все телеграммы (некоторые все же скрывались). Я все телеграммы немедленно направлял в Президиум Совета Рабочих Депутатов т. Куйбышеву. Наиболее достоверные сведения Комитетом партии и Президиумом Совета Рабочих Депутатов, получались от т.т. прибывавших в Самару из центра.

26-го октября по предложению 2-х Президиумов Советов было созвано об'единенное заседание Исполнительных Комитетов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Комитета Народной Власти, где был поставлен вопрос о переходе власти в руки Советов. Нужно отметить, что если Пленум Совета Рабочих Депутатов имел большевистское большинство, то Исполнительный Комитет Совета Солдатских Депутатов не переизбирался и имел большинство с оглашательское, а Исполком-Крестьянский был целиком эсеровский.

На этом заседании, видя что из него кроме болтовни ничего не получается, фракция большевиков заявила, что какое бы решение здесь не было принято, оно не может быть обязательным для Пленума Советов и фракция от голосования воздерживается. Было принято постановление о всемерной поддержке Временного Правительства и срочном созыве Учредительного Собрания.

После этого заседания Губернский Правительственный Комиссар набрался храбрости и на другой день явился с своим помощником поручиком Новиковым, выгонять поставленного мятежниками Комиссара. Первый вопрос мне был: «Кто Вы здесь, кто Вас поставил, Ваш мандат?» Отвечаю: «На Ваш вопрос могу ответить только, что Вы знаете кто я здесь, и кем поставлен, мандата Вам не нужно, Вы отлично знаете, что я член Президиума Совета Солдатских Депутатов».

На это помощн. Комиссара заявляет: «Именем Правительства Вы арестованы».

Я спрашиваю: «какого Правительства? которое не существует?

Новиков по военному крикнул: — «Молчать!»

Тогда я серьезно предложил им выйти и не мешать мне работать, предупреждая, что в противном случае, я вынужден буду прибегнуть к выводу их с помощью военной силы, которая имеется на лицо.

После моего заявления Волков заикаясь сказал Новикову. «Пойдем, будем говорить об этом в другом месте» «Нн-а-с-с-с-ильники...,» и ушли.

После они видимо, имели разговор с тов. Куйбышевым, потому что последний мне звонил по телефону, спрашивая, что произошло у нас с Волковым.

Дни 25, 26 и 27 были днями лихорадочной работы по подготовке исторического заседания Советов, которое было назначено на 27 октября в 6 час. вечера в театре «Триумф». Рабочие массы и солдаты, считая минуты и секунды ждали этого заседания, заранее зная и торжествуя победу пролетарской революции. В 5 часов вечера «Триумф» был переполнен. Заседание пришлось перенести в театр «Олимп» (ныне театр «Карла Маркса»). Но и громадное помещение театра «Карла Маркса» не могло вместить всю пришедшую массу. Члены Советов разместились в партере, члены фабрично-заводских Комитетов и правл. Профсоюзов в ложах, бельэтаже и на балконе и остальные товарищи заняли оставшиеся места. Заседание открылось около 8 часов вечера, вступительным словом и коротеньким докладом тов. Куйбышева. Было решено дать высказаться от каждой фракции по одному оратору (или двум точно не помню).

Первый выступил от фракции большевиков, любимый и уважаемый всеми членами партии и рабочими массами, покойный тов. Масленников, встреченный бурей аплодисментов, длившейся около 5 минут. Часовая речь тов. Масленникова, несколько раз прерывалась аплодисментами и криками: «да здравствует Сов. Власт!» Вторым выступил лидер меньшевитской организации Слоним, тоже встреченный аплодисментами, но жиденькими почти не заметными. Речь Слонима тоже прерывалась несколько раз, но не аплодисментами, а криками: «довольно, нам с лакеями не по пути» и т. п. Слоним говорил ядовито, но сдержанно, кончил речь словами: «Мы в этой авантюре не участвуем». Третьим выступил председатель, только что народившейся тогда партии левых эсеров — тов. Устинов. Речь его была за Власть Советов. Четвертым выступил Фортунатов от фракции правых эсеров, которому почти все время не давали говорить, а когда Фортунатов сказал: «Вы авантюристы», то поднялся такой шум, что председате-

лю едва удалось установить порядок. Дальше выступали председатель фракции интернационалистов Ф. Я. Рабинович ругая и оправдывая большевиков, призывавший в заключение за Сов. Власть, представитель поалейционистов Абезгауз тоже закончивший призывом за Сов. Власть; от плехановцев (парт. единства) выступал кажется, что Логинов Н. С., от бундовцев тов. Левин (ныне Уполномоченный по делам национальностей чл. РКП (б), от П. П. С. (левица) тов. Венцек (чл. РКП (б), который благодаря красоте и пылкости своей речи также все время прерывался бурей аплодисментов. Эти аплодисменты разбудили меня, вышедшего за кулисы покурить и уснувшего неожиданно для себя прямо на лавке, оп'янев от усталости (перед тем провел 5 бессонных ночей дежурства на телеграфе). От максималистов выступал В. Кузьмин.

Заседание длилось до рассвета. Резолюция о переходе власти в руки Советов в лице Революционного Комитета была принята бурной овацией, длившейся более 5 минут. Затем было приступлено к выборам Революционного Комитета; количества выбранных не помню. Вошли в Революционный Комитет представители следующих партий кроме большевиков: максималисты, интернационалисты, (последние спустя дней через 5 вышли оттуда) и поалейционисты. Персонально помню вошедших в Ревком следующих лиц: Куйбышев (предревкома), Галактионов А., Герасимов М., Митрофанов (капитан), Рабинович Ф. Я., Кузьмин П. П. и Кузьмин Василий.

После выступления фракционных ораторов, выступали представители всех воинских частей и рабочих организаций, которые все в один голос заявили о полной их готовности в любой момент по зову Соввласти встать на ее защиту от всех тех, кто позволит напасть на нее.

Работа Ревкома.

28 октября, тут-же после окончания заседания, Революционный Комитет приступил к работе, об'явив, что отныне, как в городе так и в губернии вся власть принадлежит ему, впредь до созыва Губернского с'езда Советов, на котором будут избран Губернский Исполнительный Комитет, на этом основании существовавший до ныне Комитет Народной Власти — упраздняется.

Губернским Комиссаром был назначен покойный Алексей Петрович Галактионов, которому Ревком предложил принять все дела от низложенного Комиссара Временного Правительства т. Волкова. С этого времени и начался саботаж чиновников. В первую очередь забастовали чиновники канцелярии Губернского Комиссара, за тем почта и телеграф, банковские служащие и пр.

Комиссаром финансов был назначен В. Кузьмин (максималист). В первые же дни на буржуазию была наложена кон-

трибуция или чрезвычайный революционный налог (размер суммы не помню), банки были национализированы и везде были поставлены свои комиссары.

Вскоре после перехода власти в руки Советов, забастовавшими чиновниками, руководимыми меньшевиками и эсерами, была устроена уличная демонстрация за Учредиловку. Небольшая толпа человек 300—400 ходила по улицам чуть ли не целый день с плакатами: «Да Здравствует Учредительное Собрание». В демонстрации принимали участие исключительно чиновники и группа крестьян кулаков, совета крестьянской секции. Меньшевики и эсеры полагали, что эта демонстрация будет довольно внушительная, расчитывая на мещанский элемент и проч. но оказалось, что она представляла из себя жалкую кучку неорганизованных обывателей...

Переход власти в руки Советов в Самаре обошелся совершенно без кровопролития, потому что противники не могли ничего сделать, т. к. вся вооруженная сила была на стороне Соввласти и кроме воинских частей была довольно внушительная сила Рабочей Красной Гвардии, а юнкерского училища и школы прапорщиков в Самаре не было. Зато в последствии, когда воинские части начали таять и вся контр-революция повела определенную подпольную работу — начались убийства из-за угла. Первым был убит рабочий красногвардеец (фамилию забыл, кажется Сопляков) стоявший на посту на углу Белого дома...

Вооруженная сила требовалась ежедневно и довольно внушительная. Ревком постоянно имел распоряжение о разоружении шедших с фронтов казачьих эшелонов, которые прибывали ежедневно по 2 по 3. Самара была конечным пунктом разоружения, так как другие города, не имевшие почти никаких воинских сил или имевшие их недостаточно — разоружать их не могли. Самый сильный поток с фронта начался после братания и перемирия. К этому моменту почти все воинские части в Самаре растаяли. От 130 и 133 полков не осталось и следа, а в 102 полку осталось только контр-революционное офицерство и несколько революционных солдат, да 4 Саперный полк, где Брушвит и Фортунатов, пользуясь некоторым ослаблением нашей агитации, свили себе прочное гнездо. Единственная опора Ревкома была рабочая Красная Гвардия и 143 полк. Последний имел 900 человек самых надежных бойцов. Командовал полком избранный солдатами прапорщик безпартийный, но глубоко сочувствовавший Совласти и партии большевиков. Вскоре после перехода власти в руки Советов т. Зенкович и его помощник т. Андронов (прапорщик) большевик, пришли ко мне в Президиум Совета с предложение распустить весь шкурнический элемент из полка и оставить только добровольцев. Я на это согласился и сказал: «Действуйте». В полку было об'явлено, кто желает домой, тот немедленно получает удостоверение и отправляется.

а кто желает защищать революцию тот остается. В течении трех дней работа была проделана и в полку осталось 2100—900 самых стойких бойцов. Разоружение казаков проходило быстро и решительно. Ревком давал задание мне, я, в свою очередь, телефонограммой тов. Зенкевичу, а последний, не позднее как через полчаса, был уже на станции. Через несколько минут он уже доносил, что такой-то эскадрон или полк разоружен.

Все потуги контр-революции, руководимой эсерами и меньшевиками, не увенчались успехом. В 4-м Саперном полку хотя и имелось некоторое влияние эсеровщины, но было оно в то время, далеко не полно.

Тогда контр-революционеры решили использовать другие пути. Кадетско-эсеровско-меньшевистский продовольственный Комитет руководимый меньшевиком Кабцаном, созывает крестьянский продовольственный С'езд, искуственно подобранный эсерами С'езд об'являет себя (3 или 4 непомню) Губернским Крестьянским С'ездом, где наряду с продовольственным вопросом ставятся вопросы политического характера.

Наряду с этим с'ездом, Ревком был созван Губернский с'езд Советов, причем норма представительства на этот с'езд была установлена самая мизерная: по 2 человека от каждого уезда. Задача партии была отклонить часть крестьян с'езда, а потом об'явить с'езд неправомочным и распустить. Но с самого начала этого сделать не удалось, так-как эсеры меньшевики, развив на с'езде самую дикую преступную демагогию, не давали возможности даже выступать нашим представителям. Тов. Масленникову удалось выступить только после 5—6 попыток. Он отколол небольшую часть крестьян челов. 40—50 из 400 состава. После этого Губернский с'езд Советов открылся с участьем крестьян, ушедших с крестьянского с'езда. На этом с'езде были намечены пути организации Совввласти на местах, проведение уездных с'ездов Советов и выборов на Губернский с'езд, который был назначен на Январь м-ц. Дальше постановлением Ревкома Крестьянский с'езд был распущен.

К этому моменту саботаж чиновников стал прекращаться, забастовочный комитет явился в Ревком с повинной, хотя правда, пред'явил некоторые требования, напр. уплаты содержания за время забастовки и проч. Всякие требования Ревкомом были отвергнуты и было предложено, что тот кто желает честно работать с нами и кто нам нужен и полезен может быть принят на службу вновь, а вообще все принимавшие участье в стачке считаются уволенными. Некоторое время чиновники мялись, а потом не выдержали и начали поступать по одиночке. Также было поступлено и с печатниками, которые также бастовали.

Самарский Ревком, проводя везде и всюду твердую пролетарскую политику, уничтожая всякие зачатки контреволюции, в Самаре и Губернии, в то же время часть своих сил уделил для подавления оренбургской контр-революции, которая в декабре была смята самарским и центральным отрядами Красной Гвардии. В Оренбурге была установлена Соввласть.

Взрыв Белого дома.

Белый дом в 17-м году представлял из себя Революционный штаб, где лихорадочно шла работа день и ночь. Члены Ревкома, а также члены Президиума Советов почти не выходили из здания. Внизу, в небольшой комнатке помещалась боевая дружина максималистов, которые имели тесную связь с анархистами и вместе с таковыми иногда безобразничали. Комната эта была завалена бомбами, снарядами и проч. взрывчатыми веществами. Взрыв Белого дома произошел 18 декабря (в числе возможно ошибаюсь). В момент взрыва я был дома. Услышав оглушительный шум взрыва я выбежал на улицу. Спрашиваю первого попавшегося из квартальной охраны: «Что за взрыв и где?». В ответ — «не знаю». Из расспросов узнаю что взорван Белый дом, все кто был в нем погибли. Меж тем началась оружейная и револьверная стрельба. Пули стали свистать мимо меня. Вижу,—дело не ладное. Решил бежать сейчас же через соборные сады в районную милицию, что-бы по телефону вытребовать 134 полк. Но сады уже оказались оцепленными. Солдаты схватили меня, не пускают. Спрашиваю: «кто вы, что за солдаты? По голосу солдаты меня узнали и разсказали» что уже весь полк здесь, сады все оцеплены. Быстро нашел командира полка тов. Зенковича, которому сказал,—ждите моих распоряжений. Взяв с собой одного солдата отправился к месту происшествия. Пожарная команда прибыла и тушит. Нужно было спасать уцелевшее. Даю указания через посланного со мной солдата тов. Зенкевичу часть солдат оставить в садах и задерживать всех, а остальные все сейчас же должны сделать оцепление Белого дома и охранять вытащенное имущество и документы.

На месте узнаю, что погибли только те, которые находились внизу, в комнатах, выходящих во двор, а остальные только отделались ушибами.

Через несколько дней Ревком и Президиум Советов перешли в дом Наумова. Была создана Комиссия по выяснению взрыва. Эта комиссия работала довольно продолжительное время, каковы результаты ея работы, совершенно не помню, знаю только, что предположения наши, что взрыв был устроен контр-революционерами—неверны. Взрыв произошел от неумелого обращения дружинников—максималистов с оружием, отчего погибли 5—6 человек дружинников и два солдата, приехавшие с Оренбургского фронта и ночевавшие рядом с этой

командой. Контр-революция, воспользовавшись случаем, полагала подстрелить выбегавших членов Ревкома, но сделать этого им не удалось.

Организационное строение губернского аппарата началось в конце декабря и начале января 18 г. Были созданы Губернские Комиссариаты: Военным комиссаром был т. М. Герасимов, комиссар Юстиции т. Лотов, Труда т. Сухов, Призрения Адамская, Продовольствия—Мясков, Просвещения—Тронин, Финансов—В. Кузьмин, Земледелия—Попов, Сов. Нар. Хоз. Мяги, Гавриленко и Мавринский, Здравохранения Левинтов, Почты и Телеграфа Макеяков.Как Ревком так и Комиссариаты, работу вели в большинстве случаев только в гормасштабе. Исполнительные Комитеты Советов никакой законодательной работы до 1-го января не несли. В конце декабря Губком просил образовать из двух Исполкомов один и власть в городе оставить за таковым: Советы и Исполкомы слились и к 1-му января, был избран новый президиум или Совет Городских Комиссаров, в состав которого вошли: председатель совета—т. Теплов, городск. Воен. комиссар—Игнатов, комиссар Продовольствия--Абезгауз, Мигелик комиссар милиции, Мельников--начальник гарнизона и Козырьков—комиссар секретариата. 18 января состоялось заседание Горисполкома, на котором было постановлено распустить Городскую Думу и Городскому Исполкому переселиться в Городскую Управу. 19 января это было приведено в исполнение. Члены Городской Управы во главе с городским головой Смирновым не пожелали передать дела до тех пор, пока их не попросят силой. Их желание было понятно немедленно исполнено. Ими был составлен акт, что они покинули Городскую Управу подчиняясь вооруженной силе большевиков. Дальше при Городском Исполкоме начали образовываться городские отделы: просвещения, жилищный и т. п. Впоследствии, в первых числах марта, когда председателем Горисполкома был послан тов. Масленников, был образован Комиссариат Городского Хозяйства, председателем которого был назначен я. Все отделы бывшей городской Управы были влиты в Горкомхоз.

Борьба с максимализмом.

В январе м-це состоялся Губернский С'езд, на котором и был избран Губернский Исполнительный Комитет, в числе 125 человек. В президиум сначало вошло большинство большевиков, председателем был избран т. А. П. Галактионов, но вскоре, максималисты, занимаясь все больше и больше головотяпством и склонив на свою сторону крестьян членов Губисполкома, повели решительную борьбу с большевиками. Играя на самой дешевой демагогии вроде того что мол большевики нерешительно экспроприируют буржуазию и ничего не дают из экспроприированного крестьянам, они добились

переизбрания президиума, который составили почти целиком из максималистов. Председател. был избран Дорогойченко. ныне коммунист (пролетарский поэт). В каждый Губернский Комиссариат послали по 5 чел.. а в некоторые как например, Земельный. Продовольственный и Совнархоз по 15 чел. крестьян членов Губисполкома, в качестве членов Коллегии. Впоследствии мы в Губисполкоме влияния почти не имели и максималисты проводили анархо-крестьянскую политику. Так продолжалось до открытия Оренбургско-Уральского фронта и восстания. при участьи тех же максималистов, анархистов в Самаре. После подавления этого восстания, Губком предложил в порядке партдисциплины назначенному Команд. Урал.-Оренбург. фронтом Яковлеву. от имени Центральной власти, распустить максималистской Губисполком, что и было сделано: был создан вновь Ревком, без участия максималистов.

В партработе, всю борьбу с нараставшей в Самаре контрреволюцией пришлось принять Горисполкому. Был создан штаб охраны, во главе которого стояли т. Панов. Кузьмин Иван и Бригадзе.

Штаб охраны фактически выполнял функции чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией.

Восстание в 4-м саперном полку и артиллерийской бригаде.

Эсеровско - меньшевистская контр-революция. споткнувшись на разных попытках свержения Соввласти. в феврале м-це выкидывает очередную пакость. Лидеры эсеров Брушвит и Фортунатов — свили теплое гнездышко в Саперном полку провоцируют этот полк и артиллерийскую бригаду, уверяя. что большевики хотят, якобы. разоружить эти части, как не надежные. Провокация им удается и эти части восстают. Занимая оборонительную линию они выставляют пулеметы и орудия. затем посылают в другие части делегатов с целью присоединить их к себе и общими силами свергнуть большевиков. Но в других частях сочувствия они не встречают.

В один из вечеров шла команда красноармейцев для охраны Трубочного завода. Эту команду осыпают пулями и открывают стрельбу по ней из орудий. Посылаемых представителей Горисполкома арестовывают и оставляют в качестве заложников. Только по истечении недели токого положения удается через сочувствующих Соввласти солдат полка в том числе т. Пиголева (быв. секретаря Губкома) восстановить там порядок раз'яснив солдатам, что это ничто иное. как провокация эсеров. После общего собрания солдат этих частей. которое проводил тов. А. Галактионов ими была выбрана делегация на заседание Совета. для заявления о том, что их спровоцировали и просьбы о прощении невинных и наказании зачинщиков.

В день заседания Совета, которое было посвящено обсуждению вопроса о Брестском мире—был спровоцирован 143-й полк. Солдатам сказали что т. Галактионов и т. Козырьков арестованы 4 Саперным полком. 143 полк целиком подвалил к зданию, с целью просить разрешения Совета разнести немедленно 4 Саперный полк и освободить арестованных Козырькова и Галактионова. В этот момент делегация Саперного полка делала заявление. Представители 143 полка увидев меня рассказали мне, в чем дело и, убедившись, что все улажено, возвратились обратно. Следовательно и эта попытка эсеро-меньшевикам не удалась. В дальнейшем, впредь до чехов особых серьезных попыток контр-революции не было и работа шла более или менее нормальна.

Многое кое-что упущено, перезабыто, полагаю, что другие товарищи, работавшие тогда в Самаре, припомнят, а в некоторых случаях м.-б. и исправят меня.

Ив. Козырьков.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Из воспоминаний 1918 г.

Приходу чехо-словаков в Самару радовалась буржуазия в городе и кулаки в деревне: но пролетариат города и деревни не ждал чехо-словаков, ибо знал, что вместе с собой они принесут помещиков и казачью нагайку.

Я был еще молодым коммунистом, когда услыхал о взятии Сызрани Чехами; несмотря на это, сердце мое загорелось и я, сговорившись с моими товарищами односельчанами; (села Семейкино), настроенными революционно отправился защищать гор. Самару от Чехов. Товарищи ушли в ночь, а я на утро.

Было около двух часов дня, когда я пришел в город. Иду прямо к Губкому: (Заводская 50). У дверей стоят двое часовых, не пропускают. Показал свой парт. билет пропустили. Прихожу к тов. Бешенковской, беру у нея винтовку и пр. вооружение. Через 15 минут я был готов. В вещевом мешке лежал целый каравай хлеба и дюжина банок с консервами. Направился к выходу: гляжу, мои товарищи односельчане только еще идут

« Что же вы,—говорю им—пошли еще вчера, а явились только сейчас. Ну, идем вместе, лучше скучно не будет.

Снарядили и их боевыми припасами и тронулись мы по Заводской ул. прямо к железнодорожному мосту. Дошли. Стали устраивать землянки для пулеметов, рыть окопы. На нашу работу пришли поглядеть кое-кто из буржуазии, мелкие купцы, мещане, чиновничишки. Не долго думая, мы и их заставили рыть окопы, Но они рыли с неохотой, кое-как.

Окопались мы только утром. Чехо-словаки открыли артиллерийский огонь и первый снаряд полетел на Трубочный завод. Это было в 4 часа утра, когда еще только стала заниматься заря. 2-й снаряд разбил нефтяные баки у косы Волги и затем у железной дороги, близь ж.-д. моста,—так что вся нефть вытекла. Потом неприятель открыл огонь по окопам, где мы находились. Некоторых т.т. ранило, а тех что находились в окопах убило. Шрапнели и гранаты посыпались как дождь в окопы.

Когда чехи прекращали на время стрельбу, мальчики рабочих носили нам в окопы кипятку. «На-те, товарищ! Папа маме велел поставить самовар, а мне отнести сюда к Вам чаю. Да все нельзя было прийти, очень стреляют, чорт

их подери»—разсказывает мальчик, а голос такой нежненький. Мы даем ему сахару благодарим за чай. Некоторые товарищи дали ему консервы и денег.

На другое утро назначили нас на пост у самого моста. Долиной прошли мы до места и заняли посты, по четыре часовых у каждой линии.

Наша артиллерия обстреливала неприятельское орудие, но не могла его сбить, потому что совершенно неправильно работала. Было-ли это с известной целью, или об'яснялось неумелостью, неподготовленностью наших солдат, только снаряды летели зря, не попадая в цель, нам было видно, как они падали в воду.

Пока мы занимали пост у моста, неприятельский броневик не мог пройти через мост, и. ч. мы строго следили за его движениями и как только он подходил к мосту мы открывали огонь из 4 пулеметов. Но нас сменил Уфимский отряд; солдаты этого отряда перестали караулить и полегли спать. Когда часовые и пулеметчики уснули, чехо-словаки, без особого затруднения накрыли их. Они переехали в лодках через Самарку и с тыла забрали наши посты. Между тем, мы сменившись с поста, ушли в Губком на отдых. Там мы попили чаю и разлеглись на полу. Некоторые товарищи стали было разуваться, но находившийся среди нас старый солдат сказал: «Вы ребята, обулись бы, т. к. сейчас чехо-словаки будут наступать, а мы разувшись». Товарищи обулись.

Еле успели мы это сделать, как затрещал вражеский пулемет. Наскоро схватив винтовки, мы вышли на Заводскую улицу, откуда 5-ро человек из нас послали на разведку к жел. дор. мосту. Но не успели мы дойти до Соборной улицы, как нас окружили со всех сторон и забрали в плен.

Всех нас проводили по жел. дор. в Кряж. Я избавился от расстрела только потому, что на мне была штатская одежда. На моих глазах, одного за другим, расстреливали т.т. красногвардейцев в военной одежде. Я перешел в группу к штатским и все боялся как бы товарищи, бывшие со мной вместе в кр. гвардии не выдали меня, т. к. у них была военная одежда. Скоро представился случай уйти от них. Раненых чехов навалили на вагонетку и заставили пленных катить ее по шпалам. Я не противясь стал подталкивать вагонетку, а некоторые товарищи отказывались, за что получали побои от конвоиров.

К ночи нас разогнали всех по вагонам. Я ужасно испугался этого. «Ну,—думаю,—теперь поднимут все эти вагоны на воздух, и 5 тысяч рабочих нет, как не бывало. Или прицепят паровоз и пустят все вагоны под откос, загремят наши косточки». А на утро нас выпустили из вагонов и мы все время сидели на солнышке. Потом собрали нас всех рядами, пересчитали и повели под усиленным конвоем на ст. Самара, а оттуда отправили в тюрьму. Здесь я решил, что мне все равно быть расстрелянным, и потому, когда начали снимать со всех допрос,

как попал каждый под арест и не состоял ли в Кр. Гвардии.—я отвечал смело. Комиссия была меньшевистко-буржуазной. С нами были и военно-пленные Германской войны, австрийцы. Над ними особенно жестоко издевались чехо-словаки.

Прошло 8 дней. Каждый день снимали с меня допрос. На 9-й день слышу опять вызывают. Ну,—думаю,—теперь посадят в темную повозку да расстреляют или повесят. Надзиратель кричит: «на свободу». Я не поверил сразу, но повеселел. А когда надзиратель снова сказал мне: «Ты пойдешь на свободу»;—я тут же вышел на улицу и пустился домой бегом, без оглядки.

Когда я вышел из тюрьмы, то страшно боялся, идти домой, чтобы кулаки меня не выдали обратно чехо-словакам. Но все же я пошел домой в село. Не успел я войти в свою хату как меня увидели и стали говорить: «Вот наверно много золота награбил в Красной Гвардии». А староста Мих. Маринин пригрозил, что за мной обязательно придут и отдадут чехам. Я ничего не сказал ему и стал все время скрываться в лесу или уходил в город, смотрел как чехо-словаки издеваются над рабочими. Потихоньку я вел агитацию между рабочими особенно, между солдатами. Я говорил, что Троцкий собрал 2-х миллионную армию, а у чехов последния крохи разваливаются. Я об'яснял, что чехи хотят на нас надеть ярмо, которое тянули наши деды и прадеды веками и т. п. Так было в дни чехо-словацкого нашествия.

Ив. Бучинцев.

Мои воспоминания.

Чехо-словацкий мятеж поставил на ноги Самарскую организацию. Члены партии вооружались и посылались на фронт. Через 4—5 дней определилось, что наше положение тяжелое и начали приниматься меры на случай оставления Самары. Еще раньше вывезли ценности из банка, убиралось то, чего нельзя было вывезти, начались сборы к возможному от'езду.

Имея на руках больную сестру, я не имела возможности и думать об от'езде, так-как ни взять ее с собой, ни бросить на произвол судьбы не могла.

Дня за три до занятия чехами Самары, мне, как оставшейся, было поручено сохранить знамена Губкома и некоторые вещи. Я отвезла их на дачу к своим родственникам.

Несмотря на то, что дела наши на фронте были не важны, все же в возможность занятия Самары чехами как то не верилось. Еще накануне падения Самары была надежда, что авось, удастся отбиться.

Рано утром 8 июня узнала, что на рассвете чехи ворвались в Самару. Надо было готовиться ко всяким случайностям. Знамена и другие вещи (книги, оружия) зарыла в землю. Поехала на хутор, чтобы выяснить нельзя ли туда перевезти больную сестру, да и самой надо было убраться, так как меня предупредили о неизбежности ареста.

В мое отсутствие к нам на квартиру ворвалось несколько чехов, сопровождаемых добровольцами из обывателей. На вопрос сестры, что им нужно, они заявили, что пришли расправиться с большевиками и комиссарами. Ничего не найдя, ушли.

Предупрежденная об обыске, в течение недели я скрывалась у знакомых, затем ввиду обострившейся болезни сестры, явилась домой. Снова обыск и мне было об'явлено, что я нахожусь под домашним арестом. За квартирой было установлено наблюдение очевидно в расчете, что удастся изловить товарищей, не успевших уехать во время общего отступления и оставшихся в Самаре. 22 июня после похорон сестры новый обыск и я арестована уже не домашним арестом, а с применением, в качестве «меры пресечения», ареста при арестном доме, а через пару дней меня переводят в губернскую тюрьму.

В тюрьме я встретила Адамскую, Дерябину, Авейдэ, Иванову (с. р.) и других.

Просидеть мне пришлось около месяца. Почти ежедневно кого-нибудь еще приводили к нам. Обращение было «гуманное»: при выводе на прогулку чехо-словацкий караул встречал нас скрежетом зубов и отборной бранью. Иное отношение было со стороны «народоармейцев» насильственно мобилизованных, через которых нам удалось установить связь с волей, получать письма и газеты. Это давало нам возможность быть в курсе событий.

В одну из ночей было как-то особенно тревожно: усилили караул, воспрещали подходить к окнам, с большей внимательностью относились к охране. Долго мы терялись в догадках, что все это значит, наконец, узнали, что пригнали большую партию новых арестованных и кроме того ждали налета на тюрьму с целью освобождения всех заключенных.

Постепенно самарская тюрьма была набита до пределов вместимости, а «зловредный элемент» не был еще собран целиком. Шла «разгрузка» путем расстрелов, но поступление новых шло интенсивнее и надо было вывезти часть арестованных в другие города по направлению Сибири. Скоро очередь дошла и до нас. Ночью 21 июля Адамскую, Дерябину, меня и еще одну (фамилии которой не помню) подняли и велели собирать вещи. На вопрос куда нас отправляют — ответили:—«не знаем». На такой же вопрос т. Курулов в ответ получил удар прикладом. В конторе тюрьмы мы потребовали отсрочки нашего отправления хотя бы на день, т. к. все мы были больны и не имея верхнего платья поехать не можем. Начальник тюрьмы, Климов согласился на отсрочку. По словам знавших его товарищей, Климов был известен гуманным отношением к политическим заключенным еще во времена царизма. Был начальником тюрьмы и при Советской Власти. Впоследствии уехал с чехо-учредиловцами.

Не теряя времени, со сменявшимся караулом сообщили на волю о предстоящем отправлении. Я, как и другие, просила о присылке верхнего платья и необходимого в дорогу, но вышло несколько иначе — меня выпустили, под залог внесенный т. Капрановым. В освобождении под залог Дерябиной и Адамской было отказано, так как они считались «комиссаршами». Мое освобождение было тоже непрочно, так-как уже через несколько часов снова было сделано распоряжение о моем аресте. Предупрежденная об этом, я, в течении некоторого времени, скрывалась в Самаре, а затем уехала в Бузулук. Когда выяснилось, что мое положение и здесь непрочно, выехала в Оренбург. В Оренбурге чехов почти не было и здесь хозяйничали и «наводили порядок» казаки. Многим нездоровилось от этого «порядка»: пьяные казаки безчинствовали, раз'езжая по улицам. Были случаи, когда они вламывались в кооператив-

ные лавки, требуя, что им надо. В случае отказа безпощадно избивали нагайками.

Случаи ограбления были и в Бузулуке: пьяная ватага казаков вломилась в правление кооператива, требуя денег; так как казначея не было, они забрали денежный ящик. После он был найден разбитый в лесу, конечно, уже без денег. Были неоднократно случаи насилия со стороны казаков над девушками и женщинами, шедшими из окрестных селений на базар.

Скрываясь от преследований, я время от времени вынуждена была выезжать из Бузулука; приходилось выезжать и в Самару, но не надолго, так как оставаться долго было не безопасно.

На фронте произошел уже перелом и Красная Армия занимала город за городом. Чехи вымещали свои неудачи на фронте над пленными.

В виду постоянных переездов с места на место, во время занятия Самары Красной армией, я оказалась в Бузулуке и прошло еще три недели, пока не был занят и Бузулук.

Пришлось наблюдать как происходила эвакуация: забиралось все что можно было забрать: зеркала, столы, стулья, электрические лампочки и т. п. Чего нельзя было увезти, разрушалось.

Потрепанные Красной Армией в предыдущих боях казаки под Бузулуком не оказывали сопротивления и город был сдан без боя.

Население города радостно встретило Красную Армию, избавившую его от «демократических» кошмаров чехо-эсеро-казако-учредиловщины; многие шли за семь и больше верст, чтобы встретить передовые части Красной Армии.

Так кончились кошмарные дни.

А. Панова.

Борьба с чехо—словаками.

(Из воспоминаний участника).

1918 года, в первых числах июня, нашему инженерному батальону, стоявшему в Гусарских казармах г. Самары, было приказано выступить в ночь, против наступающих на Самару чехов. Наскоро собравшись, погрузились в поезд, в числе 120 человек, и отправились со станции Самара по направлению к станции Липяги. Было очень темно. Не успел еще поезд разойтись, как на Панском переезде была брошена под наш паровоз бомба. Временная остановка и поезд продолжал путь дальше, но только без огня. На станции Кряж нас предупредили, что дальше ночью путь продолжать опасно, поэтому мы здесь простояли до зари и с рассветом вновь медленно двинулись дальше. Нам стали попадаться на-встречу отступающие единицы от Волжского моста, усталые, в грязи и как будто немые, — на вопросы они нам не отвечали, или отвечали не охотно.

Добрались до станции Липяги.

Нам было отдано распоряжение занять охрану линии и станции. Вслед за нами один за другим стали прибывать по горсточке и другие части, которые высаживались и по указанию сразу шли и занимали линию огня. Таким порядком горсточка людей заняла фронт на 5 верст, примыкая левым флангом к станции Липяги, правым к Волге.

На следующий день были вызваны добровольцы охранники, сделать набег на станцию Иващенково и захватить там два вагона. На такое дело откликнулось 20 человек. И поезд в составе 2 вагонов, понесся в Иващенково. На месте мы узнали, где находятся нужные нам вагоны. Проехали станцию, отцепили паровоз, и стали производить маневры, чтобы прицепить вагоны.

В это время против станции на полотне, появились вооруженные люди и толпа народу, загородила нам путь выезда со станции. Но мы делали свое дело и производили маневры. В это время мимо прошел молодой человек, который со слезами на глазах, на ходу передал нам, чтобы мы спасались, предлагая сбросить шинели и броситься рядом в толпу базара и с

ней смещаться; тоже самое предлагала и молила нас сделать проходящая женщина.

От толпы заграждающей нам путь, отделился человек и пошел по направлению к нам. Не дойдя до нас сажен 10 он стал кричать, чтобы мы послали двух делегатов для переговоров. Мы категорически отказались и решили умереть все вместе, не выпуская винтовок из рук. Вдруг толпа, заграждавшая нам путь, ринулась в улицу с криком: «бегут, бегут». Оказалось приехал конный раз'езд неприятеля для переговоров.

В это время мы прицепили нужные 2 вагона, и, воспользовавшись временной заминкой, двинулись полным ходом. Наши вагоны качались из стороны в сторону. Мы же с винтовками в руках были на чеку. Впереди на выходной стрелке какие то люди, в числе 4 человек, положили под стрелку бомбу и убежали за прикрытие холма. Останавливаться было поздно. Мы легли на пол вагона и отворив двери, приготовились к стрельбе, лежа ждали своей участи. И, о, чудо! Мы прошли благополучно и благополучно, добрались до места. Сердце билось, восторженное чувство заливало грудь.

В этот же день стали появляться то тут, то там неприятельские раз'езды, по которым наша линия открывала стрельбу.

24-го июня завязалась настоящая канонада. Сначала резерва не было. Все были без смены на линии огня. Затем, охраняющий линию и станцию, Липяги, Инженерный батальон из 120 человек бросили в резерв головной части правого фланга. Это было роковой ошибкой. Через час нам пришла весть, что командующий убит и станция занята чехами: это означало, что мы отрезаны от Самары. Как единственный резерв, нашего фронта, мы бросились на выручку.

При подходе к станции нас встретили огнем из засады. Мы воспользовались лесом и стали пробираться ближе к станции со стороны Самары. Из маленькой опушки леса затрещал наш пулемет по станции, это облегчило наш подход к ней. Мы с ружьями на перевес бросились на станцию по открытому месту под пулеметным огнем противника. Многие смельчаки были сразу положены на месте. Немногим удалось отступить в лес.

В числе других, под выстрелами, я ползком добрался до лесу. Только, что я поднялся, как передо мной точно из земли вырос человек, наш солдат-красноармеец.

Я спросил его: «Откуда ты».
— «С левого фланга».
— «А где у тебя винтовка»?
— «Бросил».
— «Зачем»?
— «Нас окружили. Левый фланг сбит».

При этом он мне показал рукой на бегущих людей по направлению озера. Пулемет, стрелявший до сих пор по станции и засевшим в ней чехам, в это время повернул по убегающим. Все полегли, потом двинулись и опять бежали. Лес, в котором я стоял, стал обстреливаться со всех сторон. Я бежал. Бежали все. Бегущие обстреливались. Уцелевшие от выстрелов должны были переправляться через воду. (Мне лично пришлось переплывать вплавь четыре речки, 5-ю Самарку—на пароме).

При переправе много наших товарищей утонуло. Из 120 человек нашего батальона после этого отступления осталось только 30 человек.

Неизвестно кто стрелял из пулемета, который обстреливал бегущих, но он остался на месте и кончил свою стрельбу по чехам после всех. Долго была слышна его трескотня. Должно быть он стрелял до последнего патрона.

В эту же ночь в Самаре я был в Губкоме. Ровно в 2 часа ночи раздались предательские выстрелы по городу. Прискакал вестовой и заявил, что чехи делают переправу, а потому нужны подкрепления для противодействия. Немедленно было выделено человек 20 товарищей, в число которых угодил и я.

Когда мы бежали по Заводской улице, нас обстреливали из окон и с крыш, и когда мы дошли до первой части, то с Хлебной площади нас встретили огнем. Помощь наша была запоздалой. Раздался чей то голос: «Спасайся кто как может». Пришлось спасаться... до первого призыва.

Кархалев.

Взятие Мелекесса чехо-сковацкими бандами

Когда чехословацкая банда была на расстоянии нескольких десятков верст от города Мелекесса, то учреждения эвакуировались в город Симбирск. На защиту города остались только несколько десятков красноармейцев комендантской команды. Тогда вооружились крючники города Мелекесса, но и их тоже было не очень много, так, человек, полтороста. Красные принуждены были отступить, еще до наступления чехов, на ст. Бряндино (25 верст от г. Мелекесса) и здесь стали ждать поддержки.

В это время в Мелекессе буржуазия зашевелилась. Первым делом было сделано собрание в Народном доме. Одним из вопросов, стоявших на повестке этого собрания было: «нужно вырезать семьи коммунистов». Порешили, но выполнить решение не удалось, потому, что на этом собрании, незаметно для буржуа, присуствовал представитель от отступивших крючников. Крючники г. Мелекесса являлись почти все коммунистами, и они заранее знали, что буржуазия будет принимать какие нибудь меры к их семьям, а потому и поручили быть на этом собрании одному из своих товарищей. После такого решения буржуазии этот товарищ немедленно же едет на станцию Бряндино и сообщает заговор буржуазии своим товарищам, при чем самых главных заговорщиков, он записал. Оповещенные, не долго думая, едут обратно в г. Мелекесс В'езжают незаметным образом в город и намечают план, во что бы то ни стало истребить тех буржуев, которые устроили такой заговор.

Ночью, все сколько было красноармейцев, рассыпались по линии ж. д., т. к. внезапно могли нагрянуть чехи и не дать остальным товарищам справиться с буржуями в Мелекессе. Некий тов. Рейников, начальник милиции, берет с собой несколько человек и идет в город, а остальные несколько человек остаются сторожить поезд с продуктами и т. п.

Самых главных заговорщиков—8. Из них убивают 3 человек, а одного берут с собой заложником.

В это время, с одного конца города уже вошли чехи и т. Рейников был окружен с трех сторон. Но так как у него была лошадь, то он, расправляясь в центре города с буржуями,

думал, что успеет удрать от чехов на лошади. Как только ему крикнули — «спасайся», он сейчас же сел на лошадь и во весь опор помчался на станцию, но пуля догнала и ранила его лошадь. Тогда он бросил лошадь и пустился бежать. Но когда он прибежал на станцию поезда уже не было. Крючники во главе с представителем Уездного Исполнительного Комитета, тов. Тикаловым. уехали опять на станцию Бряндино и тов. Реникову пришлось идти лесом 25 верст до ст. Бряндино.

Между прочим, когда красноармейцы разсыпались по линии, то одна часть отделилась и ушла сажень на сто к опушке леса. Ночью не было у них между собой связи, и они сочли друг друга противниками. Началась перестрелка. И с той и с другой стороны было побито несколько человек. Когда вступили в город чехи, несколько попавших в плен красноармейцев они убили. Попался им и отставший от красноармейцев военный комиссар Парадизов. Когда его чехи спросили: «кто ты такой», а он в свою очередь спросил; «а кто вы?» Потом с веселым видом крикнул: «неужели вы не узнаете меня?» Тов. Парадизов думал, что это красноармейцы и сказал: «Я Военный комиссар». Тогда чехи закричали: — «Вот тебя то нам и надо!» и тут же его расстреляли.

Много было зверств сделано чехами. Оставшаяся буржуазия на другой день сделала митинг и после молебствия изо всех церквей Мелекесса вынесли иконы и все собрались в одно место. И тут начали проклинать коммунистов и Советскую Власть.

Были организованы добровольческие отряды в Народную армию, куда добровольцы шли из буржуев и более зажиточных городских мещан. Путем пропаганды хотели затащить в добровольческий отряд и более бедных, но бедных шло мало и то только несознательный элемент. Рабочим трудно было переживать хотя и короткое существование чехословацкой банды. В Мелекесс через 2 месяца снова пришли красные. Задолго до прихода красных чехи эвакуировались, и оставались только одни казаки, которые все стреляли, ничего не подозревая. Когда красные вошли в город, то только некоторые успели удрать, а остальные остались. С нетерпением ждали рабочие красных. Когда пришли красные, то дело рабочих опять стало правым и первым.

П. Вайкин

В последние дни чехо-учредилки,

Тяжелое время переживал рабочий класс Самары в сентябре и первых числах октября 1918 года. Учредилка доживала свои последние дни, комендант города — чех Ребенда отдавал приказ за приказом об усилении репрессий за забастовки, стачки, демонстрации и проч. Рабочие с Трубочного завода то и дело арестовывались и отправлялись в чешско-учредиловский застенок в дом Курлина угол теперешней Красноармейской и Саратовской; по улицам дефилировали чешские патрули и конные раз'езды с толстыми резиновыми плетями в руках, (как у башибузуков). Учредилка и чешское командование грузно наваливались на рабочих, подгоняя их к усиленной работе на заводах, чтобы успеть своевременно закончить все военные заказы до выступления из Самары.

Рабочие Самары, наученные горьким опытом, несмотря на все эти репрессии, все же находили возможность собираться на открытые собрания для разбора и заслушания различных экономических вопросов и на подпольные. Как на тех, так и на других в первую очередь обсуждалось политическое положение России, а в частности рабочего класса в Самаре; выносились резолюции протеста против чешского засилья, против Учредилки и обсуждались меры, как оказать помощь наступающей Красной Армии, что-бы избавиться от гнусного ига Учредилки, и как помешать чехам вывезти заводское техническое оборудование.

На одном из таких собраний мне пришлось присутствовать в Монастырском поселке. Собрание обсуждало вопрос о мобилизации, об'явленной учредиловцами пред уходом из Самары. Первым на собрании выступил эсер — здоровенный детина с бычачьей шеей и начал распинаться против извергов большевиков, которые, якобы расстреливают детей, на улицах, насилуют женщин, в церкви заводят лошадей и проч., на ряду с этим начал расписывать самыми яркими лазоревыми красками полезную деятельность Учредилки за интересы рабочих, а главным образом крестьян. Но рабочим вся эта музыка надоела, они тогда уже вполне научились различать черное от белого, а поэтому докончить речи эсеру не дали и выступили с резким протестом против искажения

фактов, так что эсеру пришлось убраться по добру по здорову с собрания.

На собрании была принята резолюция ни в коем случае никакой мобилизации в своем районе не проводить и постараться и по остальным районам, делегировав на их собрания своих представителей, сорвать мобилизацию. Присутствовавшие на этом собрании, прапорщик Народной армии В—лев и бывший урядник Б—ов хотели арестовать инициаторов этого собрания в том числе и меня, но сделать им этого не удалось, потому, что все присутствовавшие на собрании рабочие, а особенно женщины, заявили, что если только будет произведен арест, то от их домов не останется камня на камне. Имея от роду трусливые душонки они перепугались угроз и быстро скрылись.

Через два дня после собрания загудела кононада из-за Самарки, зашумели поезда увозящие из Самары учредилку в об'ятия Колчака и Самара очистилась от чешского засилья.

Красные войска вступили в Самару, где часть их осталась для ловли шпионов чешско - учредиловского царствования, а остальная армия пошла догонять улепетывавшую Учредилку.

Баранов.

Чехо-словаки.

Во время наступления чехов на Самару, Губернским Комитетом партии были приняты все меры для защиты города; все члены партии взяли на себя ту или иную обязанность, которую в силах были нести. Я сочла своим долгом вступить в добровольческий санитарный отряд, т. к. весь беспартийный медперсонал отказался идти на фронт, да его особенно и не принуждали, потому что вряд ли можно было помогать рабочему будучи его врагом. Нас, записавшихся коммунисток, обучали всего один день.

Все рабочие организации с большим жаром готовились защищать свой город. Некоторые из них никогда раньше не держали в руках винтовку, тем не менее все бодро шли защищать дорогую рабочему сердцу Революцию.

Помню собрание союза строительных рабочих, членом которого был мой отец. Когда был поднят вопрос о защите Самары, рабочие, все, как один, подняли руки за резолюцию— «защищать до последней капли крови» и действительно поехали на фронт. Я в то время работала в пошивочной мастерской при заводском комитете, который об'единял рабочих кожевников и пошивочников. Все рабочие, как кожевники, так и пошивочники были за выступление против чехо-словаков. Словом, вся рабочая масса стояла на защите Совввласти.

Революционного энтузиазма было много, но не было комсостава. Сформированные комотряды были отправлены на ст. Безенчуг, на первые позиционные линии. Оказалось, что на линии нет окопов, пришлось рыть их под градом пуль, При первом появлении наших на ст. Безенчуг, чехи сразу начали обстрел Раненых было очень много, пришлось перевязывать их под пулями. Положение было критическое. Внезапно обнаружилось, что патронов больше нет, подвоз со стороны станции прекратился, а также нет санитарного автомобиля для перевозки раненых. Повидимому, враги знали это и тут же начали наступать с правого фланга, отступая с левого, и таким образом захватили санитарный поезд и все снаряжение. Мы попали под перекрестный огонь. До ст. Безенчуг было 15 верст, но прямо отступать было невозможно и нам и, в панике, стали отступать окружным путем, делая 25 верст. Враги преследовали.

Когда дошли до ст., оказалось, что ни штаба, ни начальника штаба нет. На ст. произошел ожесточенный бой, в котором,—увы!—мы были разбиты на голову, потому что на 500 ч. наших, измученных беспорядочным отступлением, наседало не менее 8 тысяч чехов, хорошо вооруженных, ободренных скорой победой. Ужасна была картина бегства, разбитых на голову наших, особенно тех, которые не успевали попасть на от'езжающие эшелоны.

Второй раз участвовать в бою мне пришлось под станцией Липяги. Разгромленные коммунистические отряды были пополнены вновь приехавшими рабочими отрядами из Уфы, Симбирска и т. п. Но и под Липягами мы были разбиты более многочисленным и лучше вооруженным противником. Вначале мы крепко держались на линии, не отступая, а тут вдруг сразу захвачена была станция, а вместе с ней и санитарные поезда, переполненные ранеными. Началась жестокая расправа. Кровь лилась рекой. Чехи никого не щадили, даже женщин. Способ остатся живым был единственный — это притвориться мертвым. Нам пришлось отступать околицей, через реку и озера в которых гибли сотни наших товарищей. Особенно много утонуло в озере Свинуха и реке Татьянка.

У реки Самарки необычайное геройство проявила одна женщина (фамилию ея не знаю) — коммунистка. Застигнутая врагами, она не сдавалась до тех пор, пока не разбросала все ручные бомбы, находившееся у нея и убила ими 15 чехов. Она была зарублена шашками.

Через несколько дней была взята и Самара. Последним взят был клуб коммунистов по Заводской № 50, который сдался в 7 часов утра, а в город чехи вошли еще в 3 часа ночи. Некоторых, находившихся в клубе, расстреляли тут же на месте, других отправили в тюрьму. Санитарный отряд заставили собирать по улицам раненых в течении 3-х дней.

Первые дни после захвата чехословаками власти, в городе царила кровавая расправа с коммунистами и рабочими. Неделю спустя, когда немного затихло, я приступила к своей обыденной работе в пошивочной мастерской. От нас стали требовать, чтобы рабочие спешно начали готовить обмундирование для Белой армии. На общем собрании рабочих по этому поводу поднялась буря; кричали все: «долой Учредилку». Пришлось собрание закрыть. Среди работавших в мастерских, из 400 человек, половина было женщин. Работницы в этом вопросе были за одно с товарищами рабочими. От предзавкома и членов завкома потребовали признания Учред. Собрания. Как предзавком, так и члены его отказались. На следующий день после собрания был арестован предзавком, а потом и весь состав Завкома, в том, числе и я Обвинив нас в большевизме и агитации среди рабочих против Учредительного Собрания, отправили всех к знаменитому чешскому коменданту Ребенда.

Тут чехи выявили свое лицо неприкрытым. С истинным жаром «демократов», они издевались над рабочими. Нас заперли внизу в подвале дома Наумова, где на стенах краснела еще свежая кровь убитых арестантов. Сидели и ждали своей участи. Новые партии арестованных чехи встречали новыми издевательствами и насмешками. Через два дня нас отправили в тюрьму. Каждую ночь выводили арестованных по 100 и больше человек на расстрел. Известия об этом мы получали от надзирательниц тюрьмы. Через них же держали мы связь с волей, и, таким путем, знали о происходящих событиях и о работе подпольного комитета. Надзирательницы-же передавали нам в камеры брошюры и книжки политического содержания.

В свободные часы, во время прогулок, т. Дерябина и Адамская вели политработу (воспитательную) среди заключенных коммунистов, а также через решетку среди уголовных, особенно когда была на дежурстве надзирательница, передававшая нам вести с воли. Все арестованные хорошо знали и уважали тов. Дерябину за ея скромность и откровенность, и постоянную работу. Помню ея слова: «Если нас заставили здесь сидеть, так надо использовать это время для своего воспитания и обучения, что-бы оно не пропало даром».

Но не долго царствовали чехи в Самаре. Доблестная Красная армия брала обратно город за городом. Заключенные с нетерпением ждали, что, вот вот, возьмут и Самару. С радостью прислушивались мы к грозным звукам кононады.

Вечером 5-го октября, в 5 часов вечера раздалась по тюрьме команда, чтобы заключенные собирались на этап в Сибирь.

«В Сибирь, когда берут Самару»—Для заключенныш это было ужасно. В царившей раньше тишине раздались крики, плач, стоны. Отправили всех на вокзал, где загнали в скотские неубранные вагоны (раньше там ночевали лошади) по 70 человек в 1 вагон, т. что сидеть было негде. Вагоны запломбировали и 6-го, когда красные находились в 10 верстах от Самары, эшелон был отправлен по Уфимской жел. дор. До Уфы, т. е. 5 суток, нас никуда не выпускали; ехали запломбированные без пищи и питья. На вагонах были расставлены пулеметы и когда арестованные пытались открыть окно, прося кусок хлеба, часовые стреляли прямо в крышу.

Первая остановка была в Уфе. Погнали заключенных обедать на ст. Не успели некоторые проглотить куска хлеба, как опять погнали всех обратно в вагоны, т. к. пришла весть, что красные находятся в 10 верстах от ст. Когда чехи почуяли, что красные забирают понемногу всю полосу железной дороги, они начали на каждом раз'езде вызывать ответственных членов РКП и расстреливать их. Увидя такую дикую расправу, некоторые из заключенных постарались через окно бежать из вагонов, за что поплатились товарищи остав-

шиеся в вагонах, которых офицеры расстреливали всех на месте. Потом был издан приказ, расстреливать за одного бежавщего, прежде всего старшего по вагону, и затем каждого 10 из заключенных.

Так начались расстрелы на каждом раз'езде, не менее 25—50 человек. Вагон, где находились женщины был дырявый и мы с ужасом смотрели на тиранию чехов. При расстрелах со стороны погибающих товарищей слышались проклятия по адресу врагов, так помню один сказал: «Мы умрем, но знайте, придет и Вам конец, за нас отомстят». Тихо стало в нашем вагоне после этих слов. Наши запели вполголоса похоронный марш, а некоторые религиозные уголовные женщины молились. Так было почти каждый день.

Обращение с заключенными особенно товарищами мужчинами было невыносимое. На свежий воздух их не выпускали. Для выполнения естественных потребностей были вырублены дыры в полу вагонов. Когда в Сибири холод достиг 30°, вагоны все таки не отапливались.

Белые офицеры отобрали у заключенных всю хорошую одежду и сколько нибудь ценные вещи и взамен дали рвань, еле державшуюся на плечах. Есть давали ¼ фунта хлеба в день, без воды и приварка. Если измученные, изголодавшиеся заключенные обращались на станциях к публике за подаянием «Христа ради», то в ответ на это пьяные белые офицеры, входя в вагон с шашками и револьверами, резали, колотили, били, как попало и кого попало. После месяца подобного заключения нельзя было узнать ни одного из знакомых товарищей. Все были похожи больше на мертвецов, чем на живых людей.

С женщинами было два вагона. Из них политических было 15 человек, остальные уголовные. Подобно тому как над мужчинами, над женщинами тоже издевались. Началось с уголовных, по приказу, над политическими не имели права. Когда услышали про это т. т. мужчины, то сговорились с ближним вагоном женщин, что если к вагону приблизятся пьяные офицеры, их известять об этом определенным стуком. Однажды ночью совсем пьяные офицеры являются в вагон к женщинам и вытребывают несколько из них, яко-бы на допрос. По знаку, данному женщинами, в ближайшем вагоне поднялась буря протеста т. т. мужчин, против издевательства над женщинами. Ночной расправы на этот раз не было, зато явился комендант эшелона—чех, и приказал выдать зачинщика бунта. Выдать отказались. Тогда послышалась команда «расстрелять весь эшелон пулеметом». Тогда с первого вагона один товарищ об'явил себя зачинщиком бунта. Он тут же был взят из вагона и поведен на расстрел. Перед смертью он сказал, обращаясь к тов. мужчинам: «Будьте Вы стойки, оставшиеся мужчины, защищайте беззащитных женщин, как я нынешним днем!» Это были последния слова, — послышался

выстрел и так погиб человек, восставший на защиту женщин, против насилий пьяных офицеров Белой гвардии.

Но эта смерть, как будто разожгла еще больше белогвардейскую свору. Офицеры стали чаще заходить в пьяном виде в вагоны к женщинам, издеваясь над одними, в присутствии других. Потом был издан приказ не подходить к вагонам женщин, но этот приказ почему то не выполнялся и все женщины, за немногим исключением, потерпели над собой издевательства офицеров.

Приблизились к гор. Харбину. Наш эшелон нигде не принимали боясь его как заразы, считая что он везет с собой «коммунистические идеи». На станциях уже начали вытаскивать из вагонов — мертвых, не вытерпевших издевательств и голода. Рабочие эшелон встречали с глубоким сочувствием к страждущим заключенным. Жертвовали в пользу их, кто сколько мог. Иногда целые организации передавали начальнику эшелона, подарки для заключенных, но мы их, конечно, не получали. Иногда мы получали от рабочих подпольщиков записки о происходящих событиях, о подпольной работе в Сибири. Записки передавали через караул.

На ст. Тайга рабочие хотели освободить наш эшелон, но шпионы во время оповестили белогвардейцев, и не успел эшелон подойти к ст. Тайга, как был дан звонок и он без остановки двинулся дальше.

Два месяца спустя.

Это было уже 2 месяца спустя с начала нашего путешествия. Мы женщины обратились с просьбой к коменданту эшелона, что-бы он разрешил заключенным женщинам подавать остальным арестантам в вагон воды; а так же, так как среди женщин находилась женщина врач, обратились с просьбой разрешить ей давать помощь умиравшим рабочим. С большими усилиями разрешение мы получили. Когда в первый раз мы пошли по вагонам раздавать воду, то от того, что мы увидели в вагонах, волосы у нас стали дыбом. Больные, умершие и полумертвые лежали в повалку на голом полу в мусоре, оставшемся после лошадей, и накопленном после 2-х месячной жизни несчастных заключенных. В вагоне не было живых людей, лишь были живые мертвецы. При помощи санитарок и доктора удалось помочь только некоторым, умирающим от тифа и голода, помощи дать не могли, и. ч. имели только перевязочный материал.

На одной из станций, кто то из народа, при виде ужасов творящихся в нашем эшелоне назвал его «эшелоном смерти» и это название закрепилось за ним, т. ч. когда мы приближались к стан., там уже заранее знали, что скоро прибудет «эшелон смерти». Он стоял на станции не более 5—10 минут, пока успевали сбросить мертвых с вагонов. Таким образом про-

должался ужасный путь «эшелона смерти» почти безостановочно, все дальше и дальше на восток.

Доехали до Никольска-Уссурийска, близ Владивостока, где впереди нас стояли еще 5 эшелонов. Здесь произошла остановка, причиной которой, как выяснилось после, была рабочая забастовка. Рабочие освободили нас арестованных. Встреча была трогательная и крайне организованная. Были уже подготовлены обеды, собрана одежда. По просьбе Американского Красного Креста, увидевшего весь ужас, в котором находились заключенные нас перевели в другой эшелон. Арестованные были в первый раз за три месяца в бане и одеты в чистое белье, данное Американским Красным Крестом. Появились заметки в газетах, в которых описывалось зверское обращение с заключенными со стороны белогвардейцев. Даже местная власть приходила в ужас от тех проделок, что творили с нами ея сообщники. Но, понятно, что этот ужас буржуазной власти, не был искренен.

Между тем газетные заметки сделали свое дело. Рабочие заволновались. Однажды, на большой площади перед вокзалом собралась громадная толпа, которая открыто стала протестовать против зверства белогвардейцев, учиненных над заключенными. В проходящих офицеров бросали камни. На нелегальном собрании было постановлено освободить заключенных, но белогвардейцы были во время извещены и эшелон был отправлен в обратный путь по направлению к Иркутску.

В Иркутске губернатор дал приказ отправить всех заключенных в Александровскую тюрьму. В тюрьме оказалось, что от уведенных из Самары 2500 чел., осталось только 725 челов. Так кончилась ужасная дорога залитая кровью погибших рабочих.

Вечная память погибшим за освобождение пролетариата!

Из Иркутской тюрьмы меня освободили и отправили в Омск, где я вторично была арестована, но в тюрьму не заключена, а только оставлена под надзором. В Омске происходил ряд арестов в связи с восстанием против власти.

Когда в 1919 году в ноябре месяце Красная армия приближалась к Омску, и когда Колчаковской своре грозила опасность, начались насилия над рабочими и первым долгом над заключенными в трьме. Их раздевали до нага и связывали по 5 человек и во время 30° мороза вели на улицу, подгоняя казацкими нагайками до назначенного места, где и зарубали шашками.

Во вторую очередь для кровавой расправы были назначены все те рабочие, которые хотя и не были заключены, но были записаны на черную доску. Но сделать этого им не удалось, ввиду того что слишком скоро подвигалась Красная

армия. Омск был взят 14 ноября 1919 года. Вскоре Красное знамя развевалось и над всей остальной Сибирью, в борьбе за освобождение которой сложили свои головы много рабочих и крестьян.

Вечная память погибшим в борьбе за освобождение рабочего класса! На смену вам идут все новые и новые стройные ряды рабочих всего мира.

Очевидец—отрправленная с арестованными из г. Самары. в Сибирь с „эшелоном смерти" член РКП (б)
Биргель.

ИЗ ИСТОРИИ Р. К. С. М.

Возникновение пролетарского юношеского движения в Самаре.

Честь создания организации молодежи, в 1917 году близкой, к большевикам теперь организованной в ряды РКСМ, нужно отдать группе учеников фельдшерской школы и 1-го Реального училища.

Первые находились тогда под влиянием старой партийной работницы - учительницы Марии Оскаровны Авейде, а вторые преподавателя Реального училища Владимира Аркадьевича Тронина, работающего теперь в ЦКРКП (б).

М. О. Авейде, Самарская пролетарская молодежь не забудет за ее горячее участие в первой работе революционной молодежи.

Она была арестована чехо-эсеровской контр-революционной разведкой во время царствования учредилки в Самаре в 1918 году и увезена, при отступлении в Сибирь, где была расстреляна колчаковской охранкой.

В Самаре в 1917 году, до и после Октябрьской Революции, существовал ряд юношеских, по преимуществу, учащихся организаций, ведущих культпросветительную работу среди своих членов, не имевших яркой политической окраски.

Правда, летом 17 года был создан в Самаре Союз социалистической молодежи, в состав которого, чуть не все 100%, входили учащиеся, но он был не долговечен. Причинами его развала служили разногласия между его членами: часть, кажется во главе с Хорьковым, ушла к кадетам, часть ушла к эсерам, где организовала союз эсеровской молодежи, и часть с Я. Гельманом, учеником реального училища, очень небольшая, всего в несколько человек (Я. Гельман, Кулак, Поливник и др.) составили ядро большевитствующей молодежи. Но эта группа, с момента распада социалистической молодежи (август) до момента организации большевистской молодежи (октябрь 17 г.) не работала.

Незадолго до Октябрьской революции, мы ученики Реального училища, Громов, Поливник и Шнейдер (Гельман уже тогда ушел на Совет. работу) беседовали с Владимиром Аркадьевичем Трониным о работе среди молодежи не только

учащейся, но и рабочей и организации таковой. Он по этому вопросу предложил нам пойти и переговорить с членом партии большевиков Тройниной, у которой мы и познакомились впервые с М. О. Авейде.

Вначале наша группа, а также т. Тройнина и т. Авейде предполагали, (первые два-три дня), что мы организуем только учащуюся молодежь, и сначала пока не окрепнем только в стенах своего училища, с целью расслоения учащихся, но затем задачи организации союза мы развили шире с привлечением в него большего количества рабочей молодежи и работы среди нее.

М. О. Авейде нам для этого предложила об'единиться с большевистской молодежью, посещавшей тогда клуб большевиков.

Мы, Поливник, Шнейдер и Громов и направились в клуб, помещавшийся тогда в одной маленькой комнате на улице Л.-Толстого, где и познакомились с другой группой молодежи, по преимуществу учениками фельдшерской школы.

Было созвано организационное собрание, на котором было решено слить всю революционную молодежь в группу, которая имела тогда громкое название: «Агитаторская группа».

Цели и задачи этой «Агитаторской группы» тогда определялись в следующем: 1) организация вокруг группы всей революционной, главным образом, рабочей молодежи, 2) политическое воспитание членов группы и 3) конечная и главная цель — выпустить агитаторов для работы среди молодежи.

В эту «Агитаторскую группу» входили тогда: Яша Длуголенский (растрелянный чехами при занятии Самары), Гарькин, Гаврилин (или как мы его тогда звали «отче Гавриле»), Язгур Хатька, сестры Мерзловы, их брат Мерзлов А., сестры Козловы, Козлов А., Жоголев А., Малов И., Шнейдер, Поливник, Громов, Судзиловский (вначале) и 2—3 из молодых товарищей-рабочих, фамилий коих сейчас не помним, всего около 20 человек.

Так началась организация в Самаре Коммунистической Молодежи, что было, кажется, дня за два, за три до Октябрьской Революции, значит приблизительно 3—4 ноября 1917 г.

Начали заниматься. Несколько раз собирались в клубе на улице Л.-Толстого и затем после перевода клуба на Заводскую нам была представлена отдельная комната, где мы и занимались под руководством М. О. Авейде и тов. Митрофанова (теперь работает в Н. К. З.).

У всех членов «Агитаторской группы» имелись членские билеты, в которых говорилось, что «Предьявитель сего является членом «Агитаторской группы» молодежи при Самарской организации Р.С.-Д.Р.П. (б) — интернационалистов».

В момент Октябрьской Революции, когда все чиновники и вместе с ними наши педагоги Реального училища устроили

забастовку - протест против захвата власти «варварами - большевиками», Владимиром Аркадьевичем Трониным, назначенным тогда Комиссаром Просвещения, было созвано общее собрание учеников Реального училища совместно с педагогами, где он призывал как одних, так и других продолжать занятия в училище и вместе с Сов. Властью бороться за создание новой жизни и, в частности, новой школы. На это последовал отказ. Тогда Трониным было дано распоряжение об опечатании училища. Наша (Поливкин, Громов, Гельман и Шнейдер) роль свелась к тому, чтобы мы сбегали за милиционерами, которых мы поставили у входа в училище и кабинет директора, сами опечатали кабинет директора и канцелярию училища. Тогда мы себя чувствовали также участниками Октябрьской Революции.

Между тем, занятия в «Агитаторской группе» шли своим чередом. При группе был организован хоровой кружок, под руководством члена партии Гонина, предпологалось организовать драматический кружок. Весь период от Октябрьской Революции до прихода чехо-словаков, был неспокоен, в силу чего почти все товарищи из группы посещали дежурства в Красной Гвардии. Многие из нашей группы потом участвовали в походах против банд атамана Дутова. Несколько раз партия пользовалась членами группы, посылая их для выступления на рабочие собрания и митинги. Продолжали мы заниматься в «Агитаторской группе» вплоть до восстания в Самаре анархо-максималистов, т. е. до мая месяца 1918 г.

Когда было очевидно, что ожидается выступление анархо-максималистов, при партии была организована партийная дружина и все члены были переведены на казарменное положение. Наша группа почти целиком вступила в дружину и наравне со всеми несла обязанности дружинников.

К этому времени группа значительно возрасла. В нее вступили: Булышев Александр, два брата Андреевы — Сергей и Борис, Галкин Иосиф, или как его все звали «Еська», Сучков (беспартийный рабочий), Никифорова Антонина (беспартийная), два брата Матякины — Григорий и Николай и сестра Матякиных.

Занятия в группе само-собой прекратились и долго не возобновлялись, ибо вскоре после ликвидации анархо-максималистского выступления было выступление чехо-словаков в Пензе и Сибири и партийная дружина не была распущена, а оставалась на казарменном положении.

Во время наступления чехов на Самару многие члены группы приняли участие в защите города.

Во время эсеро-чешского владычества в Самаре с июня по октября 1918 г. молодежь принимала посильное участье в подпольной работе партии.

Началось это со «штанов». Дня два, три спустя, как чехи заняли Самару, к Громову пришли члены партии: Катя Куликова и Бася Василевская и предложили ему помочь им найти как можно больше штатской одежды, главным образом брюк, для одного отряда красных, который скрывался где-то в лесу за дачами. К этой работе привлекли Поливника и еще кого-то из ребят.

После этого, молодежь принимала большое участие в помощи красноармейцев и коммунистов, которые уехали из Самары с Красными войсками. Некоторую работу молодежь несла и в подпольной разведке и по укреплению связи с Совроссией.

Особенно отличился тогда Еська Галкин: чуть не три раза переправлялся он к красным из Самары в Симбирск и однажды шел оттуда пешком.

Чешская контр-разведка во время облавы на столовую «Бунда» едва не арестовала там Поливник, но его спасло удостоверение из училища.

Особенно деятельное участие в подпольной партработе в то время принимали товарищи: Галкин Еська, Поливник, Громов, сестры Козловы, Жоголев (только вначале), Гаркин и др. Последний организовал в одном из сел отряд из крестьян и весьма частенько и здорово тревожил народоармейцев и чехов.

С первого же момента прихода Красных войск мы, т. е. Поливник, Громов и Шнейдер были в клубе (Заводская, 50).

Первый месяц после прихода красных вся работа молодежи, собственно только небольшой части из агитаторской группы, выразилась в участии организации нового партийного клуба (Советская 100), совместно с Марусей Бешенковской. Приблизительно в то же время по просьбе тов. Тронина, мы трое стали работать у него в Комиссариате Просвещения (теперь Губнароб) по конфискации культурных и исторических ценностей у бежавшей буржуазии.

В один из вечеров, когда, как обыкновенно, мы собирались в клубе, приходит к нам Костя Левитин (был членом парткома в подпольной организации во время чехов) и говорит, что Губком партии предлагает нам молодежи, организоваться в Союз, по примеру Питера и Москвы. Кстати тут приехал один товарищ из Москвы с литературой по вопросу об организации молодежи, некто Циля Лейтейзен (Линдова). В начале предполагалось, что при Губкоме это будет вроде отдела по работе среди молодежи, как сейчас Женотдел. Недолго думая мы стали проводить запись в этот союз желающих, а некоторых записали не спросив их самих. Записали — значит и ходи к нам.

Первое время записано было кажется 25 человек. Нами был вывешен в клубе партии подписной лист, где каждый

член партии до 21—22 лет должен был записать свою фамилию для участия в нашей новой работе.

На другой же день созываем собрание записанных, где и выбираем организационное Бюро или Комитет, для дальнейшей работы, куда вошли: Поливник, Громов, Катя Милонова, Шнейдер, Лейтензен и Левитин Костя.

Между членами этого Бюро Комитета были распределены обязанности, так Громову и Милоновой досталась хозяйственная сторона оборудования клуба и другие, должны были достать помещение для клуба и т. д.

Через два, три дня клуб был готов.

Мы все стали себя чувствовать настоящими людьми, у которых тоже имеется свой клуб, своя организация и т. п.

14 декабря созываем митинг молодежи всего города Самары в театре Триумф, где выступали Линдов, Куйбышев и один из молодежи, кажется Белов Петр. На этом митинге призывалась вся молодежь (рабочая) идти в ряды РКСМ и тут же была открыта запись. Записалось несколько человек. Несколько дней спустя созываем общее собрание членов РКСМ тогда их насчитывалось до 65—75 человек.

Помню у всех веселые лица, каждый чувствует себя большим человеком. Открывает собрание Костя Левитин, выбираем президиум и, с места в карьер, начинаем разрешать вопросы, стоящие перед нами. Их много и они очень важны, но это нас не смущает, мы знаем, что с нами наши взрослые товарищи, вся партия коммунистов, которые заявили нам, что будут всеми силами помогать нам в нашей новой и трудной работе. Тут же было выделено несколько товарищей на заводы и фабрики Самары для проведения митингов среди молодежи. Нас, молодежь, не везде и не всегда хорошо встречали, даже некоторые члены РКП (б), благодаря своей неподготовленности и незнанию наших задач. Но нас ничто не смущало и мы спокойно продолжали свое дело.

Был однажды такой случай: Одна мать привела свою дочь девушку записать к нам в союз, фамилии этой девушки сейчас не помним.

Но вот настал день, долго-жданный день, открытия клуба. Зал полон гостей. Тут и Губком партии, почти весь, тут Губревком, Губнароб и представители Красной Армии.

Гремит оркестр Духовой музыки.

Настроение у всех приподнятое, праздничное.... На другой день был избран Городской Комитет Союза, куда вошли председателем Левитин К., секретарем Поливник и членами: Громов, Шнейдер, Лейтензен и др. которые и начали подготовлять работу к созыву Городской, а затем Губернской Конференции Союза.

К. Громов. Л. Поливник.

Из истории самарской организации РКСМ 2-го района июнь 1919 года.

В 1919 г. наша единая Самарская организация РКСМ уже не могла охватить и удовлетворить требования молодежи всего города. Поэтому возникают один за другим в разных частях города районы, которые с осени 19 г. начинают жить самостоятельно.

2-й район возник при участии 3 товарищей: Ильина С., Ильина Е., Галкина Б. Эти товарищи взялись собрать старых членов вместе, что вскоре им и удалось сделать. К декабрю 19 г. у нас уже было до 100 членов и было сорганизовано несколько ячеек; так при медно-слесарных мастерских, при заводе № 2, при черепичных мастерских и при клубе подростков.

Тогда было жаркое время. Не проходило ни одного дня без митинга или собрания, на которых 2-й район РКСМ обязательно фигурировал. Приобретение инвентаря было одной из больших задач комсомольцев; тащили из 3-го райкома РКП, и, главным образом, у Губкома РКСМ. Все мы держали себя задорно, ходили с папками, выдерживая большие наступления за приобретение своих прав. После окончательного сформирования работа союза двигалась в соответствии с развертывающимися событиями исторической борьбы пролетариата.

Массовый приток членов в союз наблюдается в период отступления Колчака,— пополняют поредевшие, с уходом т. т. на фронт, ряды РКСМ. В связи с этим развертывается и политработа. Самый распространенный метод занятий — кружковщина.

Много сделано в этот период по экономическим вопросам: так организована молодежь в предприятиях, проводится 6-ти часовой рабочий день. Для выяснения физиономии молодежи района созывается беспартийная конференция. Выяснилось, что самая реакционная молодежь — это учащиеся, главным образом, фельдшерской школы, где нам с трудом удалось провести собрания для выборов делегатов. Постановления конференции очень ценны, они суммируют то, что сделано для молодежи и что надо было для нея делать тогда в экономическом и идеологическом отношении.

В период Деникина много наших товарищей уезжает на фронт, не мало товарищей было отправлено в партшколы, на комкурсы, а также на советсую и партийную работу. Зе неименнем работников союз как будто замирает на время. Все же работа идет. Время несется с быстротой молнии и союз меняет свои формы, методы, работы и работников.

Все серьезней становится наша союзная работа. Период польской войны уносит лучшие силы района, почти весь наш Комитет РКСМ целиком и ряд членов.

Среди них вспоминаются молодой, добродушный, хороший и сознательный товарищ Мелехин, высокий худощавый т. Пех, маленький юркий Юсфин, серьезный секретарь комитета т. Чумаченко, веселый, молодой, жизнерадостный т. Егунов, т. Ильин Е., т. Старшева и много др., всех не перечтешь.

Работа союза встала. Только получаем письма от тов. с фронта и с замиранием сердца их читаем.

По окончании польской войны вернулись товарищи с фронта, но большая часть из них не вернулась; взамен их в организацию влились новые члены и вновь работа окрепла.

О. Ильин.

БОРЦЫ ЗА КОММУНИЗМ.

К биографии В. П. Арцыбушева.

В. П. Арцыбушев родился в 1857 г. в Курской губ., в имении своего отца—помещика, где и провел первые годы детства. Впоследствии он был родителями отдан в Курскую военную гимназию.

По окончании гимназии, юношей 17 лет, он вступает в революционную организацию. С этого момента до последних дней своей жизни он работает как революционер. Никакие невзгоды личной судьбы, никакие препятствия не останавливают его.

Любимым изречением Василия Петровича было изречение, помещенное в одном из предисловий Маркса к «Капиталу»—«Следуй своему пути и пусть люди говорят, что хотят». И он следовал пути социализма, и никакие силы ни на минуту не могли заставить его сойти с этого пути—шел по нему без колебаний, сомнений, с верой в будущее своих идей.

Для В. П. социализм был не только идеалом далекого будущего, из учения социализма он черпал нравственные правила для жизни обыденной. Насколько возможно, в условиях настоящего, быть человеком будущего—он был им.

После смерти отца он получил в наследство часть его поместья—землю, которую он передал крестьянам, бывшим крепостным своего отца.

На первых шагах своей революционной деятельности он был народником. Переодевшись в костюм рабочего, с инструментом плотника, в лаптях, с котомкою за плечами, он отправлялся в народ и там вел социалистическую пропаганду.

В этот период своей деятельности он познакомился с Заичневским, имя которого известно в революционной истории России. Вскоре они стали близкими друзьями, и по их почину стала издаваться революционная газета «Молодая Россия». Затем его арестовывают и ссылают в Якутскую область, на крайний север к Ледовитому океану, в гор. Верхоянск.

Там, в числе других товарищей, с ним в ссылке был также писател Серошевский, в сочинении которого можно найти описание жизни ссыльных в этих далеких сибирских гибельных углах.

Изгнанникам, посвятившим себя идеям социализма, тяжело жилось вдали от людей, среди полудиких якутов. Они решили бежать. Побег был возможен только через Ледовитый океан в Америку. Сами устроив большую лодку, они спустились по реке к океану, откуда намеревались, через Берингов пролив, переправиться в Америку. Но бежать им не удалось.

Якуты, вооруженные луками, и казаки настигли их на дороге и задержали. Сопротивление было невозмножно, так как ружья унесли товарищи, отправившиеся на охоту, чтобы добыть для всех пищу. Их возвратили обратно в Верхоянск.

Отбыв срок ссылки в Якутской области, В. П. возвратился в Россию продолжать революционную работу.

Судьба, или вернее самодержавное правительство, которое он ненавидел всеми фибрами своей души, преследуют его, и в 1890 г. его опять отправляют в ссылку в с. Тасеево, Енисейской губ.

Здесь он очень много занимался, много читал. В это время он сотрудничает в «Восточном Обозрении», в то время радикальной газете. Особенно заинтересовался он местным экономическим бытом. В результате его трудов появилась написанная им книга «Натуральное хозяйство в Сибири» (изд. «Вост. Обозр.»).

В с. Тасеево он был сослан на 2 года, но в последние дни, когда он уже собирался уехать, правительству показалось недостаточным этот срок, ссылка ему была продолжена еще на 2 года.

В 1894 г. он переезжает в Красноярск и вместе с другими товарищами организует революционные кружки среди молодежи и рабочих.

В Красноярске он поступает на службу в организацию по улучшению судоходства по реке Ангаре и переезжает в гор. Енисейск. Но и здесь он не оставляет революционной работы, организует кружки учащейся молодежи, в которых читает лекции об учении Маркса.

«Капитал» Маркса к этому времени становится его евангелием, с которым он уже не расстается всю свою жизнь, и каждый раз, когда ему приходилось жить в таких условиях, при которых он был лишен возможности вести революционную работу, он целиком отдавался изучению «Капитала», который он знал настолько хорошо, что мог указать, на какой странице изложено то или другое положение.

В 1900 году он переезжает в Петербург и здесь принимает большое участие в социал-демократической работе, но скоро его снова арестовывают и отправляют в Саратов, откуда он в 1901 году переезжает в Самару, где входит в члены социал-демократической организации.

Вскоре после его приезда, под его руководством, организуется областная социал-демократическая организация «Поволжья», центральное бюро которой находится в Самаре, и в состав которой входят партийные ячейки в городах: Казани, Нижнем-Новгороде, Симбирске, Саратове и др. городах. Областное бюро, связанное с Центральным Комитетом партии, посылало партийных работников «на места», снабжало ячейки партийной литературой и т. д.

1905 год он проводит в Самаре, в его квартире находится «революционный штаб». Кучки черносотенцев, натравленных полицией, пытались разгромить эту квартиру. В это же время он с несколькими товарищами подвергается нападению на улице черносотенной толпы, от которой еле спасается.

В 1907 году его арестовывают и отправляют в ссылку в Архангельскую губернию на 2 года, откуда он возвращается в Уфу и остается здесь до последних своих дней, продолжая все ту же революционную пропагандистскую организационную работу, с той же энергией, с той же страстью, с тем же темпераментом, что и в молодые годы.

Судьба, жестокая все время к этому борцу, беззаветному революционеру, под конец жизни наградила его лучшим подарком: за все принесенные жертвы она дала ему возможность реально ощутить свободу, завоеванную революционным народом. В величественном здании революционной свободы, добытой пролетарием, не один кирпич заложен покойным В. П., этим революционным борцом за социализм.

Вечная память дорогому другу народа, борцу за лучшее счастливое будущее.

Борис Шехтер

Памяти тов. „Виктора"—Петра Петровича Кузьмина.

Свою революционную работу товарищ Кузьмин начал в Харькове совсем молодым человеком под кличкой «Виктора». Работая в качестве агитатора и пропагандиста, товарищ Виктор пользовался большой популярностью среди харьковских рабочих, среди которых всегда звучала его горячая речь о необходимости организации и борьбы для свержения самодержавия, до полной победы социализма.

Подпольным работникам партии приходилось тогда проводить свои занятия в рабочих кружках по лесам и оврагам, и товарищ Виктор всегда был в этих кружках одним из лучших пропагандистов.

Большую работу вел Виктор в Самаре, от которой он был представителем на Лондонском с'езде нашей партии, готовясь после с'езда к новой работе и борьбе в рядах нашей партии.

Но проклятое царское самодержавие готовило тов. Виктору ту же участь, какой не избежал почти никто из старых партработников. Он был арестован и сослан в Сибирь, и эта ссылка сыграла роковую роль в его дальнейшей работе и жизни.

Ссылка калечила многих из партийных работников, отрывала их от любимого дела и бросала на чужбину, выбивая их из колеи привычной работы.

Эта ссылка надломила силы товарища Виктора и выбила его из прежней колеи. Из ссылки товарищ Виктор вернулся уже с надорванным болезнью организмом и эта болезнь постоянно давала ему себя чувствовать.

После революции новые палачи чехо-словаки принялись терзать товарища Кузьмина, арестовали его и посадили в Уфимскую тюрьму.

Так скитания по ссылкам и тюрьмам сырым расшатали его организм, подорвали в нем те богатые способности и дарования, которые были заложены в нем природой.

Насколько способным и даровитым был товарищ Кузьмин, можно судить по тому, что, оправляясь от своей болезни, он упорно и энергично работал в редакции нашей газеты, выступая на митингах и проявляя всю кипучую энергию своих молодых лет.

Он угас преждевременно и рано, когда еще много мог бы принести пользы для дела пролетариата.

Но он дожил до той зари пролетарской свободы, о которой он так пламенно говорил в своих речах, а умирая, он видел восходящее солнце международной пролетарской революции, и в этом великом деле освобождения трудящихся есть большая доля его работы и борьбы.

(Из газ. «Коммуна» 16 августа 1919 г.).

Светлой памяти М. Ф. Трейман.

Безпощадная смерть вырывает из наших рядов товарищей, до глубины души преданных делу рабочего класса и коммунистической партии.

26-го ноября 19 г. умерла от сыпного тифа член партии коммунистов и губернского Бюро работниц М. Ф. Трейман.

Тов. Трейман была одной из тех членов нашей партии, для которой жизнь партии, ее интересы, ее работа стояли всегда на первом плане и все личное, эгоистичное отходило на задний план перед революционным долгом партийного работника.

Убедившись, что только ком. партия является стойкой защитницей и умелым борцом за интересы пролетариата, т. Трейман без чувства ложного стыда рвет с меньшевиками.

С неутомимой энергией работала она в Самарской организации, выступая на митингах и собраниях, организуя работниц и стараясь своей агитацией развить их сознание.

Не было такой работы, от которой бы отказалась тов. Трейман. Она не знала ни усталости, ни апатии. По предложению Комитета партии или Бюро работниц она готова была пойти на какое угодно собрание, хотя бы и небольшое, хотя бы пришлось ей итти на край города, в трубочный район.

Всегда бодрая, энергичная и живая, она радовалась каждому успеху в нашей работе, особенно много сил и времени уделяя работе среди женского пролетариата. Тов. Трейман была долгое время председательницей Самарского Бюро работниц и постоянной сотрудницей газеты «Коммуна» и «Странички работницы». Когда Бюро работниц командировало товарища Трейман в качестве инструктора в Бугульминский уезд для организации там Бюро работниц и крестьянок, она поехала на эту трудную работу среди крестьянских женщин и возвратилась оттуда жизнерадостная, ободренная результатами своей работы. Первым вопросом ее по возвращении из Бугульмы был: «Ну, как у нас проходит партийная неделя, много-ли новых членов партии?». И узнав, что партийная неделя только-что начинается, она ответила: «Это хорошо, значит, я тоже успею еще поработать за эту неделю».

Сколько еще могла бы поработать и принести пользы в своей жизни эта преданная всей душой делу пролетариата и его партии, самоотверженная работница, если бы смерть не вырвала ее так преждевременно из наших рядов. Вся жизнь тов. Трейман была примером беззаветного служения делу рабочего класса, и светлая память о ней всегда сохранится среди рабочих, особенно среди работниц, которым она отдала всю свою жизнь.

(Из газ. «Коммуна» 28 ноября 1919 г.).

Памяти Алексея Галактионова.

5 июня 1922 г., при полете на аэроплане из Казани в Чистополь, для обследования постановки парт. работы, разбился на смерть, выпав из аппарата, ответственный секретарь Татобкома Р. К. П., т. Галактионов Алексей Петрович.

Сын рабочего, кузнеца, сам слесарь по профессии, т. Галактионов рано начинает работать в парт. организации и почти половину своей недолгой жизни (родился в 1886 г.) отдает делу революционной борьбы.

Первые же шаги работы на революционном поприще показывают Алексею, что путь этот тернист; порка плетьми и отсидка были карой за участие в демонстрации (1905 г.).

Полученный урок пошел в прок. Уже в следующем 1906 году он вступает в Ташкентскую организацию Р. С.-Д. Р. П. В 1907 г. он арестовывается полицией за революционную работу, но вскоре освобождается. В 1909 г., после нового ареста и отсидки Алексей высылается на родину, в Самарскую губернию, но остается здесь недолго.

Многие детали из жизни Алексея, пишущему эти строки, остались неизвестны. Хорошо известно, что Алексей в своей жизни много путешествовал по городам России, «по милости попечительного начальства». Очевидно, вопреки желанию «властей предержащих», побывал он и заграницей, в Берлине.

В 1915 г. Алексей возвращается в Самару и поступает на Трубочный завод. Вскоре он начинает принимать активное участие в работе Самарской организации большевиков. Осенью 1916 г., он, вместе с целой группой товарищей, в связи с провалом Поволжской конференции, арестовывается и в 1917 году, незадолго до февральской революции, отправляется в ссылку.

Возвратившись из ссылки, Алексей выдвигается партийной организацией на ответственную партийную и советскую работу, как член Губкома и Исполкома Совета, а вскоре после Октябрьской Революции избирается председателем Губисполкома.

При наступлении на Самару чехов Алексей напрягает все свои силы и способности, для организации сопротивления, обороны. Когда Самара уже была занята чехами, Алексей извещает об этом, посланные им на боевые посты, отряды и дает им таким образом возможность отступить со своими частями. Сам Алексей остается в Самаре, и в начале скрывается в городе, а затем уходит в деревню, где работает в кузнице. Слишком внимательное отношение учредиловских властей к рабочему кузницы, заставляет его уйти в «Совдепию», где он работает, сначала в Самарском Губкоме, находившемся в Покровске, а затем в Красной Армии, военкомом дивизии, первой вступившей в Самару.

По занятии Самары советскими войсками Алексей отзывается из армии на советскую работу, где и работает снова, как Пред. Губисполкома, ведя одновременно и парт. работу. Отозванный из Самары Ц. К. он посылается на Кубань, где работает как Предгубисполкома, а затем Предгубпрофсовета в Ростове на Дону.

Осенью 1921 г. он направляется Ц. К. в Казань и работает там сначала как председатель Горсовета, а затем отв. секретарем Областного Комитета Р. К. П.

Надорванный напряженной работой, Алексей получил согласие на заслуженный отпуск и торопился перед отпуском закончить необходимую работу; лично проверить как поставлена работа, сделать необходимые распоряжения. Недостаток времени, плохие пути сообщения, наличие аэропланов, правда, изношенных, но на которых все же летают... Риск? Но почему другие летают, рискуют, а я не должен, не могу этого сделать?

При спуске, от причин оставшихся невыясненными, аэроплан сделал резкий уклон вниз и в начале Алексей, а затем и летчик были выброшены из аппарата и с высоты 1000 метров, упали на землю.

В лице Алексея партия потеряла крупного работника.

Н. П.

Памяти тов. Крайнюкова.

На революционном посту в бою против уральской казачьей контр-революции погиб один из лучших товарищей. Как живое стоит передо мною открытое, честное лицо его. Он был хорошо известен всем самарским товарищам и пользовался среди них общей любовью за свою преданность делу революции, за свою прямоту, честность и искренность. К нему привилось название «дядька» и все называли и знали его под этим именем. Родом Сибиряк, крестьянин, он в 1903 г. вступает в ряды нашей армии.

Царское правительство подвергало его многим гонениям и преследованиям, бывал он неоднократно арестован, был и в ссылке. В начале 1916 г. судьба забросила его в Самару на Трубочный завод, где тогда работало более 20.000 человек, и он принимает сразу активное участие в подпольной революционной работе, становится членом районного к-та партии. В феврале 1917 г. его вместе с многими другими арестовали царские жандармы, и только революция освободила его из когтей самодержавия. После Февральской революции он принимает активное участие в работе и пользуется в массах большим влиянием среди рабочих трубочного завода.

После Октябрьской революции т. Крайнюков избирается членом Исполкома и выполняет ряд других важных и серьезных работ. По занятии Самары чехо-учредиловцами, он уходит в ряды Красной армии, где находится беспрерывно до того момента, пока злая смерть не подстерегла его на славном революционном посту.

Партия и революция понесли с этой смертью большой и серьезный урон, ибо мало таких преданных, стойких и вместе с тем скромных и сильных борцов, как погибший тов. Крайнюков. Тяжело считать потери, тяжело подводить итоги убыли в наших рядах, но еще тяжелее, когда выбывают из рядов партии отборнейшие борцы, одним из каковых несомненно был «дядька».

И эта новая смерть должна лишний раз каждому из нас сказать, что дело, во имя которого отдано столько лучших молодых жизней, за которое заплачено столь дорогой ценой, должно быть доведено нами, оставшимися в живых, до скорого, успешного конца. Мы сомкнем свои ряды и с новой силой обрушимся на врага.

Спи спокойно, дорогой товарищ! Память о твоей гибели будет зажигать наши сердца для новой борьбы.

Х. М.

(Из «Коммуны» 1919 г.).

Н. Е. Серебряников.

Н. Е. Серебряников родился 16-го декабря 1881 года.

На фоне Пермских заводов и грозных ущелий Урала протекали его детство и юность. Происходя из рабочей среды, Н. Е. стремился к свету и ему, хотя с большим трудом, удалось окончить реальное училище в Екатеринбурге. Затем он поступает в Московский университет на юридический факультет, но культурный «буржуазный» строй не дает ему возможности закончить образование. Еще слушая лекции в университете, он увлекается учением Маркса и принимает большое участие в партийной жизни. Он несколько раз пытается поступить на завод, чтобы быть ближе к массам, но на почве частых инцидентов с администрацией завода, ему несколько раз приходится бросать службу. Разочарованный в своих лучших чаяниях и надеждах, т. Серебряников пытается излить свое негодование в литературе.

Самара знает Н. Е. с 1904 года, когда он занимается политической пропагандой и с 1905 года, когда он был членом 1-го Самарского Совета Рабочих депутатов. Царское правительство засадило его в тюрьму. И по выходе из тюрьмы Н. Е. подвергался преследованиям за свои политические убеждения. Октябрьская революция застает Н. Е. работающим в союзе городов. Революционная волна увлекает Н. Е. и с самого начала Октябрьской революции он принимает живейшее участие в советском строительстве и партийной жизни. Работая в партии, он был членом Пензенского Губкома. Работа его протекала, главным образом, в Красной армии.

В 1918 г. т. Серебряников поступает на командные курсы, которые блестяще кончает. По окончании курсов он, как испытанный коммунист и революционер, получает назначение на должность Тверского Губвоенкома. С тех пор Н. Е. работает на этой должности сначала в Пензе, затем с 27-го июля 1919 г. в г. Самаре. Все знающие его лично, должны отметить его неутомимую работу. Проникая во все нужды Кр. армии, всегда ласковый, с приятной улыбкой, он поражал всех своей непритворной любезностью. Он был не начальник, а старший сотоварищ. У него не было ни тщеславия, ни пустой гордости.

Спи, дорогой товарищ! Твое дело, за которое ты боролся всю жизнь, не умрет, оно живет и будет жить.

Памяти Василия Ивановича Чепаева.

Василий Иванович Чепаев происходит из гр-н г. Балаково, того же уезда, плотник по профессии. Октябрьская революция застала его в Пугачеве (тогда еще Николаевске) в 138-м запасном полку. Вскоре он был избран командиром этого полка и в должности последнего он оставался до расформирования полка в виду демобилизации.

Из оставшихся после демобилизации солдат старой армии были сформированы отряды в Красную гвардию. С первым таким отрядом т. Чепаев направился на подавление восстания кулаков в Балакове (тогда еще селе). Восстание было ликвидировано, арестованный Совет освобожден и восстановлен в правах. Для ликвидации восстания, первому отряду, пришлось выезжать в село Березово, где им так же с успехом было выполнено задание и восстановлена Сов. Власть.

19/3 апреля 1918 года Николаевский уезд об'является на военном положении вследствие свержения казаками Советской Власти в Уральске и начавшихся нападений на Советы пограничного района. Чепаев с небольшим отрядом под № 2, при двух орудиях выступил на границу Уральской области.

Там связавшись с отрядом № 1-й под командой тов. Димидкина, а поздней Топоркова, отряд т. Чапаева вступил в полосу действительной гражданской войны и вел ее до самой смерти.

Апрель м-ц и первую половину мая тов. Чепаев провел на границе Николаевского уезда и Уральской области. Часть казаков прорвались вглубь Николаевского уезда и в с. Семеновке произвела побоище бедноты. Тов. Чапаев был командирован туда и из нескольких отрядов находящихся там организовал один отряд, получивший позднее наименование 218 им. Стеньки Разина полк, (отряд тов. Димидкина и Топоркова превратился в 217 им. Пугачева). С упомянутыми отрядами и др. частями т. Чепаев погнал казаков к их границе и за нее. В июне м-це тов. Чапаев с Пугачевскими, Новоузенскими и Саратовскими отрядами подходит под самый Уральск, но так как по разрушенной казаками Ряз. - Уральской жел. дороге, нельзя было подвести продовольственных и артиллерийских запасов Уральск остался не взятым. Все части отступили.

При отступлении в частях молодой Красной армии начинался ропот и недовольство, вскоре прекращен. Чепаевым, пользовавшимся любовью красноарм.: он сумел удержать все части и не дал им рассыпаться. Отсюда его авторитет поднимается по всему фронту. Вскоре вокруг имени Чепаева начинают создаваться легенды. Имя его приводит в трепет казаков. Правда ему приходилось, в это время, с 2, 3 десятками храбрецов наводить панику на целые казачьи сотни и полки. Вот один пример из многих: со взводом кавалерии на хуторе Корвином, он напал на стоявший там казачий отряд человек в 300, порубил больше 50 человек, остальные в панике ускакали. У него же ни одного убитого и раненого.

После похода под Уральск, в Красных частях обнаруживаются одна за другой измены и предательства со стороны командования из спецов и казаки переходят в наступление.

К этому же времени Самару занимают чехи и оттуда ведут наступление на Пугачев (Николаевск). В июле м-це 1918 года чехи занимают Пугачев. Тов. Чепаев в это время был верстах в 70 от последнего, отражал своим полком наступавших казаков, не давая им соединиться с чехами. Весть о взятии Пугачева заставила тов. Чепаева с полком пройти в ночь более 70 верст и к свету неожиданно для чехов он напал на них и после непродолжительного боя взял город. В качестве трофеев достались орудия, пулеметы и 200 возов снарядов. После этого он был назначен комбригом одной из бригад 25-й Самарской дивизии, а приехавший вскоре в Пугачев т. Троцкий назначил его командиром 22 Николаевской дивизии и вручил ему золотые часы от Российского пролетариата. Полки предназначавшиеся в 22-ю дивизию, находились на Уральском фронте, а поэтому т. Чепаеву пришлось проститься со своими питомцами, идущими на Самару, и направиться на старый, знакомый фронт. С конца августа 1918 года и до конца ноября т. Чепаеву пришлось формировать на ходу 22 дивизию и по 2 — 3 раза в день ходить в наступление или отражать такие-же со стороны казаков, быть аттакованным и аттаковывать казаков не один раз.

В ноябре м-це т. Чепаев решил поехать в генеральную академию и сдал, назначенному штармом 4 тов. Дементьеву, сформированную им 22 дивизию.

В Москве тов. Чепаев пробыл недолго, его не удовлетворяла академическая жизнь, в момент ожесточеннейшей гражданской войны, и он вернулся в Пугачев. К этому времени 25 дивизия, с другими красными частями, заняли Самару, и 1-я ее бригада с 22 дивизией взяла Уральск. Тов. Чепаев явился в штаб 4 армии, командование которой принял тов. Фрунзе-Михайлов, и последний назначил тов. Чепаева командовать особой Ал-Гайской группой на Уральском фронте. Но силы Колчака, двигавшиеся из Сибири, потребовал сосредоточия лучших сил против него, и Чепаев был переброшен на этот фронт, назначен командиром старой 25-й дивизией. С этими орлами тов. Чепаев, разгромив лучшие колчаковские части, взял г. Уфу. При взятии г. Уфы т. Чепаев, как и всегда руководил боем непосредственно и был ранен в голову. Раненый Василий Иванович не выбыл из строя, а продолжал руководить боевыми действиями дивизии. За взятие г. Уфы т. Чепаев был представлен к ордену Красного Знамени.

Наступала весна 1919 года. Оправившиеся уральские казаки обложили гор. Уральск со стоявшей там одной дивизией. Тов. Фрунзе, после занятия Уфы, перебрасывает Чепаева на Уральский фронт для освобождения г. Уральска и окончательной ликвидации этого фронта. А фронт этот настолько вновь разросся, что казаки заняли уже и Пугачев и становились угрозой Саратову. Тов. Чепаев освободил Уральск и погнал казаков на юг к Гурьеву. На средине пути, между Уральском и Гурьевым, в г. Лбищенске, т. Чепаев остановился со штабом дивизии, двинув две части преследовать казаков армии Толстого, не оставив с собой ни одного полка. Казаки, осведомленные об этом жителями, напали врасплох на штаб т. Чепаева и после ожесточенной схватки он, со многими соратниками, погиб, бросившись раненый в Урал. Бойцы 25-й дивизии отомстили в боях с казаками за смерть своего командира.

Именем Чепаева названа дивизия, которой он командовал. Его именем названы казармы и улица в Самаре.

И после смерти Василий Иванович служит делу, за которое отдал жизнь, воспитывая своим именем в молодежи лучшие традиции, уча их, как надо бороться за коммунизм.

Ты не будешь забыт!

2 января 1923 г.

Стрельцов.

Воспоминания о тов. Сидельникове.

С товарищем Сидельниковым я встретился на партработе вначале октября 1916 года. После провала Поволжской конференции в последних числах августа 1916 года значительно пострадала и Самарская организация, в том числе и наш трубочный район. Потребовалось больше месяца для того, чтобы возобновить разгромленную жандармами связь с существовавшими в то время десятью кружками. Был вновь избран районный комитет, в котором председателем выбрали меня и секретарем т. Сидельникова. С какого времени он принимал участие в партийной работе и из какого он кружка—я не помню, но было видно, что тов. Сидельников первый раз выдвинулся до членов райкома, так как не твердо еще был знаком с правилами конспирации и черезчур идеализировал товарищей, по его мнению, выше его стоящих.

Будучи еще молодым человеком, со свойственной молодости горячностью и безукоризненной честностью, мало понюхавший жизненного пороха, о порядочности людской он судил по себе. Связь между нашим райкомом и Самарским комитетом поддерживалась через Сапожкова (он же Соловьев), оказавшегося провокатором. Сапожков постарался установить с Сидельниковым приятельские отношения. Чтобы создать документальное дело, он расчитывал на молодость т. Сидельникова и наметил его жертвой для нового провала (первые аресты, произведенные по агентурным сведениям, были без захвата документов).

По предложению Сапожкова, мне поручено было переписать протоколы, писанные рукой т. Сидельникова, и чтобы ярче оттенить решение райкома—желательность выпуска подпольной газеты (этот вопрос в Самаре был спорный). Переписанные протоколы я, по указанию Сапожкова, передал Галактионову, а писанные рукой т. Сидельникова взял Сапожков. Через несколько дней, через свидание, я получаю известие, что мне из тюрьмы есть поручение, за которым я должен явиться к товарищу Егору (Звейник) на квартиру Сидельникова.

В указанный день и час, со всеми предосторожностями, я был в квартире т. Сидельникова, но к своему удивлению, я не получил никакого поручения и заметил резкое изменение отношения ко мне со стороны т. Сидельникова и т. Звейника; они меня боялись и только спокойно держал себя Сапожков, «случайно там оказавшийся».

С этого момента мои сомнения в политической честности Сапожкова увеличились, а в ту же ночь был арестован т. Сидельников, у которого в коробке с гильзами нашли протоколы, с которых я переписывал. Т. об. создалось настоящее дело, документально подтверждено существование организации большевиков.

По отношению Сапожкова у меня сомнений уже не было, я твердо был убежден в его провокации, но попытка моя разоблачить его не имела успеха, только

открыла, что мне самому не доверяют. Нужно было быть в моем положении чтобы понять весь ужас моего состояния. Я ждал своего ареста—как манны небесной, но, к моему огорчению, меня по субботам арестовывали, а в воскресенье освобождали (очевидно, это было в плане).

Молодость т. Сидельникова и его близость к Сапожкову (который сел в тюрьму), создали у меня мучительный страх за целость наших еще сохранившихся десяти кружков. Но т. Сидельников, несмотря на свою неопытность, сохранил в тайне от Сапожкова нашу кружковую связь и доблестно выдержал хитрые и в высшей степени умелые допросы полковника Познанского и его следователей. Таким образом документы, находящиеся у жандармов, могли только создать дело на него самого, Сапожкова, и меня, а наши низы для них были недосягаемы.

Вскоре сел и я в тюрьму, арестованный по распоряжению командующего войсками Казанского округа Сандецкого за агитацию в войсках. Встретились мы с т. Сидельниковым только после февральского переворота на воле. Вспоминая прошлое, очень и очень жалели о том, что упустили Сапожкова.

21/IV 22 г. **Кузьмичев.**

Светлой памяти Сергея Парменовича Захарова.

Сергей Парменович уроженец гор. Пугачева, начал свою революционную деятельность в своем городе. После февральской революции, находясь в рядах армии в унтер-офицерском звании, он вступает в 1917 году в коммунистическую партию и целиком отдается пропагандистской работе. После Октября он переезжает в гор. Балаково, где работает как организатор по установлению Советской власти. С восстанием Уральского казачества он просит Балаковскую организацию отпустить его на фронт, и в качестве командира баталиона начинает свои боевые подвиги. Его кипучая натура быстро выдвинула его из общей массы командиров. Его баталион развертывается в особый отряд, с которым он совершает славные подвиги по освобождению г. Балаково и Поволжья от белогвардейских полчищ.

С образованием восточного фронта, в Пугачеве началось формирование Николаевской дивизии, начальником которой и был назначен Сергей Парменович, а затем командующим групой, которая была двинута на освобождение Самары. Здесь Сергей Парменович проявил себя как герой и опытный руководитель. Имея слабое здоровье, он удивительно стойко переносил все тяжести походной жизни. Ведя бои на подступах к Самаре с чехо-словаками, он всегда находился впереди цепи, воодушевляя красноармейские массы своим личным примером.

Несмотря на то, что красноармейские части только-что были сформированы, он своим личным примером сумел настолько поднять боеспособность своих красноармейцев, что наносил одно за другим поражение чехам.

Умелым расположением порученных ему частей, он ского подошел к Самаре и 7 октября Самара была взята, чехо-эсеровские полчища бежали в панике. В Самаре его дивизия была переименована в 25 стрелковую дивизию, с которой он от Самары двинулся на Уральск.

Трудность похода, пренебрежение к своему слабому здоровью, скоро вынудили его временно оставить свой боевой пост, но Сергей Парменович не смог долго отдыхать и через месяц снова уехал на фронт. Здесь ему было поручено формирование добровольческой дивизии по всей территории 4 армии. Не докончив формирования он был захвачен восставшими частями и передан казакам. Только благодаря случайности он избавился от смерти, между тем, как его товарищи, в том числе и член ревоенсовета Линдов, были убиты. Подоспевшая 25 дивизия выручила своего организатора и любимого руководителя из плена. Все эти переживания совершенно расшатали здоровье Сергея Парменовича и он заболел. По выздоровлении в 1919 году он был отправлен в распоряжение южной группы которой ко-

мандовал т. Фрунзе и получил назначение командовать частями Самар. укрепленного района. В конце июня 19 г. он бросается на освобождение осажденного гарнизона гор. Уральска. После освобождения Уральска он с 22 дивизией направляется против Деникина. Здесь командуя 22 дивиз., Сергей Парменович проявляет чудеса храбрости. Будучи окружен Мамонтовскими полчищами, а затем оставленный в глубоком тылу Деникинской армии, он ведет ожесточенные бои в тылу противника и после двухнедельного движения пробивается к своему фронту.

В районе Устьхоперской, Устьлодведа и др. станиц, совершает два перехода через р. Дон, а затем через р.р. Сал и Маныч и, с конной армией Буденного, двигается на Кубань и участвует во взятии Екатеринодара (Краснодара). Преследуя разгромленную армию Деникина, Сергей Пармен., как и при взятии Самары, стремился личным примером воодушевить уставшие от долгих боевых действий полки своей дивизии и 17 марта 1920 г., ведя личную разведку против бегущих остатков Деникинской армии, был захвачен в плен офицерским эскадроном. Мы не знаем как расправилось раз'яренное офицерство со славным героем, но можно с уверенностью сказать, что Сергей Парменович погиб мученической смертью за дело революции.

За свои бесчисленные подвиги т. Захаров был представлен к двум орденам красного знамени.

Ты погиб, славный герой! Но твои заслуги перед революцией и твои героические подвиги еще долгое время будут служить примером для подрастающих поколений Рабоче-Крестьянской молодежи. Твое имя долгое время будет напоминать о героической борьбе рабочих и крестьян с белогвардейскими полчищами.

Н. Л.

Памяти тов. Шутова.

Весть о его смерти поразила многих из нас. Не хотелось верить.

Тихий, скромный и кропотливый работник, работавший до последней минуты. 6-го апреля 22 года, умер от сыпного тифа т. **Шутов** Матвей Афанасьевич.

Тов. **Шутов** был одним из тех борцов нашей Великой Армии, которые в течении десятка лет в самой гуще рабочей массы подготовляли Великий Октябрьский Переворот.

Родившись в бедной семье, он с ранних лет должен был своим собственным трудом добывать себе кусок хлеба. Первая его работа была в типографии. Но еще будучи совсем мальчиком он рвался на завод, в самую гущу рабочей массы, чувствуя инстинктивно, что там он найдет ответы на мучающие его вопросы. Днем работая в типографии, он урывками читал всю имевшуюся тогда литературу по токарному делу, а ночью, подчиняясь своему желанию, он практически изучал это дело в одной из частных мастерских, где эксплоатировали его труд даром. Эти занятия дали т. Шутову возможность поступить в 1901 г. в один из Саратовских металлических заводов.

Заводская атмосфера скоро отразилась на молодом токаре и вовлекла его в революционную среду. Имевший раньше общение с революционно-настроенной молодежью, он и здесь скоро связывается с С.-Р. организацией и участвует в ней до первомайской забастовки, когда в первый раз знакомится с прелестями полицейских участков. Выбравшись на свободу, молодой Шутов снова работает с С.-Р. и особенно **деятельное участие принимает в организации** местного союза металлистов.

Бурный период 1905 г. направил т. Шутова на другую дорогу. Убедившись в несостоятельности партии С. Р. играть роль руководительницы рабочих масс, он, совместно с группой рабочих, перешел в партию Соц.-Дем. Большевиков. В 1907 г. под давлением репрессий полиции т. Шутов оставляет Саратов и перебирается в г. Оренбург, где работая в жел. дорожных мастерских, он снова принимает участие в рабочем движении. Арестованный за участие в забастовке токарного цеха, тов. Шутов административным порядком высылается в Вологду, откуда выезжает самовольно, и, в 1908 г., снова появляется в Саратове.

До 1912 г. был перерыв в работе вследствие болезни. В 1912 г., когда начинает проводиться «куцый закон», высиженный III Гос. Думой о рабочем страховании, тов. Шутов, оправившись после перенесенной болезни принимает снова участие в партийной работе. Вскоре он избирается членом Губернского Страхового Присутствия. Начатые преследования заставляют тов. Шутова опять скрывать-

ся. Он уезжает в Воронеж, в Николаев, а затем в Самару, где находится под бдительным надзором известного самарцам Познанского.

Работа тов. Шутова в Самаре известна всем самарским рабочим. Как около токарного станка на Трубочном заводе, так и в союзе металлистов, на посту Завед. Губотдела Соц. обеспечения, районного организатора, работника на транспорте и др., он остался тем же хорошим тов. коммунистом массовиком, честно и упорно делающим доверенное ему дело.

Из рядов бойцов выбыл еще один полный энергии, верный делу своего класса тов.

Все те, кто знал его по совместной работе и борьбе, не забудут светлой памяти тов. Шутова.

Бирн

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

Ко всѣмъ булочникамъ и калачникамъ г. Самары.

Товарищи! довольно терпеть, довольно гнуть спину передъ своими хозяевами-палачами! Мы работаемъ день и ночь, не имея определенного отдыха отъ тяжелой многочасовой работы. Рабочему человеку необходимо спать не менее 7—8 часовъ въ сутки для поддержанія своего здоровья; насъ хозяева заставляютъ работать 18 и 20 часовъ въ сутки, платятъ намъ жалованья столько, сколько имъ вздумается, при этомъ разсчетныхъ книжекъ, гдѣ были-бы обозначены условія, они не выдаютъ. Мы работаемъ не исключая и праздничныхъ дней, между темъ какъ по закону рабочій день ремесленниковъ не долженъ превышать 12-ти часовъ (въ томъ числѣ $^1/_2$ часа на завтракъ и $1^1/_2$ часа на обѣдъ), въ дни-же воскресные и двунадесятые праздники ремесленники не должны работать безъ необходимой нужды (см. уставъ о промышл. кн. II-я о ремесленной промышленности ст. 430 и 431).

Вся наша жизнь показываетъ, какъ заботятся о насъ наши хозяева-полачи: они не даютъ намъ самаго необходимаго, даже отдѣльной спальни отъ мастерской у насъ нѣтъ, намъ приходится спать на тѣхъ самыхъ каткахъ, на которыхъ готовятся булки и хлѣбъ. Нѣтъ у насъ опредѣленныхъ правилъ. а самое главное, нѣтъ контроля надъ хозяевами, вслѣдствіе чего они по своему произволу, не считаясь съ нашими потребностями, мѣняютъ заработную плату по 4 раза въ годъ и болѣе. Товарищи! посмотрите на заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Повсюду они дружно, какъ одинъ человѣкъ, встаютъ на своихъ хозяевъ, требуя улучшеній въ своей жизни. Развѣ мы хуже ихъ, развѣ мы не имѣем правъ на человѣческую жизнь? Только жалкіе рабы могутъ безропотно сносить тѣ тяжелыя условія, жить въ которыхъ насъ заставляютъ наши хозяева. Товарищи! покажемъ же нашимъ хозяевамъ, что мы не желаемъ болѣе ни одной минуты работать на нихъ цѣлыя сутки не разгибая спины и получая за это лишь жалкіе гроши, едва хватающіе для того, чтобы не умереть голодной смертью. Съ этой цѣлью мы прекратимъ работы 27-го марта и выставимъ слѣдующія требованія:

1-е. Не работать въ праздники и воскресные дни.

2-е. Рабочій день долженъ продолжаться 12 часовъ.

3-е. Всѣмъ булочникамъ и калачникамъ должны быть выданы разсчетныя книжки, съ обозначеніемъ размѣра заработной платы.

4-е. Должны быть устроены спальни отдѣльно отъ мастерскихъ.

5-е. Мѣсячный окладъ для подмастерьевъ отъ 15 до 18 р. въ мѣсяцъ.

Итак, товарищи, предъявимъ свои законныя требованія хозяевамъ и не начнемъ работать до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены.

Проклоиация 1902 или 1903 года (вернее 1903) (гектограф).

Къ Самарскимъ рабочимъ, крестьянамъ и всему Самарскому обществу.

Самарскій Архіепископъ Гурій, пріехавъ на освященіе церкви въ село Царевщину и не... найдя въ ней никого, кромѣ древнихъ стариковъ и старухъ, сказалъ имъ укорительное слово. Въ своей рѣчи онъ упомянулъ о какихъ то самозванныхъ учителяхъ. Что же это за „самозванные учителя"? Повидимому, это тѣ, кто говоритъ съ народомъ, не по приказанію начальства, а даже вопреки этому приказанію. Въ качествѣ представителей Росс. Соц.-Дем. Рабочей партіи, мы, Самарскій Комитетъ этой партіи, объявляемъ господину Архіепископу, что за свое право говорить народу правду мы платимъ дорогой цѣной—тюрьмой, ссылкой, гоненіями и лишеніями, а архіереямъ и священникамъ за ихъ правду правительство платитъ жалованьем и обезпеченіемъ дохода съ населенія посредствомъ принужденія его къ исполненію обрядовъ подъ угрозой наказаній и преслѣдованій. Они называютъ насъ сынами погибели, но прежде чѣмъ отвѣтить на это обвиненіе, мы разсмотримъ, что за спасеніе, которое готовятъ народу они. Они предлагаютъ ему искать утѣшенія у церкви. Но утѣшеніе—плохое лекарство отъ мученій голода и другихъ лишеній. Самъ основатель христіанской религіи, Христосъ, не утѣшалъ только голодныхъ, но и кормилъ ихъ. А они? Удѣляли ли они народу что либо изъ своихъ доходовъ? Нѣтъ, они только брали и брали съ народа и продолжаютъ брать, не брезгуя последнимъ кускомъ хлѣба. А взамѣнъ забраннаго у народа учатъ его терпѣнію и смиренію передъ властями. Пусть страдаетъ народъ пусть закрываетъ глаза на все, что съ нимъ дѣлаютъ. Безпомощность и невѣжество заставляютъ его надеяться на чудеса, которыми такъ безцеремонно торгуютъ попы. А мы, сыны погибели, не видя чудесъ нигдѣ, зовемъ народъ къ борьбѣ за лучшую долю, думая, что подъ лежачій камень и вода не течетъ. Преосвященный говоритъ, что мы призываемъ народъ къ своеволію. Неправда!. Отъ своеволія къ свободѣ зовемъ мы народъ. Своеволія и произвола слишкомъ много въ русской жизни. Своеволіе царя и министровъ, издающихъ законы въ пользу богатыхъ и знатныхъ и во вредъ бѣднымъ и слабымъ, облагающихъ бѣдня-

ковъ непомѣрными податями и налогами для удовлетворенія прихотей богачей: своеволіе, своры чиновниковъ, сидящихъ на шее у народа и кормящихся на его счетъ; полиціи и жандармовъ, этой шайки бездѣльниковъ, надзору которыхъ правительство поручаетъ домашнюю и общественную жизнь русскаго человѣка, своеволіе земскихъ начальниковъ, наблюдающихъ за тѣмъ, чтобы крестьяне не выходили изъ зависимости кулаковъ и помѣщиковъ; своеволіе солдатъ и казаковъ, направляющихъ ружья и нагайки на народъ; своеволіе поповъ, заставляющихъ всѣхъ вѣрить по ихнему не словомъ убѣжденія, а силой; своеволіе фабрикантовъ, заводчиковъ и помѣщиковъ, которымъ наши законы позволяютъ морить рабочихъ непосильной работой, платить нищенскую плату и облагать штрафомъ. Своеволіе это прекратится только тогда, когда народъ добьется политической свободы. Издавать законы, и назначать подати будутъ тогда не царь и министры, а выбранные всѣмъ народомъ лучшіе люди земли: каждый чиновникъ будетъ назначаться и смѣняться народомъ и ему служить. Всѣ дѣйствія и распоряженія властей будутъ подлежать свободному обсужденію устному и печатному (свобода слова и печати). Для защиты своихъ законныхъ интересовъ противъ произвола властей и корыстолюбія и алчности частныхъ лицъ всѣ будутъ имѣть право собираться и соединяться другъ съ другомъ (свобода собраній, стачекъ и союзовъ); каждый будетъ имѣть право вѣрить по своему и открыто заявлять о своей вѣрѣ (свобода вѣры и убѣжденія). Вотъ къ этой то свободѣ мы и призываемъ народъ.

Кромѣ своеволія мы, по словамъ Архіепископа, еще призываемъ народъ къ грабежамъ. Мнѣніе такое онъ составилъ на основаніи правительственнаго сообщенія о бунтѣ Полтавскихъ и Харьковскихъ крестьянъ. Не о грабежахъ, а о прекращеніи ихъ думаемъ мы. Открыто заявляя, что при такъ называемомъ освобожденіи крестьянъ от помѣщичьей власти они были нагло ограблены (громадная часть земли оставлена за помѣщиками, за другую часть, такъ же изъ вѣку принадлежавшую крестьянамъ, они уплатили правительству и продолжаютъ платить чудовищные по размѣрамъ выкупные платежи) мы требуемъ возвращенія крестьянамъ отрѣзанной у нихъ земли и всѣхъ уплоченныхъ ими выкупныхъ платежей и уничтоженія всѣхъ вообще повинностей и податей, лежащихъ на мелкой земельной собственности, этото налога и на нищенскую суму, и приглашаемъ народъ требовать похищенное у него и не допускать себя больше обворовывать.

Мы соціаль-демократы, пришли къ убѣжденію, что насиліе и обираніе трудящагося большинства меньшинствомъ тунеядцевъ не прекратятся, пока не исчезнетъ самый худшій видъ кражи, кражи рабочей силы, здоровья и жизни рабочихъ, ежедневно открыто производящейся на всѣхъ заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ и во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и призываемъ рабочій классъ къ трудной и долгой борьбѣ за соціализмъ, т. е. за та-

кой строй жизни, при которомъ всѣ орудія труда (земля, фабрики и заводы) и всѣ плоды труда будутъ принадлежать самимъ рабочимъ и только имъ однимъ, когда не будетъ ни рабовъ, ни господъ, ни слугъ, ни хозяев. Да здравствуетъ соціализмъ и политическая свобода и да погибнутъ всѣ насильники и лицемѣры, подавляющіе и затемняющіе народное самосознаніе!.

Самара, 7 Января 1903 г.

Проклоламація 1903 г. (гектограф).

Вставай, подпимайся, рабочій народъ!
Вставай на борьбу, братъ голодный.
Раздайся кликъ мести народной:
Впередъ, впередъ, впередъ!

Не успѣлъ еще стихнуть громъ выстрѣлов въ Ростовѣ, въ Тихорѣцкой, какъ опять льется рѣкой рабочая кровь, опять выстрѣлы, опять стоны убитыхъ и раненых...

На этотъ разъ, товарищи, эти убійства совершались почти рядомъ съ нами въ г. Златоустѣ. Знаете-ли вы, что тамъ убили наповалъ 69 человѣкъ и ранили около 100 человѣкъ?! нашихъ товарищей—рабочихъ?! Страшно вѣрить такимъ цифрамъ, а между тѣмъ это правда, кровавая правда.

Вотъ первыя извѣстія, полученныя съ мѣста этой бойни.— Въ Мартѣ рабочимъ казенного Златоустовскаго завода были розданы новыя разсчетныя книжки, въ которыхъ, во 1-хъ устанавливалась 12-ти часовая двухсмѣнная работа, вмѣсто бывшей 8-ми часовой трехсмѣнной, во 2-хъ вводилась оплата рабочими всѣхъ поломанныхъ инструментовъ, машинъ, станковъ и проч. въ 3-хъ устанавливались громадные штрафы за всякія отступленія отъ заводскихъ правилъ и угрожалось даже тюремнымъ заключеніемъ до 3-хъ мѣсяцевъ.—Рабочіе отказались принять эти книжки и забастовали. На третій день стачки 12-го марта прибылъ Уфимскій губернаторъ съ войсками. Онъ запретилъ всякія сборища и потребовалъ 4-хъ депутатовъ отъ рабочихъ для переговоровъ. Депутаты были выбраны и объявили губернатору, что рабочіе требуютъ отмѣны новыхъ правилъ. Въ эту-же ночь всѣ 4 были арестованы. На другой день толпа рабочихъ тыс. въ 5 чел., возбужденная арестомъ своихъ товарищей, явилась къ губернатору. Въ толпѣ были и забастовавшіе рабочіе сосѣдняго казеннаго Русинскаго завода. При появленіи губернатора рабочіе сняли шапки и просили выдачи арестованныхъ товарищей. Изъ толпы вышла женщина, жена одного изъ арестованныхъ подвела къ губернатору дѣтей и сказала: „Вы взяли моего мужа, такъ берите и дѣтей. мнѣ ихъ кормить нечѣмъ“. Одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ около губернатора, отвѣтилъ ей отборной руганью. Женщина не стерпѣла и ударила мерзавца. Тотчасъ всѣ набросились на нее и избили шашками. Рабочіе заволновались, послышались угрожающіе возгласы: „подождите, побьем и мы васъ всѣхъ“. Этого было достаточно. Безъ всякаго предупрежденія раздалась команда: стрѣлять. Грянулъ залпъ и

200 выстрѣловъ ударили въ беззащитную плотно сомкнутую толпу. На мѣстѣ осталось свыше 60 чел. убитыхъ и до 100 чел. раненыхъ. Убито много женщинъ и дѣтей... Толпа разсѣялась. Полиція подобрала трупы и свезла ихъ на кладбище. Но черезъ нѣкоторое время опомнившіеся люди явились туда и разнесли трупы по домамъ. Вотъ все, что пока извѣстно. Войска продолжаютъ стягиваться изъ Уфы и Самары. Въ Уфе боятся волненій и рѣшили примѣнить новую мѣру: расквартировать казазаковъ по квартирамъ рабочихъ. Всѣ изложенныя факты такъ краснорѣчивы, что не требуютъ никакихъ поясненій. Не найдется человѣка, чье сердце не дрогнуло-бы при описаніи кровавой расправы, чья душа не загорѣлась-бы противъ звѣрей— ставленниковъ царскаго правительства. Кровь убитыхъ вопіетъ къ намъ товарищи!

Наступили тяжелыя времена въ Россіи. Насъ, создающихъ своими мозолистыми руками все богатство, все могущество Россіи, работающихъ въ потѣ лица всю свою терпѣливую жизнь, насъ травятъ какъ разбойниковъ, хватаютъ въ тюрьмы, хлещутъ нагайками и розгами, разстрѣливаютъ и рѣжутъ, какъ бѣшенныхъ собакъ!..

Стрѣляли в Петербургѣ, въ Варшавѣ, стрѣляли въ Батумѣ, Полтавѣ и Харьковѣ, стрѣляли въ Ростовѣ въ Тихорѣцкой, стрѣляли въ Златоустѣ... Кто поручится, что завтра такая бойня не повторится въ Уфѣ, въ Самарѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, что завтра наши собственныя жены, дѣти, братья не падутъ мертвыми отъ руки этихъ наемныхъ убійцъ, называющихся царскими слугами?.. Царское правительство щедро награждаетъ ихъ за ихъ кровавые подвиги. Оно хочетъ потопить въ крови всѣ завѣтныя думы рабочихъ, заглушить выстрѣлами все громче раздающійся голосъ пробуждающагося русскаго рабочаго. Такъ пусть-же этотъ голосъ бурей прокатится по всей Россіи; пусть кровь невинно убитыхъ зажжетъ наши сердца огнемъ и жаждой борьбы за свою жизнь, за свою долю, за свои человѣческія права. Пусть эта кровь не даетъ намъ покоя, пока не наступятъ новые времена, пока не перестанетъ литься кровь, не перестанетъ раздаваться стонъ и плачъ на родимой землѣ. Вставайте, вставайте, товарищи! Нельзя быть покойнымъ, нельзя спать, нельзя терпѣливо жить въ такія времена.

Лишь силой нетерпѣнія освобождается народ.

Самарскій Комитетъ Р.С.Д.Р.П.
Марта 1903 года.

Предлагаемъ всѣмъ товарищамъ устроить сборъ въ пользу семей убитыхъ и раненыхъ рабочих.

Проклoмация 1903 г. (гектограф.).

Участники Думы—предатели народа!

Отказывайтесь отъ выборовъ!

Россійская Социіал-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Царское правительство доживаетъ послѣдніе дни. Оно продаетъ, предаетъ, и разстрѣливаетъ всю Россію, чтобы хоть на мигъ отдалить грозный часъ народного суда. Оно опирается еще на безсознательную часть арміи, на полицію и жандармов. Но на ихъ содержаніе нужны деньги, а денегъ у царскаго правительства нѣтъ. Народъ не платитъ податей и налоговъ, беретъ свои деньги изъ кассъ и банковъ. Заграничные банкиры отказываются ссужать правительство, которому народ изрѣкаетъ смертный приговоръ, и требуют за займы поручительство народныхъ представителей Царское правительство хочетъ подделать народное представительство и подъ охраной штыковъ и пушекъ провести въ Думу своихъ ставленниковъ, готовыхъ продать и предать свой народъ за Іудины сребряники.

Всякій кто будетъ участвовать въ выборахъ представителей в царскую Думу, будетъ помогать правительству воровъ и палачей продавать Россію иностраннымъ банкирамъ для того, чтобы на полученныя деньги царское правительство наводнило города и деревни наемными убійцами въ полицейскихъ и казацкихъ мундирахъ и съ помощью новыхъ пушекъ и пулеметовъ затопило въ крови народной стремленіе измученнаго и изголодавшегося народа взять свою судьбу въ свои руки.

Долгъ честнаго гражданина всѣми силами воспрепятствовать созыву царской черносотенной Государственной Думы и поддержать пролетаріатъ и революціонное крестьянство въ ихъ послѣдней, близкой уже, борьбѣ с царскимъ правительствомъ за власть народа, за Учредительное Собраніе на основахъ всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов.

Долой царскую черносотенную Государственную Думу!

Участники Думы—предатели народа!

Отказывайтесь отъ выборовъ!

Боритесь за Учредительное Собраніе!

Самарскій Комитетъ Россійской Социіал-Демократич. Рабочей Партіи.

Не выбирайте представителей въ Государственную Думу!

Долой царскую черносотенную Государственную Думу!

Боритесь за Учредительное Собраніе!

Проклемация 6-го года, изданная по поводу выборов в І-ю Госуд. Думу (печатная)

Мы милостью, пушекъ, пулеметовъ и нагаекъ, Николай вторый и последній.

Данникъ Японскій, покоритель Прибалтійскій Кавказскій. Сибирскій, укротитель Саратовскій, Тамбовскій, палачъ Польскій, клятвопреступникъ Финляндскій и проч. проч. преступленія совершившій, объявляемъ всѣмъ нашимъ маловѣрнымъ подданнымъ:

Въ непрестанномъ попеченіи о нуждахъ народныхъ и въ цѣляхъ тѣснѣйшаго единенія Нашего съ излюбленнымъ народомъ Нашимъ, признали Мы за благо: въ каждую деревню взамѣнъ урядниковъ назначить свиты нашей генералъ-адъютантовъ съ подобающимъ окладомъ. Въ виду недостатка въ означенныхъ генералахъ, въ видѣ временной мѣры повелѣваемъ производить въ сей чинъ всякаго околоточнаго, организовавшаго черную сотню и устраивавшаго погромъ. Потребныя для сего суммы, за пустотой казны нашей, повелѣли Мы нашему министру финансовъ, по укоренившемуся обычаю, занять за границей.

Къ крайнему Нашему прискорбію злонамѣреннымъ лицамъ удалось доказать заграничнымъ банкирамъ, что Мы съ Августѣйшимъ домомъ Нашимъ и двора Нашего приближенными разворовали все золото и подмѣнили его ничего не стоющими бумажками. Съ другой стороны доселѣ покорный волѣ нашей мужикъ, не токмо отказался голодать и содержать любовницъ Нашихъ и чиновниковъ, но, слушаясь злыхъ подговоровъ нелюбезных сердцу Нашему крамольных забастовщиковъ—рабочихъ, сталъ захватывать помѣщичьи и Наши собственныя земли и изгонять излюбленныхъ нашихъ дворянъ изъ ихъ помѣстій, а Насъ съ Августѣйшимъ домомъ и вовсе изъ Россіи.

Всѣ сіи прискорбныя обстоятельства вынудили Насъ учинить расправу, именуемую Государственной Думой, дабы оная Дума удержала Насъ на тронѣ, помѣщиковъ же Нашихъ въ имѣніяхъ, а мужиковъ въ голодѣ и кабалѣ, крамольныхъ же забастовщиков вовсе уничтожила. Для участія въ выборах всего населенія повелѣваемъ тащить избирателей на арканѣ, подстегивая нагайкой, а для вящей свободы выборовъ, на оныхъ присутствовать шпіонамъ и полиціи съ такимъ разсчетомъ, чтобы угодные

народу, но неугодные Намъ кандидаты беззамедлительно отправлялись въ тюрьму, буде-же по обстоятельствамъ дѣла понадобится—и на висѣлицу. При этомъ считаемъ своимъ священнымъ долгомъ объявить Нашимъ легковѣрнымъ подданнымъ, дабы они не тщилися провести въ Нашу Думу своихъ представителей, поелику послѣдніе къ полицейско-жандармскому званію не принадлежатъ.

Объявляя о таковомъ Нашемъ неуклонномъ рѣшеніи, предлагаемъ Нашему корпусу жандармовъ передать Наше Монаршее благоволеніе холопски-угодливымъ кадетамъ, а по миновании въ нихъ надобности засадить оныхъ въ тюрьму, утѣшая скорой амнистіей.

Дано в Царскомъ Селѣ въ лѣто от Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестое царствованіе же Нашего послѣднее.

На подлиномъ подписалъ **Николай вторый** (рукой народа добавлено) **и послѣдній**.

Раздобылъ и издалъ Самарскій Комитетъ Россійской Социалъ—Демократической Рабочей Партіи.

Проклomация 1906 года (печатная).

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Ко всѣмъ солдатамъ Самарскаго гарнизона.

Товарищи солдаты!

Тяжело живется намъ въ казармѣ. Тяжелыя меры придумало начальство, чтобы какъ можно больше отрѣзать насъ от вольной жизни, чтобы до насъ, солдатъ, не дошли вѣсти о томъ, что творится въ народѣ. Разстрѣлы, висѣлицы, тюрьмы и голодъ— вотъ что переживаетъ русскій народъ. Кулаки-помѣщики, фабриканты-капиталисты и самодержавные чиновники гнутъ народъ въ бараній рогъ. Всю лучшую землю у крестьянъ забрали помѣщики. Йдетъ крестьянинъ въ городъ, но и здѣсь не находитъ работы. Фабриканты нарочно закрываютъ фабрики, чтобы голодомъ заставить смириться крестьянина и рабочаго. Прихожій деревенскій крестьянинъ дѣлается городскимъ нищимъ. Старики, женщины и дѣти крестьянскіе цѣлыми толпами бродятъ по роскошнымъ улицамъ города и ищутъ заработка. Трогательная мольба о милостыни превращается в ужасающіе вопли. Обнищалъ, совсѣмъ разорился крестьянскій людъ.

Царское самодержавіе и теперь еще приказываетъ своимъ губернаторамъ, земскимъ начальникамъ выколачивать съ крестьянъ по больше податей. Онъ еще по старому забираетъ у крестьянъ послѣднее имущество за неимѣніемъ готовыхъ грошей, а непокорныхъ сажаетъ въ тюрьму и ссылаетъ в Сибирь.

Гдѣ же искать народу защиты? У правительства? Нѣтъ, не интересы бѣдныхъ крестьянъ и рабочихъ защищаетъ правительство, а интересы помѣщиковъ и капиталистовъ. Вѣдь все правительство состоитъ изъ людей богатыхъ, а свой своему по-неволѣ братъ. Противъ этихъ-то угнетателей и борется народъ. Нельзя жить безъ земли, да и безъ воли жить трудно. Сегодня землю возьмемъ, а завтра помѣщики опять отнимутъ, если у насъ правъ не будетъ. Потому-то и борется народъ за землю и волю.

Возсталъ народъ въ 1905 году, потребовалъ земли и воли, присоединились къ возставшему народу во многихъ городахъ солдаты, и царь со своими министрами испугались на смерть. Эта шайка выпустила манифестъ въ которомъ говорилось, что даруется всему народу свобода. Но гдѣ эта свобода? Та ли, которая теперь у насъ въ Россіи? Та ли страна свободная, въ которой самодержавные слуги свободно вешаютъ, разстрѣливаютъ и сажаютъ

въ тюрьмы? Стало-ли намъ легче служить, товарищи-солдаты, отъ того, что самъ Николай второй „собственноручно“ подписался на этомъ лживомъ манифестѣ?—Ничуть. По-прежнему насъ заставляютъ стрелять въ нашихъ-же отцовъ и матерей, по-прежнему адская военная дисциплина превращаетъ насъ в бездушную машину и по старому наши отцы-командиры считаютъ насъ казарменными баранами.

Кто же такіе солдаты и чьи интересы имъ ближе, интересы ли правительства, или же рабочихъ и крестьянъ?

Солдаты все тѣ же рабочіе и крестьяне, а потому у нихъ и интересы одни съ крестьянами и рабочими. Солдатъ каждый день, каждый часъ думаетъ о своей родинѣ, гдѣ остались его близкіе, его родные. Письма же съ родины къ нему рѣдко доходятъ, да и, притомъ, эти редкія грамотки начальство не даетъ солдату непосредственно въ руки, а сначала само просмотритъ, нѣтъ ли тамъ чего про горе народное, нѣтъ ли горькой правды пронасиліе угнетателей, которые со всѣхъ сторонъ опекаютъ крестьянъ, и рабочихъ подъ видомъ ли земскаго начальника, подъ проповѣдью ли христолюбиваго попа, подъ нагайкою ли полицейскаго стражника... Выходятъ у насъ газеты, хотя и не совсѣмъ хорошія, а все же правду пишутъ, гдѣ что дѣлается. Но доходятъ ли эти газеты до насъ? Нѣтъ, товарищи, не считаетъ наше начальство солдатъ за гражданъ, не позволяетъ намъ читать хорошихъ книгъ и газетъ. Для насъ, солдатъ, начальство выписываетъ цѣлыми тюками черносотенныхъ, хулиганскихъ газетъ: „Вѣче“, „Почаевскія извѣстія“, „Русская Земля“ и прочую мерзость, дабы мы начитались этихъ подлыхъ газетъ, а потомъ вмѣстѣ съ подкупленными правительствомъ хулиганами громили евреевъ. Въ самодержавныхъ законахъ нѣтъ о томъ, чтобы солдаты устраивали погромы на евреевъ, а потому начальство подсовываетъ хулиганскія газеты—на молъ, понимай, солдатъ, кто твой врагъ! Но враги ли намъ евреи?—Они намъ братья и мы должны вмѣстѣ бороться противъ общаго врага—самодержавія. Вотъ что правительство изъ насъ хочетъ сдѣлать--громилъ! Чуть не каждый день у насъ происходятъ обыски и за каждую книжку или газету съ воли садятъ на гауптвахту или „подъ ружье“. Боится начальство, что призадумается солдатъ и надъ своей солдатской долей и, пожалуй, откажется итти усмирять возставшій народъ. Вотъ эта то боязнь и заставляетъ начальство слѣдить за нами, посылать шпіоновъ и не выпускать изъ казармы.

Товарищи-солдаты! Всегда ли справедливы требованія и приказанія нашего начальства? Не надо забывать, что здѣсь, въ казармахъ, мы только на время, а потому п связь съ народомъ не надо порывать. Надо такъ же помнить, что теперь народъ ведетъ борьбу съ своими врагами и надѣется на нашу солдатскую помощь. Помощь же наша народу будетъ состоять въ томъ, чтобы не усмирять народъ по приказанію начальства, а итти ему на встрѣчу и помогать съ оружіемъ въ рукахъ противъ тѣхъ, кто угнетаетъ народъ. Для этого необходимо, чтобы все войско

сдѣлалось сознательнымъ, чтобы войсковыя части другихъ городовъ многострадальной Россіи сорганизовались въ военныя организаціи.

Мы же солдаты Самарскаго гарнизона должны организоваться въ Самарскую Военно-Революціонную Организацію Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи. Это—партія рабочего класса, которая единственно можетъ указать намъ вѣрный путь борьбы съ царскимъ самодержавіемъ и переходъ къ соціализму.

Да здравствуетъ Самарская Военно-Революціонная Организація Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи!

Самарскій Комитетъ Военно-Революціонной
Организаціи Р. С.-Д. Р. П.

Апрѣль, 1908 г. Печатано 2000 экземп.

Прокломація 8-го года разбросанная по Самарскимъ казармамъ. (печатная)

СХЕМА ПОДПОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С-Д. ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ И САМАРЕ

Схема подпольной деятельности С-Д. организации в России и Самаре.

1902 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре.	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
2 IV. Убийство Сипягина студентом Балмашевым Начало диктатуры Плеве. Весной. Крестьянские волнения в Харьковской губ. Учреждение ряда охранных отделений в провинциальных центрах для борьбы с растущей революцией.	Рост рабочих с.-д. организаций, Начало демонстрационного движения. Начало „Зубатовщины": организация в Москве общества взаимопомощи рабочих механических мастерских.	IV Белостокская конференция [illegible] решения вопроса о созыве 2-го [illegible] съезда. Избрание "Организационного [illegible] комитета" для подготовки съезда. [illegible] полицией участников конференции [illegible] низационного Комитета" Весна. Переезд в Лондон [illegible] туда издания „Искры" 1 IV. От имени ред. „Искры" [illegible] опубликован проэкт программы Р. С. Д. Р. П. которая на 2 съезде [illegible] программой партии. X 2-я [illegible] конференция [illegible] выборы второго „Организационного Комитета" частью „Искровского" направления	Рост рабочих кружков [illegible] IV [illegible] [illegible] Кузнецова [illegible] V Празднование 1 мая (прогулка [illegible])	Во главе организации—„Бюро Восточного района", объединяющее 17 комитетов Поволжья. Наряду с этим [illegible] Самарский [illegible] С.-Д. партии При фабриках, заводах, [illegible] организованы [illegible] С.-Д. кружки. От [illegible] кружка один представитель [illegible] в К-т [illegible] и „Бюро Восточного района". В кружках работа [illegible] культурно-просветительная, пропагандистская. Обсуждаются вопросы [illegible] безземелье крестьян, тяжелые условия работы, растущая безработица. Читаются лекции по полит. экономии	„Прапор" (меньшевик), Мещеряков (токарь-большевик), Мальков (слесарь-большевик), Протопоп Демьян, „Ваня" (учен. ж. д. техн. уч.), Мухин, Веселов, Артамонов и П. Горбачев.	

1903 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России	Рабочее движение в Самаре	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
IV. Еврейский погром в Кишеневе V. Положение о назначаемом земстве в 9 западных губерниях. 6/V. Убийст. Уфимского губернатора Богдановича (за кровавое усмирение рабочих в Златоусте 4/VI. Подчинение фабричной инспекции губернаторам, учреждение уездной полицейской стражи.	Великая рабочая стачка на юге России (особенно в Ростове на Дону). 2 III. Бакинская демонстрация. 9/III. Батумская демонстрация.	Благодаря напряженной деятельности ОК по созыву 2 с'езда большинство мест. комитетов к лету было уже „искровского“ направления Переезд в Женеву и перенесение туда изд. „Искры“ 2-й с'езд Р.С.Д.Р.П. (VII -Брюссель.- VIII—Лондон). Состав—20 местных организаций. Гр. Осв. Тр., Орг. „Искры“ Загр Ком. „Бунда“, ЦК „Бунда“, Лига Рев. С. Д., Загр. Союз русских С. Д.—43 делегата с 51 гол. и 14 челов. с совещательным гол Деятельность: 1) Утверждена парт программа. 2) Организация партии. 3) Резолюция об отношениях к либералам		Организация делится на 3 района: механический, городской и железнодорожный В городской район входят все мелкие предприятия находящиеся в городе как-то: типографии, булочные, пекарни швейн. мастерские и пр. в железнодорожный—все предприятия ж. д. В механический -металлургические заводы, как например, литейные, лесопильные заводы, крупные мельницы. Жигулевский завод. Свечной завод и пр. крупные предприятия.	„Владимир“, „Антон“ Рабочие: Радаев, Як. Малышев, Новиков, А. Коростелев, Г. Коростелев, Артимонов, Л. Фролов, Ил. Никитин. Картуков, Разумов, Туманов, Новиков.	
VII Витте лишается реальной власти (назначение на должность председателя К-та министров). Победа Плеве. VIII. У армян отбирается церковное имущество.	VII. Рабочие волнения и демонстрации в Киеве, Одессе и Елисаветграде. Зарождение в Москве профессионального союза печатников. IX Забастовка в Москве печатников.	Раскол партии на две фракции -большевиков и меньшевиков. разногласия в вопросах: во-первых о том, кто должен считаться членом партии, а также 2) о взаимоотношениях между ЦК и ЦО. 3) о составе Ц Орг. и ЦК. Во главе первых становятся В. И. Ленин, во главе вторых—Ю. О. Мартов. Мартовцы отказались принять участие в выборах ЦК По проекту Ленина ред. „Искры“ вместо 6-ти лиц должна быть из 3-х Недовольство мартовцев и отказ Мартова, Потресова, Засулич и Аксельрода принять участие в новой ред. № 46 „Искры“, как ЦО партии.		В рабочих кружках при фабриках и заводах пропагандистами разоблачается „Зубатовщина“. На 2-й с'езд Р.С.Д.Р.П представителя от Самары нет.		Аресты перед 1 мая, портных, рабочих, металлистов, студентов, (среди последних попадают сынки местной буржуазии).
		Борьба меньшевиков против большевиков: с'езд Лиги рус. рев. С. Д и резолюция с призывом партийных работников к борьбе против большевистского „бюрократического“ централизма Представитель ЦК об'явил „Лигу“ ея с'езд и резолюцию незаконными.				
XI—XII Япония провоцируется на войну, чтобы отвлечь общество от нарастающего революционного угара.	По инициативе г. Гапона на Выборгской стороне в СПВ. организуется рабочее собрание: вырабатывается проэкт устава,	Плеханов переходит к союзу с меньшев., Ленин уходит из ред. „Искры“. После ухода Ленина Плеханов приглашает в ред. „Искры“ старый состав и, с № 52 „Искры“ принимает меньшевистский характер.				

1904 год (Начало 1-й русской революции).

Факты общ. политика.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России	Рабочее движение Самаре.	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии
1. Разгром Тверского земства. 8. I. Начало Японской войны. Неудача на суше и на море 15/VII. Убийство Плеве Созоновым. VIII. Падение Ляояна. 26/VIII. Назначение Святополк-Мирского на место Плеве; начало правительственной весны. 16/XI. Речь Святополк-Мирского о доверии к общественным элементам. 12/XII. Указ о реформах в положении крестьян, печати, раскольников, организации суда и т. д. 20/XII. Падение Порт-Артура.	II. Утверждение устава Гапоновского „собрания русских фабрично-заводских рабочих СПБ“. 1 IV. Открытие рабочего собрания. Стачка нефтяных рабочих в Баку при содействии с.-д. организации Балаханских и Биби-Эйбацких рабочих. 20/XII. Конфликт между Гапоновскими рабочими и администрацией Путиловского завода.	Напряженная борьба между большевиками и меньшевиками в центре и на местах VII. ЦК партии вступил в соглашение с меньшевиками и кооптировал в свой состав несколько меньшевиков VIII. Обращение ЦК к партии с заявлением: 1. Полная законность состав ред. ЦО, 2. Предложение кооптировать в состав ред. Ленина, нежелательность созыва общепартийного с,езда, 4. Предложение созвать конферен. для примирения враждующих фракц. Борьба большевиков, во главе с Лениным, с ЦК из за кооптации меньшевиков в его состав Образование на 3-х конференциях (южной, кавказской и северной) большевиками „Бюро Комитета Большинства“. Агитация за созыв 3 С,езда. Меньшевики в связи с банкетной кампанией проповедуют поддержку либералов и „непугание“ либералов. 22/XII. Выход № 1 газеты „Вперед“	...Забастовка кружечников Поволжья... З..б..товки протеста против Японской войны	Нач ло массовок за Волгой и за Самаркой. В кружках ведется усиленная агитация против Японской войны и Гапоновских рабочих собраний В партийных кругах напряженная борьба между большевиками и меньшевиками.	П. Кузьмин, „Соломон“ (Левский), „Борис“ и „Сергей“ (интеллигенты). Скороходов, Долгов, Донских, А. Буянов, А. Н. Бронин (механик Зингера), В. Арцыбушев, Л Ильины, Марков. Чернышев	

1905 год. (Разгар 1-й революции)

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д в России.	Рабочее движение в Самаре	С.-Д в Самаре.	Виднейшие партийные работники	Аресты и репрессии.
9 I Расстрел рабоч., руководимых Гапоном у зимнего дворца 9 I Комиссия Шидловского для выяснения причин недовольства СПБ рабочих 4 II Убийство Каляевым Вел. кн. Сергея Александровича 6-9/II Армянская резня в Баку II. Разгром русских армий под Мукденом. 18 II. Рескрипт Булыгина о созыве народных представителей. 14 V Разгром русского флота под Цусимой 6.IV Депутация земских деятелей у Николая II (речь кн. С. Трубецкого). 14 VI Восстание „Потемкина Таврического„. 6)VIII. Положение о совещательной „Булыгинской“ думе 16/VIII Портсмутский договор и апогей влияния Витте 17 X Манифест 17 октября и премьерство Витте. Кон. X. Черносотенные погромы, руководимые Треповым. XI. Царизм оправляется от паники и переходит от уступок к политике открытой контр-революции.	Забастовка Путиловских рабочих. 6 I Гапоном составлена петиция Забастовки на политической почве прокатываются по всей России Перманентные аграрные волнения V Массовое забастовочное движение в Иваново-Вознесенске. VI. Лодз. забаст. „Дни свободы“ в Нижнем и Сормове 19 IX. Стачка тип. раб. в Москве 6 X. Начало Всероссийской политической забастовки (Инициатор „Всероссийской железнодорожный союз“) 13 X-3 XII Работа. Соб. Сов. Раб. Деп. под председ. Хрусталева-Носаря; создание Исп. Ком. С. Р. Д. Выход „известий С. Р. Д.“ 19/X. С. Р. Д. Провозглашает фактическую свободу печати 29 X С. Р. Д. вводит 8 ми часовой рабочий день. 2-5 XI С. Р. Д. проводит забастовку протеста против суда над. участн. Кронштадт. восстания и против военного полож. в Польше. 15/XI Поддержка почт. тел. забаст.	II Арест у Л. Андреева большинства членов ЦК. II. „Бюро комитета большинства“ разослало местным организациям приглашение на партийный с'езд. Протест меньшевистского Совета партии. ЦК присоединяется к решению „Бюро К-та большинства“ созвать с'езд. „Вперед“ орган большевиков. Большинство организаций партии становится на точку зрения большевиков. V. 3-й С'езд РС-ДРП и конференция меньшинства. Пересмотр на с'езде устава партии, уничтожение совета, сосредоточение власти в ЦК, которому подчиняются ред. ЦО (Искра как оппортунистический орган, лишилась звания ЦО; взамен ее „Пролетарий“) Тактические резолюции: организация вооруженного восстания и участие в революционном правительстве: антиреволюционный характер буржуаз. демократического направления во всех оттенках Во изменение аграрной программы по предложению Ленина с'езд высказывается за поддержку крестьянского движения вплоть до конфискации всех помещичьих земель. Меньшевитская конференция констатировала распад партии, уничтожение совета партии, признала „Искру“ фракционным органом и выбрала Орг. Ком. поручив ему вступить в переговоры с большевиками о восстановлении единства. IX ЦК во главе с Лениным обратился с призывом бойкотировать Гос. думу X Конференция по вопросу об отношении к Гос. Думе (бойкот кроме представителей меньшевиков). „Искра“ против бойкота После 17 X появление легальных С. Д. газет. „Новая жизнь“, „Борьба“ (большевистские), „Начало“, „Московская Газета“ (меньшевитские).	Частичные забастовки протеста против расстрела Питерских рабочих. Массовой демонстрации нет. 1 V Празднование 1 мая, массовка за Постниковым оврагом, рабочее гулянье в Струковском саду. Попытка к организации союза металлистов VIII Начало забастовок. Один за другим встают все фабрики и заводы IX-X Жел. дор. забастовка, как начало „Всеобщей забастовки“ рабочих. Встали все фабрики и заводы повсюду происходят митинги, главным образом, в Нар. Пушкин. Доме Грандиозная демонстрация рабочих г. Самары, столкновение с полицией: Убийство т. Карасева, демонстративные его похороны Организация стачечных К-тов и Сов. Раб. Деп. под председ. т. Ф. Казанского Всеобщая забастовка протеста против предания суду главарей жел. дор. забастовки.	Издание листовки по поводу 9 января Японской войны и т. п. С.-Д. организация руководит рабочим движением. Организация партийных боевых дружин.	„Казанец“ (Ф. Казанский), „Мишка Медведь“ (Яков Свердлов), Измаилов Серафим, А. Галкин, В. Рябов, С. Евдокимов, Стопницкий „Середа“, „Слеза“ (Пошевский), С. Комаров, И. А. Салов, „Михаил Техник“, „Варена“, Н. Князев, Леонид Ильин, Демидов Жан, Бр. Кузнецовы. Из старых: Саломон „Борис и Сергей“, Бронин, П. Кузьмин, Л. Ильин и др.	Предание военнополевому суду зачинщиков ж. д. забастовки
ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.						
2/XII. Избирательный закон. Подавление вооруженного восстания в Москве Кровавое усмирение в Сибири, Кавказе и Прибалтике.	26/XI. Арест Хрусталева-носаря. Во главе СРД становится Л. Троцкий. 2/XII Манифест СРД призывает отказаться от уплаты казенных платежей и брать вклады из сберегательных касс. 3/XII. Арест СРД.	XII. Переговоры об об'единении обеих фракций: I Конференция большинства (в Таммерфорсе) (Предложение Ленина выбросить из аграрной программы пункт об „отрезках“). 2. Конференция „меньшинства“ в СПБ. Федеративное об'единение ЦК и ОК и решение созвать об'единительный партийный с'езд	XII. Разгром Пушкинского Народного Дома, Совета Рабочих Депутатов и С.-Д. организации			XII. Разгром Пушкинского Нар. Дома, Совета Раб. Депутатов и С.-Д. организации. Арест всех виднейших работников.

1906 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре.	С.-Д в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
20/II Законы о новой организации Госуд. Думы и Госуд. Совета. 23/IV. Новые основные законы. 27/IV. Созыв 1-й Госуд. Думы и Министерство Горемыкина. 13/V Ответ Горемыкина Думе. 5 Конфликт правительства с Госуд. Думой 6. Переговоры Столыпина, Трепова и Ермолова с Муромцевым и Милюковым об образовании К.-Д. Министерства. 8/VIII. Разгон 1-й Думы, и диктатура Столыпина (Начало Дворянской Реакции) 20/VIII. Введение военно-полевых судов для борьбы с революцией 7/X. Сенатские разъяснения к избират. закону Госуд. Думы. 9/XI. Аграрное законодательство Столыпина. (Выделение из общины хозяйственно-сильных „мужичков“).	4/III. Закон о профессиональных рабочих союзах. Рабочая Группа в Государственной Думе. 1/V. Широкое празднование 1 Мая. Попытки восстаний и забастовок.	Об'единенный ЦК (из 6 ч. по 3 от фракции) для подготовления общепартийного С'езда Партийные известия об'единен. ЦК. Оживленная партийная дискуссия об участии в выборах Госуд. Думы и о пересмотре аграрной программы (в связи с определявшейся ролью крестьянства в процессе революции). IV (Стокгольм. 4-й об'единительный с'езд Р. С. Д. Р. П. (состав: 111 делегатов с решающим голосом и 22 с совещательным голосом; победа меньшевиков, деятельность: новая формулировка программы, вопрос об отношении к Госуд. Думе: использовать конфликты между правительст. и Думой для свержения самодержавия; доказывать населению непригодность Думы и необходимость Учредительного Собрания); (по вопросу о вооруженном восстании отказывались от возбуждающего ложные надежды обязательства вооружения народа, признает необходимость организации дружин. Отвергнуты партизанские действия) IV. Об'единение с Бундом и национальными С.-Д. организ. Выборы ЦК и ред. ЦО, принят новый парт. устав, строящий все организации на начале демократического централизма. IV/V. Легальные большевистские газеты:—„Волна“, „Вперед“. „Эхо“ меньшев. „Невская газета“. „Курьер“, „Голос Труда“ 16/IV. Выступление в 1 Думе С.-Д. фракции с декларацией. Меньшев. выставляют лозунг поддержки требования Ответ. К.-Д. Министерства. VII Колеблющиеся позиции меньш. Военное восстание в Свеаборге: (С.-Д. офицеры Емельянов и Коханский) и в Кронштадте. Провал меньш. тактики в поддержке Госуд. Думы 21/VIII Выход нелегально большевистск. „Пролетария“. XI. Гельсингфорская конференция (по инициативе большев.) „Боевых и военных организаций“. Обще-русская конференция. (Вопросы: во первых об избират. кампании во 2-ю Думу) решено принять участие в выборах и в самой Думе; разногласие между больш. и меньш. о блоках с другими партиями: меньшевики и „Бунд“ за блоки с К.-Д., больш. резко против; 2) О партийном с'езде; (созвать не позже 5 марта 1907 г.); 3) О всероссийском рабочем С'езде (идея Аксельрода). „Активные шаги в организации рабочего С'езда недопустимы до решения общ. парт. с'езда)“.	Массовки за Волгой и за Самаркой. Легальное открытие союза металлистов. Производств. пролетариат бойкотирует выборы в 1-ю Гос. Думу Открытие „Общества Неимущих мещан“. Лето. Ряд стачек на Шерстневском, Лебедевском, Зуевском, Молчановском и др. заводах, организованных союзом металлистов.	Проведение предвыборной кампании в 1 Госуд. Думу Большевики бойкотируют выборы в Госуд. Думу Меньшевики принимают в них участие Организация партийных явочных бирж, на улицах для встречи с рядовыми рабочими (невозможность собираться в помещении ввиду полицейских репрессий). На об'единенном С'езде присутств. представители от Самары: Самарин и Марков. Предвыборная кампания во 2-ю Госуд. Думу; большевики присоединяются к решению Центра, принять участие в выборах но в блок с другими партиями не вступают.	Во главе организации пропагандисты: „Николай Разум“, „Николай Босая Голова“. Вновь вступавшие в парт. организацию рабочие: Любецкий, Хохряков, Панцырев, Куликов, Курмаев, Мосягин, Бр. Белоусовы, и кое кто из старых оставшихся от разгрома 5-го года	

1907 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре.	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии
1 II. Выборы во 2-ю Государств. Думу 20.II—3.VI 2-я Госуд. Дума		С.-Д. принимают участие в выборах в Думу, больш. толг за самостоятельное выступление и допускают блоки лишь с социалистами („Левый блок") меньш. высказываются за блоки с К.-Д. Раскол произведенный меньш. в Петербурге ради блока с К.-Д. 2-4 55 С. Д. депутатов в Думе.	Попытка к экономическим забастовкам Разгром союза металлистов.	Предвыборная кампания во 2-ю Гос Думу. Собрания происходят нелегально в помещении Союзов. По поводу выборов существует два течения — меньш. и большев. Как те, так и другие идут за решением центра.	Выделяются работники. А. Коростелев, „Всеволод", Зубков и Н. Чекалов, Л. И. Малышев, П. Бурухин. В. Федоров, М. Головчанский, И. Фролов, А. Бронин (пред-сед. союза металлистов).	
4—5. Столыпинское „Не запугаете". Постоянные угрозы распустить Думу. Провокация правого крыла Думы и трусливый оппортунизм К.-Д.		4/V. Группа меньш. и больш. в рядах Думской социал-домократии. 4/V. 5-й Лондонский Съезд Р. С. Д. Р. П. партии состав 336 делег — 105 больш., 94 меньш., 57 бунд. Деятельность: исключены вопросы об оценке современного момента и подготовке „к вооруженному восстанию"; необходимо разоблачать контр революц. либерально-монархической буржуазии		Выборы на Лондонский съезд происходят нелегально в „Обществе Неимущих мещан"		
Конец V. Требование Столыпина о выдаче для ареста Социал Демократич. Фракции Думы. Разгон 2-й Думы и Госуд. переворот 3-го Июня. Крайняя Дворянская реакция после 3-го Июня.		Беспощадная борьба против гегемонии К.-Д. над демократическ. и мелкой буржуазией; необходимо разоблачать псевдо-социалистический характер народнических групп, агитация за рабочий съезд осуждена как ведущая к замене Социал-Демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, необходимо чтобы Профсоюзы признавали идейное руководство С.-Д. и устанавливали организац. связь с пар.; выработка нового „Организационного Устава" (сосредоточение власти в руках ЦК; созыв каждые 4–5 месяцев обще-парт. конференции) выбор нового ЦК (неустойчивое большевистское большинство)		Партийная работа сосредочивается вокруг „Общества Неимущих мещан". Партийные собрания ведутся в квартирах рабочих под видом „Гостей". Неудачно пытаются открыть школы грамоты для рабочих при „Обществе Неимущих мещан".		Захвачено собрание в „Общ Неимущих мещан" Арестов. члены Правления союза металлистов Разгром „Механическ. о-ва" (союза металлист.)
1/XI. Созыв 3-й Думы на основе нового избирательного закона и реакционный (Дворянско-буржуазный) ее характер.		3-я Обще Русская парт. конференция под председательством В. И. Ленина Часть больш. (Богданов. Каменев) за бойкот Думы, другая часть с Лениным за участие в Думе для использования ее в интересах революции; меньш. за Думу и за положительную в ней работу				
		XI. Социал Демократ. фракция 3-й Думы. XII. ЦК постановил перенести свою деятельность за-границу, в России оставить небольшое представительство из нескольких членов и небольшой техн. аппарат для обслуживания текущ. дел. „Пролетарий" переносится за границу.				

1908 год. (Глухая реакция в России).

Факты общ полнтики.	Рабочее движение в России	С-Д в России.	Рабочее движение в Самаре	С.-Д. в Самаре	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
Дипломатическая капитуляция России в связи с Австрийской анексией Боснии и Герцеговины	Упадок рабочего движения: [redacted]крытие профессиональных и культурно-просв. орган. ликвидация печати, сокращение заработной платы повышение рабочего времени.	II. Неудачная попытка ЦК установить издание ЦО в России № 1 „Социал-Демократа“. №№ 21 40 „Пролетария“ орг. больш (участвует Ленин, Каменев, Дубровинский) „Голос Социал Демократа“ орг. меньш (участвуют Плеханов, Мартов, Аксельрод, Дан, Мартынов) VIII. Женева. Плен м ЦК (предложение меньш. реорганизовать ЦК, превратить его в информац. бюро, отклонено большевиками; учреждается „Заграничное Бюро ЦК“). „Правда“ Троцкого 21 XII. Париж Всероссийская конференция (создание для России „Пятерки“—узкий состав ЦК. со всеми правами пленума; резкая резолюция против стремления ликвидировать существующую организацию С.-Д. партии; Госуд. Думу необходимо использовать в интересах рев. агитации; отрицательное отношение к деятельности фракции 3-й Думы „Отзовизм“ (левые больш.) во главе с Вольским—необходимость отзыва из Госуд Думы С.-Д фракции. в виду не исполнения данных ей директив. „Ультиматизм“ (левые больш. с Алексинским) пред'явить фракции ультиматум быть строго партийной или отказаться от депутатских полномочий „Ликвидаторство“ (среди меньш. – необходимость во первых ликвидировать старые партийные формы-организационные и тактические (революционно-конспиративные): во вторых стремится по возможности к легальной оппортунистически-культурной деятельности среди рабочих масс, не останавливаясь перед уничтожением партийных рамок (Мартов, Аксельрод. Дан, Черванин, Мартынов)	Упадок рабочего движения Неудачные попытки к организации проф союзов	Организация подпольной типографии. III. Выпуск прокламации. 28 IV. Провал партийной Обще-городской конференции. Выборы на Всероссийскую конференцию в „О-ве Неимущих мещан“ В. П. Арцыбушева.	Хуторянин. Брюк. Герасимов, Шмелев,	Арест 27 делегатов общепартийной общегородской конференции. Высланы: „Всеволод“ А. Коростелев, Шмелев, Зубков, Герасимов. 19 XII Арест Арцыбушева в Москве.

1909 год. (Глухая реакция в России).

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре.	С.-Д. в Самаре	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
Дворянская реакция в стране, (деятельность совета объединенного дворянства, ставка Столыпина на „крепкого мужичка", ломка общины и развитие деревенской буржуазии хуторян и отрубников); расцвет воинствующего национализма, прислужничество 3-й Гос. Думы.	Упадок рабочего движения; разгром рабочей печати и т. п.	Фракционное дробление: больш. распадаются на две части (на Майской конф. в Париже): 1 группа „Вперед" (Богданов, Луначарский, Горький, Алексинский „отзовисты" и „ультиматисты"; и 2-я группа Ленина (Зиновьев, Семенов). Меньш. распадаются так же разные группы: 1-я „ликвидаторы" (Голос С.-Д.") и 2 я партийцы-плехановцы („Дневник Соц.-Дем." Плеханова) Учреждение „Впередовцами" партийной школы на ост. Капри. Выход меньш. „Пятитомника" (Общественное движение в России в начале „XX века").	Образование нового О-ва взаимопомощи книгопечатников. I/V. Забастовка в типографии и редакции „Волжское Слово„—Летом забастовка печатников Левенсона, возбудившая волнение среди всех печатников.	Неудачные попытки к организации рабочего клуба и „О-ва просвещения" для рабочих. Выработка устава Потр. О-ва.	П. Воеводин, Мария Трейман. П. Фролов, Г. Буянов.	Преследование партийных работников. Закрытие собраний.

1910 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре.	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии
Дворянская реакция в стране (деятельность Совета об'единенного дворянства). Ставка Столыпина на „крепкого мужичка" (ломка общины и развитие дворянской буржуазии, хуторян и отрубников). Расцвет воинствующего национализма. Прислужничество 3-й Гос. Думы.	Упадок рабочего движения: разгром рабочей печати и т. п.	15.1—15.II. Пленум ЦК. 14 человек с решающим голосом. 1) больш. „Богдановцы". 2) больш. „Ленинцы". 3) партийцы — „Плехановцы". 4) ликвидаторы; 5) „Троцкисты" и 6) Бундовцы. Деятельность: 1) прекращены издания „Большевитского Пролетария" (№ 50 в декабре 1909 г. последний) и меньш. „Голос С.-Д.". 2) Новая организация ЦК. —Русская Коллегия („Семерка"). 3) создание ЦО партии „Социал-Демократ" с приложением „Дискуссионного листка", 4) резолюция о необходимости об'единить разрозненные нелегальные группы С.-Д. и партийные рабочие ячейки, использовать все легальные учреждения для возрождения массового движения и превратить эти учреждения в опорные пункты С.-Д.- работы Соглашение с Троцким. В редакцию газеты Троцкого „Правда" (в Вене) вводится Каменев. Отказ меньш. войти в русское Бюро ЦК. Срыв меньш. январьского соглашения. Выступление „Нашей Зари". Поездка в Россию Дубровинского Аресты в Москве членов, только что сформировавшейся „Семерки" ЦК, все дальнейшие попытки к ее восстановлению не удавались. 16 XII. Появление № 1 марксистской газеты „Звезда".	Упадок рабочего движения. Открытие 2-го Потребительного Общества рабочих и работниц г. Самары.	Партийная работа вокруг 2-го Потребительного О-ва, через которое рабочие получали нелегальную литературу, как например „Звезда"	П. Воеводин, Кравченко, Ильин, П. Фролов, В. Рябов и С. Евдокимов (последнее два провокаторы).	Преследование партийных работников. Развитие провокаторства

1911 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С-Д в России.	Рабочее движение в Самаре.	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
	Упадок рабочего движения. Закрытие профсоюзов. Ликвидация рабочей печати. Возвращение к старым порядкам на фабриках и заводах.	Совещание членов ЦК в Париже постановляет организовать „Заграничное Бюро“ ЦК. и приступить к созыву Общ. Парт. Конференции для создания нового ЦК. Окончательный раскол Центральных учреждений партии. Школа в „Лонжумо“. Поездка в Россию А. Рыкова, Бреслава и Шварца. Организация русской комиссии к созыву конференции. Влияние больш. „Звезды“ на рабочие массы все усиливается; борьба со „Звездой“ ликвидаторских журналов: „Наша Заря“ и „Дело Жизни“ Переход в руки больш. „Соц.-Дем.“ Конф. большев. заграп. групп.	Упадок рабочего движения	Партийная работа вокруг 2-го Потребительного О-ва и „Красного Креста“. На собрании кружков и на массовках дебатируется вопрос о выходе партии из подполья. Ведется напряженная борьба между большев. и меньшев. Собрания по поводу заграничной конференции.	П. Воеводин, П. Фролов, П. Зеленский и З. Ходаков	

Факты общ. политики	Рабочее движение в России	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре	С.-Д. в Самаре	Виднейшие партийные работники	Аресты и репрессии.
		6—17 I. Парижская конференция партийных работников. Деятельность: 1) ликвидаторы поставлены вне партии; 2) данная конференция об'явлена конференцией всей партии; 3) решено принять участие в выборах 4-й Гос. Думы, 4) произведены выборы ЦК во главе с Лениным. Ленин избран представителем в „Интерн. Соц. Бюро“. В ред. ЦО и „Рабочей газеты“ избраны Ленин, Зиновьев, Каменев.	Возникновение легальных союзов (Союза деревообделочников)	Выезд из Самары некоторых товарищей во избежание провала (уезжает Воеводин и Кучменко)	„Леонид“ — командированный из ЦК. Ис. Зеленский, А. Левин, З. Ходаков, П. Фролов, А. Буянов.	
		III. Парижская конференция оппозиции (партийцы—„Плехановцы“—„Впередовцы“, —„Троцкисты“—„Бундовцы“ представители „Соц.-Дем.“). Решено не признавать революции Парижской конференции и избранных ею центров. Созвана орг. комиссия для созыва конференции оппозиции.		9 II. Провал собрания по поводу заслушания заграничной конференции. После ареста группы Зеленского работают другие т. т. неизвестные Жандармскому Управлению и разрозненно		10 II. Разгром конспиративн. квартиры и С.-Д. организации. Высланы в Нарымский край. Ис. Зеленский, А. Левин, З. Ходаков.
		22 IV. Выход в Петербурге № 1 „Правды“ легального органа большев.				
Крылатые слова министра Макарова в 3-й Думе по поводу Ленских событий „Так было, так будет“.	4/IV. Расстрел рабочих на Ленских Золотых Приисках. Последующая волна политических рабочих стачек	VIII. Венская конференция Впередовцев, сторонников Троцкого и меньш. (Августовский блок).	Частичные политические забастовки протеста против расстрела рабочих на Лене			
Выборы в 4-ю Госуд. Думу.	23 VI. Закон о государственном страховании рабочих.	В Госуд. Думу прошло 13 С.-Д. (Большевитская „Шестерка“, Муранов, Бадаев, Шагов, Самойлов, Петровский, Малиновский; меньш. „Семерка“: во главе с Чхеидзе и Скобелевым). „Луч“—газета ликвидаторов. Закрылась „Правда“ Троцкого в Вене.	V. Частичные однодневные забастовки 1-го Мая (главным образом типографий). V. Однодневная забастовка на Трубочном заводе. Забастовка служащих крендельных заведений (в Самаре) и сахарного завода (в Богатове).	Оживление партийной работы во время выборов в 4 Госуд. Думу. По рабочим куриям проходит С.-Д. Вместе с компанией по выборам в Думу попытка вообще расширить партийную работу.		

1913 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре.	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
	Под'ем рабочего движения. Рост стачек Деятельность С.-Д. депутатов в Гос. Думе. Страховая избирательная кампания.	28/XII—1/I Краковское заседании ЦК (Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Сталин, Малиновский, Бадаев, В. Петровский, Лобов, Медведев, Трояновский, Розмирович). „Резолюция февральского 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками". Раскол среди „Впередовцев"	Январьская забастовка на Трубочном заводе, против увольнения рабочих с завода.	Работа вокруг больничных касс. Партийная деятельность сосредотачивается вокруг Трубочного завода. В организацию входит много рабочих металлистов.	Кравченко, Ильин, Белов, Станкевич, Кукушкин, И Фролов	
	Стачки в память годовщины Ленских событий.	27/VII. В деревне Поровин (в Галиция) частное совещание членов ЦК (Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Малиновский) Отношение к С.-Д фракции 4-й Думы вопросы о газете „Правда" книгоиздательстве „Прибой", о московском партийном органе, об отношении к приказчичьему и кооперативному с'ездам, к меньш. и „Впередовцам").	1/V. По согласию с хозяевами некоторые типографии и заводы не работают.	Организация усиливается за счет административно-высланных.		
	Приказчичий с'езд.		Попытка организовать общество „Металлист и общество „Маяк".			
	Рост стачечного движения.	25/VIII. № 1 „Нашего Пути" в Москве. (12/XI. Последний №). IX. Приезд „Шестерка" в Поронин:	Летняя забастовка на Трубочном заводе по поводу расчета товарищей „партийных".			
9/X. Дело Бейлиса в Киеве.		25.IX—1.X В деревне „Белый Дунаец" (в Галиция) совещание большев. (т наз „Августовское совещание") (Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Трояновский. Думская „Шестерка", представители польской партии): выделение думской „Шестерки": вопрос о национальном самоопределении в смысле права на полное отделение от государства; вопросы 1) работы легальных организаций, 2) о современном стачечном движении, 3) о задачах агитации в данный момент, 4) об отношении к народникам, 5) об Интернациональном конгресе.	XI. Приезд члена Госуд Думы Хаустова присутствие его на нелегальном собрании „металлистов"	Происходят частые нелегальные собрания, главные участники которых рабочие металлисты.		Арест 24 чел раб. мет. присутствовавших на нелегальном собрании металлистов.
Начало министерской карьеры Маклакова.		1/X. Заседание ЦК. 1/XI. Заседание ЦК.		XII. Впервые поднимается вопрос об издании рабочего журнала С.-Д. направления.		

1914 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
31/I Увольнение Коковцева. Премьерство Горемыкина Посягательство на депутатский иммунитет (дело Чхейдзе) Правительство Щегловитова, Маклакова, Сухомлинова, Саблина.	Обострение революционного движения. Рост политических стачек. Переход к демонстрациям. Великие летние стачки 1) в Центральном текстильном районе; 2) в Баку (миссия Джульковского) и особенно мощно в СПБ (в начале VII м. баррикады в Петрограде). 8/VII. Закрыта „Правда".	Вопрос об об'единении русск. С.-Д. фракции с Междунар. Соц. Бюро. II. По поручению ЦК Каменев отправляется в Россию для руководства Думской С.-Д. фракцией и газетой „Правда" Брюссель. 18/VI. Об'единительная конференция созванная международным Соц. Бюро. Делегаты от ЦК, с Лениным во главе, пред'явили ультиматум: признать ЦК в качестве единственного руководящего партийного центра и уничтожить меньш. центр: ОК. Больш. отказались от голосования примирительной формулы Плеханова, до обсуждения последней местными организациями.	Оживление рабочего движения. Экономические забастовки 24 II Организация „О-ва Разумных Развлечений V. Празднование 1 Мая. 14 VII Приезд тов. Муранова совпавший с однодневной забастовкой, протеста и знак сочувствия бастующим рабочим	Попытка создать организацию без содействия интеллигентов 18 I. Выход № 1 „Зари Поволжья". Усиление организации за счет прибывших административно-высланных из центра. V. Выпуск прокламации к 1 маю Партийная работа в течении всего года сосредотачивается вокруг журнала „Зари Поволжья" и „О-ва Разумных Развлечений". Ведется жестокая борьба за обладание журналом меньш. и больш.	Станкевич, Буянов Туга, Белов. Кукушкин.	
		Начало мировой	**войны.**			
VIII. Поражение Самсонова в Восточной Пруссии. VIII. IX. Галицийская битва X. 1-я Варшава. XI—XII. Отход на [redacted] Бзуры и Равки.		Крах 2-го Интернационала (появление „Социал-шовинистов" и „Социал патриотов-оборонцев"). Перегруппировка всех русских социал-демократов между двумя лагерями, „оборонцами" (Плеханов, Алексинский меньш. и думская „Семерка"), и „пораженцами" — Интернационалистами—(Ленин, Зиновьев, Троцкий). № 33 „Соц.-Дем." (от 1/XI) манифест С.-Д. Большевиков: всеми мерами добиваться немедленного прекращения империалистической войны и осуществления социальной революции. Создание ячеек в армии безпощадное разоблачение социал-патриотизма. Социал-патриотическая позиция думской „Семерки". 30/IX—1/X. Финляндская конференция думских С.-Д. больш. и парт. работников. 3—4/XI. 2-я конференция большевиков в Финляндии. 5/XI. Арест конференции; участники ее, не исключая депутатов Госуд. Думы, преданы суду (Каменев и думская „Пятерка").		28 VII. Разгром „Зари Поволжья" и Общества Разумных Развлечений" за агитацию против войны VIII. Провал Обще-городской конференции. Выпуск листовки по поводу войны Неудачная попытка меньш. организовать О-во „Солидарность, вместо О-ва Разумных Развлечений"	Гандер, Седельков, Беляков, Борисов, Розенштейн, Кармашов, Маги	Закрытие „Зари Поволжья" и „О-ва Разумных Развлечений". VIII Арест Станкевича, Буянова, Туга, Белова. Полный разгром организации арест виднейших работников: мобилизация поднадзорных на фронт.

1915 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России.	С.-Д. в России.	Рабочее движение в Самаре	С.-Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии.
		22.I. Парижская Интернационалистская газета „Наше слово" вместо закрытого французским министерством „Голоса" 1[illegible].I. Суд над участниками ноябрьской С.-Д. конференции депутатами 4-й Думы и Каменевым. Ссылка их в Восточную Сибирь.		Выпуск листовки по поводу суда над думской фракцией. В связи с этим разгром организации.	Розенштейн, Шерпняк. Ласко. Булышкин. Милонов, Хрынин. Климович Курулов, Левитин. Рапопорт „Владимир", Александров, М. Макарова, Мутнов.	II. Арест выше 20 чел С.-Д. 15 чел. Предано суду
		14.II. Лондонская конференция социалистов союзнических стран. (по инициативе Вандервельде) Декларация М. Максимовича от ЦК РСДРП; необходимо порвать всякие связи с собственными буржуазно-империалистическими правительствами и протянуть братскую руку революционным С.-Д. Германии и Австрии)		1 V. Выпуск листовки 1 мая.		V. Аресты в связи с выпуском листовки
		20.II.–3.III. Бернская конференция заграничных секций больш. (доклад Ленина о задачах агитации в данной момент)	I/V. Частичные забастовки 1 Мая	V. Майские прогулки за город с чаепитиями и политическими разговорами, с участием рабочих. (На одной из таких прогулок организуется комитет партии в количестве 5 человек)		IV. Арест отв. раб. членов комитета С.-Д
Наступление Макензена в Галиции Очищение Галиции (V) Уступки общественному мнению в связи с военными неудачами: увольнение Щегловитого Саблера, Маклакова, Сухомлинова	„Ликвидаторы„ — рабочие входят в состав. Военно-Промыш. Комитетов	20—22 III. Бернская вторая конференция заграничных секций РСДРП (резолюция: империалистический характер войны делает ложными лозунги о защите отечества, правильный лозунг превращение империалистической войны в гражданскую войну против собственных реакционно-буржуазных правительст. 2-й оппортунистический Интернационал потерпел полный крах. Необходимо создать III-й Интернационал. Поражение царистской России при всяких условиях представляется наименьшим злом).	Организация рабочей комиссии по проведению выборов Военно Пром. Комитеты Производ. пролетариат идет вслед за больш. т. е. против участия в Военно-Пром. К-тах. Служилый за участие в нем Система выборов от 20 до 1000 чел. в предприятиях выбирают одного представителя,—благодаря чему получает большинств. представителей меньшинство пролетариата.	VII.—VIII. Разгром организации в связи с массовками. IX. С конца сентября оживление партийной работы в связи с предвыборной кампанией в Военно-Пром К-т Во время этой компании большевиками ведется усиленная агитация против войны Наряду с выборной кампанией оживляется кружковая работа фабрик и заводов.	Бауэр, Техвин, Эглов, Виксниц, Звейник, Струппе, Бирн, А. Галактионов.	VIII. Августовские аресты подобравшие всех оставших от ареста раньше Высылка Милонова, Хрынина, Климовича, в Саратов под гласный надзор полиции. Максимовского в Иркутскую губернию
Очищение царства Польского (VII) падение линии крепостей Ковно, Гродно, Брест-Литовск (VIII) Разгром русской армии. Борьба Горемыкина с Гос. Думой. Расцвет „Распутинзады"		Лозунг об'единения Интернационалистических элементов. 15.V. ЦК Итальянской Социалистической партии взял на себя почин об'единения. 5–8.IX. Циммервальдская конференция. Образование Интернац. Соц. комиссии.		Организуется подпольная типография XI. В Самаре организуется латышская группа С.-Д XII. Организация об'единенного комитета русс. и латыш. С.-Д. (большевиков). Состав комитета Виксниц, Панов, Трусов. Звейняк, Струппе, Бауэр		

1916 год.

Факты общ. политики.	Рабочее движение в России	С.-Д. и России.	Рабочее движение в Самаре.	С. Д. в Самаре.	Виднейшие партийные работники.	Аресты и репрессии
II. Уход Горемыкина, премьерство Штюрмена. 5/VII. Брусиловское наступление VII. Увольнение Сазонова. IX. Назначение мин. внут. дел Протопопова. (министерская чехарда). XI. Уход Штюрмера премьерство Трепова. XII. Убийство Распутина. Уход Трепова и графа Игнатьева. Премьерство князя Галицина.	Растущее расстройство хозяйственной жизни, страны, рост полицейских репрессий вызывает брожение среди рабочих масс. местные волнения и стачки	5—8 II. Бернское совещание (Ленин, Раковский, Зиновьев, Рязанов, Марков, Мартынов, Аксельрод, Лапинский, Кон). (Отчет о предпринятых социалистами воюющих стран мерах для ликвидации войны, необходимость новой конференции циммервальдцев). 24—30 IV. Кинтальская конференция (Ленин. Зиновьев, Мартов, Аксельрод, В Чернов, Натансон). Левая позиция во главе с Лениным, Р. Люксембург и Радеком, предложила конференции принять самые крайние меры для ликвидации войны: всеобщую забастовку, саботаж, вооруженное восстание „Бюро Циммервальдской левой" (лозунг: превращение империалистической войны в гражданскую) Борьба между „оборонцами" и „пораженцами" в русском и международном рабочем движении.	Выборы в Военно-Промышленный Комитет (большевитская группа огласив свою декларацию демонстративно покидает заседание). 1 V. Празднование 1 Мая Организация проф. союзов конторских служащих Августовская забастовка в механической мастерской Трубочного завода по поводу увольнения рабочих с завода	Борьба больш. и меньш. за захват правления больничных касс После выборов в Военно-Пром. Комитет. работа партийного комитета С.-Д. организации сосредотачивается на укреплении кружков и подготовке к „Поволжской конференции". Летом провал „Поволжской конференции".	Струппе. Виксняя. Галактионов. Куйбышев. Бубнов. Стажкина, Гавриленко. Ермаков. Цевелевич, Романов	Единич. аресты в начале года: Панова, Соболевского. (Кузьмина) Александрова, Лукьяновского. Провал „Поволжской конференции"; арест и ссылка в Сибирь виднейших членов партии Куйбышева, Бубнова, [illegible] Викснина, Галактионова, Стажкиной, Андроннюва, Гавриленко, Н Бауэр, Жана Бауэр. Коробкова, Ермакова Цевелевич. Романова

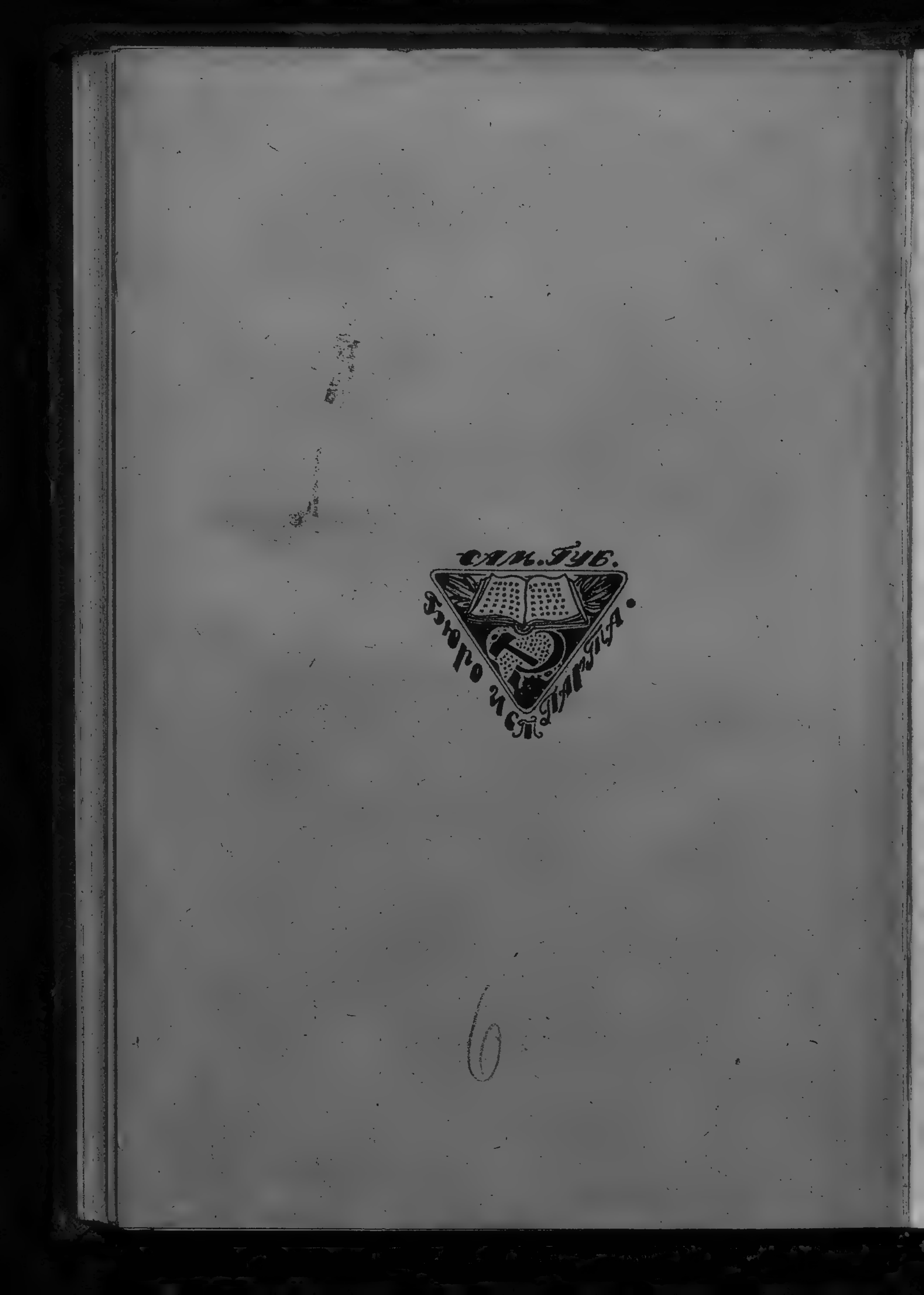
СОДЕРЖАНИЕ:

Материалы и документы.

Приложени I.

Прокламации:

Приложение II.

САМ. ГУБ.
БЮРО ИСТПАРТА
6

